

ТРИНАДЦАТЫЙ МЕСЯЦ В ГОДУ

(Повесть из воспоминаний)

*Светлой памяти моей Мамы
Евгении Львовны МИНКОВОЙ
п о с в я щ а е т с я*

Зеленые цифры электронных настольных часов светили так ярко, что вполне заменяли ночник, а мигающая точка между ними, отсчитывающая секунды, как-то очень уж наглядно подчеркивала убегающее время. И ночью, при затемненных окнах, комната, освещенная неживым электронным светом, казалась нереальной. Как будто во сне.

А сна-то и не было. Вот уже скоро год, как я переехал сюда, в квартиру родителей. И причиной тому было несчастье. Мама, которая и так едва ходила, сломала ногу. Сломала нехорошо, в шейке бедра, и, пробыв два дня и две ночи в травматологии, по совету врача, сказавшего: «Какое ей нужно лечение? Время и уход», была забрана нами домой.

Теперь она совсем не вставала. Лежала, молча, на кровати, и только время от времени дергала за колокольчик, привязанный к шнурку, натянутому между кроватными спинками. Так она звала меня или отца. Отца – днем, когда я был на работе, а меня – ночью. Звала тогда, когда надо было, первые два-три месяца, подать судно или потом, когда требовалось посадить ее на стул, вместо сидения которого мы приспособили крышку от унитаза, а снизу поставили ведро с водой. И хотя стул стоял рядом с кроватью, эта, к сожалению, довольно частая процедура требовала заметных усилий.

Первое время, вскакивая ночью на звук колокольчика, – а спал я в этой же комнате на отцовской кровати, он же перебрался на кушетку в столовую, – я делал все необходимое, укладывал маму, ложился сам и тут же засыпал на час-другой до следующего звонка. Но потом, спустя пару месяцев, сон стал пропадать. Я лежал на спине, поворачивался на один бок, другой, но не мог заснуть. И только спустя, наверное, полчаса-час проваливался в сон, сам того не замечая. Таких циклов набиралось за ночь пять-шесть, и получалось, что каждую ночь я не спал довольно продолжительное время. Сначала я переживал это, стараясь заснуть разными способами, а потом смирился и даже слегка успокоился, внушив себе, что судьба дает мне дополнительное время в жизни. Чем я мог заняться в это время? Да, пожалуй, ничем. Только лежать, смотреть на мигающую секундную точку на часах и вспоминать.... Вспоминать наиболее зацепившиеся в памяти эпизоды моей жизни. Конечно, они возникали не в хронологическом порядке, но это и не важно, выстроить их потом друг за другом не представляло труда...

Так прошел почти год и однажды, подсчитав, я обнаружил, что за это время мои ночные бдения в сумме составили почти целый месяц. Тринадцатый месяц в году....

«СКАЖИ - КУКУРУЗА» (Воспоминание первое)

Два раза в день, утром перед первой сменой и после окончания ее, над поселком гудел заводской гудок. Вообще-то это был не поселок, а окраина небольшого подмосковного города, отделенная от него железной дорогой. По одну сторону путей стоял старый вокзал, от которого длинная улица, тогда еще называвшаяся Ворошиловской, а потом несколько раз менявшая название на Вокзальную и снова на Ворошиловскую, тянулась к самому городу. А все, что было по другую сторону путей, называлось поселком имени Ногина или чаще просто Ногинкой.

Город издавна был известен своей текстильной промышленностью, и одна из фабрик, расположенных здесь, бывшая «Рябовская мануфактура», получила в свое время имя товарища Ногина, а отсюда и весь поселок, ибо все, что было тут, так или иначе, имело отношение к фабрике.

Ближе всего к крепким краснокирпичным фабричным зданиям подходили двух-трехэтажные, тоже кирпичные, дома-общежития, построенные хозяином Рябовым для своих рабочих. Общим названием для них было слово «спальня», но каждый дом имел и персональное имя. Самое большое общежитие именовалось «Первомай». Потом шли «Большая спальня» и почему-то «Сто четырнадцатая» и «Сто пятнадцатая». Чуть в стороне от них стояли несколько трех-четырёхэтажных домов, построенных уже в тридцатые годы прошлого века. Они тоже были известны под именами собственными. «Красный дом» и «Серый дом» – это было понятно из-за цвета кирпичных стен. «Подмастерский» – видимо, потому что построили его для «поммастеров» (есть такая должность помощника мастера в текстильном цеху). А вот почему следующий дом назывался «ФУБР», не мог объяснить никто.

Из старых, Рябовских, домов на Ногинке находился еще «Кремль», двухэтажный особняк самого Рябова и около него одноэтажная «Конюшня». И тот дом, и другой были перегорожены вдоль и поперек и приспособлены кое-как для проживания многочисленных жильцов. Ну, вот, пожалуй, и все заметные здания на Ногинке, что стояли там к середине 40-х годов прошлого века. Имелся еще, правда, клуб – большой каменный сарай с водонапорной башней на крыше. Да два магазина: продовольственный и промтоварный – первый этаж каменный, второй деревянный. А все остальное – бараки, да частные дома за заборами. И совсем близко, через овраг, уже деревня Бутурлино.

***

В конце войны, когда начали возвращаться эвакуированные в Сибирь заводы, по чьему-то там разумению большой московский «почтовый ящик» решили вернуть не в столицу, а разместить здесь, на Ногинке, в старых ткацких корпусах. И Ногинка зажила новой жизнью. Вместе с заводом приехали из эвакуации и люди, работавшие на нем. Кое-кто из них, кто порасторопнее, быстро подсуетился и подался в Москву, где еще стояли их забронированные квартиры. Но многие, связанные с заводом намертво, остались здесь. И среди них мой отец. Сначала мы, отец, мама и я, жили в вагоне, в котором и приехали из Сибири, загнанном в тупик у вокзала. А потом отцу, он все-таки был как-

никак начальником сборочного цеха, выделили комнату, метров 9-10, в «Конюшне». Отсюда, из «Конюшни», 1 сентября 1944 года я и пошел в первый класс.

Школ на Ногинке было две. Одна – мужская семилетка № 12 и средняя школа № 25, в которой до седьмого класса учились только девочки, а с восьмого уже вместе мальчишки и девчонки.

Естественно, что я пошел в школу № 12. Школа эта находилась недалеко от заводских проходных, имела огороженный участок с воротами, которые практически никогда не закрывались. Школьных зданий там было два. Одно, наверное, тоже построенное еще фабрикантом Рябовым, – солидное, даже красивое, из красного кирпича, с крыльцом. Второе, ближе к забору, – обыкновенный барак, неизвестно для чего используемый ранее. Видно, в те времена и одного кирпичного здания хватало для детей рабочих «Рябовской мануфактуры». Но, когда на Ногинку приехал «почтовый ящик», население района резко возросло, в том числе прибавилось и детей. И, хотя учились в две смены, пришлось срочно создавать дополнительные классные помещения в вышеупомянутом сарае.

Основное здание было солидным. Широкий коридор, в конце которого отгорожена учительская. Высокие потолки, большие окна, делавшие помещения всех пяти классных комнат светлыми и уютными. Перед поворотом в коридор – раздевалка, туалет и почему-то рядом с ним кабинет директора. Помещение же, оборудованное в бараке, было намного хуже. Там выгородили три класса. Но были они темными, без парового отопления – печки топились дровами, но холода не разгоняли, и помню, бывало, что мы сидели на уроках в пальто и в варежках, а то и чернила в «чернильницах-непроливайках», которые мы каждый день приносили с собой, замерзали.

Не знаю, по какой причине, но в барачном помещении учились первые и вторые классы. Хотя, по разумению, именно малолеткам следовало бы отдать светлые и теплые помещения старого здания. Класс наш был большим, тридцать четыре человека. Эту точную цифру я знаю наверняка, потому что у меня до сих пор хранится маленькая фотография нашего 1-го «А». На ней вокруг нашей первой учительницы Веры Мироновны сгрудились три десятка смешных пацанов. Все мы были подстрижены под «ноль» – это «педагогическое» требование в те времена выполнялось неукоснительно, – в смешных пиджаках, подчас и с чужого плеча, заношенных свитерах или, что было мечтой и шиком, – в «вельветках»: курточках, сшитых из вельвета, со вставкой, желательнее другого, отличного от куртки цвета.

В третьем классе мы уже учились в большом здании. И история, о которой я хочу рассказать, произошла именно там. Надо сказать, что в школу мне ходить нравилось. Нравилась уроки, нравились перемены, особенно, когда становилось тепло и можно было выбежать во двор. Учился я хорошо и без напряжения. Может, от природных способностей. Тем более что ни мать, ни отец мною особо не занимались, по причине занятости. Отец до ночи пропадал на своем заводе, а мама в то время была единственным на Ногинке врачом-педиатром. Так что время я проводил в основном во дворе, с приятелями. Книжки мои родители из эвакуации не привезли, но с первого же класса записали меня в детскую библиотеку. С одноклассниками у меня отношения складывались ровные. С кем-то я был поближе, с другими – «постольку поскольку». Я не был, как сейчас говорят, «ботаником». Мог за компанию и с уроков убежать, но

активно в драках не участвовал. С удовольствием принимал участие в «общественной жизни». Помню, когда меня выбрали санитаром, я два дня старательно писал дома цветными карандашами таблички по образцу висевших повсюду: «Не сорить!», «Не курить!» И очень расстроился, когда, увидав их, мама сказала, что про «Не курить!» в первом классе писать пока не стоит.

Ребята у нас в классе, конечно же, были разными, послевоенными. Многие без отцов, живущие в «спальнях» и бараках, не всегда сытые. По крайней мере, все с нетерпением ждали большой перемены, когда толстая буфетчица Валя приносила в класс поднос со стаканами чая и раздавала каждому по булочке или баранке.

Но что я помню точно, в классе у нас не было антисемитизма. Сама эта тема как-то не выползала наружу. Я даже не помню, один ли я был евреем среди одноклассников или был еще кто-то кроме меня. По-моему, я тогда даже не задумывался над этим.

Все началось в третьем классе.

Почему-то не в начале года, а где-то в середине первой четверти в нашем классе появились два новых ученика. Не знаю уж, в чем там было дело. Или их перевели из другой школы, скорее всего «железнодорожной», что была ведомственной при Министерстве путей сообщения и находилась около вокзала. Или они остались на второй год, что вряд ли, поскольку я их до того времени не видел на нашем школьном дворе, да, по-моему, и вообще на Ногинке. Не в этом суть. Один из новичков был маленького роста, но довольно плотный, без одного переднего зуба. Другой гораздо выше и, пожалуй, не слабее его, но с какой-то явной подчиненностью в глазах. Первого звали Иваном Силкиным. Второго – Сережкой Лариным. И почему-то сразу же мы узнали их прозвища. Сережку кликали Ларек, что, как обычно, образовывалось от фамилии. А Силкина почему-то – Ваня Хыся.

Первые дни мы, естественно, приглядывались к новичкам, как, понятно, и они к нам. Сразу же бросалось в глаза, что Ларек в этой паре был явно ведомым. Нет, наверное, это слово не совсем точно объясняло положение вещей. Мы, дети войны, тогда хорошо оперировали военными терминами, и когда говорили про летчиков-истребителей, летающих парой, – ведущий и ведомый – то, конечно же, имели в виду, что оба они летают на одинаковых самолетах, оба сражаются с неприятелями и названия эти, скорее всего, происходят из тактических обязанностей каждого из них.

В нашей же истории Ларек скорее всего выполнял функцию «шестерки» у своего «пахана» – Вани Хыси. Конечно же, понятия «пахан», «шестерка» не подходили напрямую девяти-десятилетним пацанам. Но они не были и такими уж чужеродными для того послевоенного мальчишеского быта. Блатная аура в те годы в большой мере присутствовала в нашей жизни и была, в некотором роде, даже овеяна своеобразной романтикой. А посему Ларек, «глядящий в рот» своему приятелю и выполняющий любую его прихоть, вполне отвечал своему «шестерочному» положению.

К тому же Ваня Хыся, хотя внешне и выглядел куда слабее Ларька: и ростом пониже, и в плечах поуже, – наверное, уже носил в себе зародыш будущего взрослого паханства. Он не принимал участия в общей мальчишеской суетне, не носился на переменах по двору, не играл в «жошку», хотя этой игрой мы увлекались все поголовно.

Игра эта была проста, но азартна, основана на соревновательном моменте, что для мальчишек уже само по себе интересно и притягательно. Для игры брался маленький кусочек кожи с растущим из него мехом. Причем мех этот был очень разнообразен. Это мог быть и мягкий пушистый кролик, и, наоборот, жесткий длинношерстный козел. К слову говоря, сам внешний вид «жошки», как и ее качество, часто вызывали гордость и зависть у ребят. А посему «жошка» являлась одним из важнейших предметов покупки и мены. К коже «жошки» с противоположной от меха стороне провололочкой прикручивался через пару дырочек, как пуговица, плоский толстенький кусочек свинца. И это нехитрое устройство придавало ей устойчивое положение во время игры. Сама же игра заключалась в том, что легким ударом стопы «жошка» подбрасывалась вверх, и победителем считался тот, кто смог сделать это большее число раз. Причем счет велся вслух толпой участников, окружавшей игрока. Были среди нас виртуозы, умевшие подбивать этот меховой кусочек до сотни раз. «Жошечные» чемпионы были известны всей школе. А Ваня Хыся в нее не играл, хотя и стоял в кругу играющих, внимательно следил за игроком и как-то не по-хорошему ухмылялся, когда «жошка» падала на землю. Вероятно (я об этом подумал только сейчас), он сам не мог хорошо играть, но и не мог допустить, чтобы другие видели это. А может, ему доставляли удовольствие сами промашки ребят. Наверное, и то, и другое в определенной мере характеризовало Хысю.

Другим моментом, обращающим на себя внимание, было то, что Ваня Хыся отчаянно заикался, когда его вызывали на уроках. Он или молчал, или с таким трудом выдавливал из себя слова, что Вера Мироновна, как мне сейчас кажется, вообще старалась не вызывать Силкина к доске. Хотя в обыденной жизни Хыся говорил вполне сносно, правда, предпочитая больше помалкивать. Даже с Ларьком он перебрасывался негромким голосом отдельными фразами. Но Ларек понимал его с полуслова.

Буквально в первые же дни появления Хыси у нас в классе я начал ловить на себе его изучающие взгляды. Но заговорил он со мной лишь через неделю-полторы. В тот день я был дежурным, и, когда на перемену все убежали во двор, остался в классе, чтобы открыть форточку и стереть с доски. И только приступил к своим обязанностям, как дверь распахнулась, и в класс вошел Хыся. За спиной его маячила фигура верного Ларька.

Они вошли и прикрыли за собой дверь, возле которой остался Ларек. Сам же Хыся не спеша направился ко мне. Немного удивленный, не понимая, в чем дело, я обернулся от доски. Хыся шел ко мне не торопясь, и на лице его играла какая-то очень противная ухмылка. Он подошел вплотную – почему-то бросилась в глаза дырка на плече его старого свитера, – и, покачиваясь с пятки на носок, абсолютно не заикаясь, обратился ко мне:

– Скажи: «кукуруза»! – требовательно сказал он и в каком-то сладостном предвкушении уставился на меня.

Все это было настолько неожиданным, что я молчал, сжимая тряпку, которой только что стирал с доски.

– Ну, – опять потребовал Хыся, – скажи: «кукуруза»!

Я продолжал молчать, «не врубаясь» до конца в ситуацию.

– Да ему легче десять раз сказать: «пшенка, пшенка, пшенка», чем один раз – «кукуруза», – подал от двери реплику Ларек и заржал. Я молчал, и Хыся, противно хмыкнув и улыбаясь во весь рот, в котором не хватало переднего

зуба, произнес:

– Ну, чо, бздишь сказать? Жид, значит!

После чего он смачно харкнул на доску, которую я только что старательно протирал, и, повернувшись, опять же не торопясь, пошел к двери, которую угодливо распахнул перед ним Ларек.

Почему-то первой мыслью, пришедшей мне, был вопрос: чем же стереть с доски хысин плевков. Не тряпкой же, которой Вера Мироновна будет потом постоянно пользоваться. Но и оставлять эту харкотину на доске тоже нельзя. Испугавшись, что сейчас зазвенит звонок на урок, я подскочил к своей парте, выхватил из тетради промокашку и, преодолевая чуть ли не рвотный рефлекс, стал очищать доску. Не успел я выбросить скомканную промокашку в корзинку в углу у дверей, как раздался звонок.

Весь урок я не находил себе места и не мог думать ни о чем, кроме того, что произошло на перемене. Я буквально чувствовал на себе взгляд Хыси, сидящего на последней парте в соседнем ряду, и изо всех сил старался не обернуться. И все же не сдержался. Когда к концу урока я бросил взгляд в ту сторону, то увидел, как злорадно усмехнулся Ваня Хыся, как что-то угодливо прошептал ему на ухо сидящий с ним рядом Ларек и ощерился тоже. Этот урок был последним. Я медленно собирал свои тетрадки и учебники в сумку, невольно стараясь оттянуть момент выхода из класса. Какое-то неведомое до сих пор ощущение сидело внутри меня, и я даже себе не мог объяснить, что происходит. Не могу сказать, что я чего-то испугался, но в тоже время и лишился покоя. Обычно окончание уроков воспринималось мною, как и всеми, с удовольствием, и я выходил из школы с предвкушением свободного времени и своих дел. На это раз все было не так. Я вышел из школы и увидел, что у ворот, как бы в стороне, стоят Хыся с Ларьком. Почему-то мне сразу показалось, что они ждут именно меня, и мне стало совсем тошно. До дому мне было идти не так уж и далеко: надо было выйти из школьных ворот, свернуть направо, пройти мимо «Серого» и «Красного» домов, затем вдоль длинной «Спальни Первомай», а там, через небольшой скверик, напрямиком к нашей «Конюшне».

Обычно мы шли домой вдвоем с моим другом Володькой Пуховым, высоким парнем, старше меня года на два, но учившимся в нашем классе, сидевшим со мной на одной парте и жившим в бараке рядом с нашей «Конюшной». Почему он учился с нами, не знаю. Он не был второгодником, учились мы вместе с первого класса. Но пошли-то мы в школу в конце войны и судьбы у всех сложились разные. У Вовки не было родителей, жил он с теткой Настей и был хорошим, добрым парнем, с которым мы много общались. На этот раз я ничего не рассказал Володьке и мы, как всегда, вместе пошли домой. И я сразу же заметил, что сзади, шагах в десяти, шли за нами Хыся и Ларек.

Каким-то подсознанием я понимал, что сегодняшняя история на перемене будет иметь свое продолжение, которое станет для меня большой неприятностью. Но на этот раз все обошлось. Может, потому, что мы шли вместе с Володькой и в его присутствии они вряд ли посмели бы что-то предпринять, а может, просто присматривались к ситуации.

По крайней мере, весь день я не мог забыть происшедшее в школе. Передо мной маячила противная Хысина ухмылка, в ушах звучали его слова: «Жид, значит!» и опять набегала тошнота, когда я вспоминал, как вытирал промокашкой доску. Помню, что тогда я, пожалуй, впервые подумал вплотную о

своей национальности. Нет, я не был «с облака» и прекрасно знал, что я еврей, знал даже, что в этом заложена, по всеобщим понятиям, какая-то доля неполноценности. Более того, слово «жид» тоже не было для меня откровением. Но я впервые примерил эту ситуацию на себя. Я попытался сам разобраться в ней, но ни к какому определенному выводу не пришел. А вечером, когда уставшие отец с мамой пришли с работы, даже как-то испугался поговорить с ними на эту тему.

Только одно я понял точно: для меня начинается новый, не самый лучший, этап в жизни. И предчувствия не обманули меня.

Назавтра, когда я уже не дежурил по классу и на перемене выбежал во двор вместе со всеми, я увидел, что ко мне опять направляются Хыся с Ларьком. Но на этот раз вместе с ними подошли еще трое-четверо ребят из нашего класса, в том числе Аркашка Лобов – Лобан, который был в классе, как сейчас говорят, неформальным лидером. Подошедшие обступили меня и Ваня Хыся, опять же, как ни странно, совсем не заикаясь, повторил вчерашние слова: «Скажи: «кукуруза!» Может, потому, что теперь это не было для меня совсем уж неожиданным, а может, сегодняшняя ситуация отличалась от вчерашней, но я вопросительно посмотрел на Лобана.

– А чо? – сказал Лобан. – Скажи: «кукуруза».

– Кукуруза, – сказал я и почему-то трижды повторил: кукуруза, кукуруза, кукуруза.

– Ну? – обернулся Лобан к Хысе. – Он сказал. Какие проблемы?

Честно говоря, я не знал, для чего я должен говорить про эту самую кукурузу. И какие проблемы это должно решить. Но я не думал, что мои слова так отразятся на Хысином лице. Его буквально передернуло. Или он не ожидал от меня ответа, или, скорее всего, мой ответ как-то не дал ему возвыситься в глазах компании и в первую очередь Лобана.

– Ладно, – процедил Хыся и цыкнул слюной сквозь отсутствующий зуб. – Поглядим еще.

В этот день ничего такого больше не случилось, домой я опять шел с Володькой Пуховым и к концу дня даже решил, что инцидент исчерпан. Но я ошибался.

С этого дня я стал чувствовать постоянный прессинг со стороны Хыси и Ларька. Видно, опасаясь Володьки и Лобана, они не выступали в открытую, но постоянно втихаря стали делать мне различные гадости. То ребята приносили мою тетрадь, найденную в туалете, то я не мог найти в раздевалке свою шапку, то в учебнике по математике обнаружил среди страниц смачный плевков. Я не сомневался, чья это работа, но, как говорится, не пойман – не вор. Особенно обидно было мне, когда однажды, собирая тетради и книжки после уроков, я увидел, что сумку мою здорово порезали. В те годы о портфелях никто и не мечтал, и в школу мы носили свои учебные принадлежности кто, в чем мог. Кто в мешочках, сшитых матерями из разноцветной ткани, кто в сумках от противогазов, которые в послевоенные годы не были редкостью, а кто просто в авоськах. В этом смысле мне здорово повезло. Возвращаясь с фронта, к нам заехал папин двоюродный брат дядя Коля и подарил мне настоящую офицерскую сумку из толстой кожи, с планшетом, на котором имелось много различных карманчиков, – для карандашей, ручек и даже резинки. Когда я впервые принес сумку в школу, она стала завистью всего класса, и я гордился ею безмерно. И вот в тот раз я увидел, что сумка вся исполосована чем-то

острым. Толстую кожу не смогли прорезать насквозь, но безобразные царапины были глубокими. Вокруг обезображенной сумки столпились ребята, сочувствуя, а может, втихаря и злорадствуя. Но поступок этот однозначно был мерзким и Лобан, медленно оглядев толпу одноклассников, громко сказал: «Ну, гады, узнаю кто – убью». Он обвел всех глазами. В том числе и Ваню Хысю. Хыся глаз не опустил. Я почувствовал, как в воздухе назревает гроза.

На следующую неделю ничего особенного не произошло, но в субботу Володька заболел и в школу не пришел. И после уроков я вдруг понял, что сегодня домой мне придется идти одному. Видно, об этом же подумали и Хыся с Ларьком, потому что когда я непроизвольно оглянулся в их сторону, то успел заметить торжествующий Хысин взгляд и ухмылку Ларька.

Я вышел из школы, свернул в сторону своего дома и пошел, стараясь не ускорять шаг. Пару раз оглянувшись, я, к удивлению, обнаружил, что мои враги за мной не идут. В чем там дело, я так и не понял, но настроение мое сразу поднялось, и я зашагал веселее.

Они вышли навстречу мне из-за угла «Первомай» и остановились, поджидая. Но они не жили в нашем районе и в отличие от меня хуже знали различные пути. Почувствовав, что назревает что-то уж совсем нехорошее, я рванулся в сторону и выскочил к «Спальне» с другой стороны. Надо сказать, что «Спальня Первомай» представляла собой длинный двухэтажный дом с двумя подъездами и коридором от конца до конца, с обеих сторон которого находились двери в маленькие комнаты жильцов. В конце коридора помещались умывалка и туалет, а в середине – кухня с громадной плитой, на которой одновременно парилась-варилась еда в более чем двух десятках разнокалиберных кастрюль. Не помню, по какому случаю, но за все время моей жизни я всего лишь раз заходил в «Первомай» и только помнил, что там есть два выхода с двух сторон дома. Поэтому я, убегая от Хыси и Ларька, нырнул в одну из дверей, в надежде проскочить насквозь коридор и выбежать из другой двери. А там уже и до дома недалеко. Но когда я вбежал в коридор, то в первую минуту просто ослеп. После солнечной улицы длинный коридор, в котором не было окон и освещение составляла пара тусклых ламп, показался темным подвалом. Я невольно остановился недалеко от дверей, пытаюсь привыкнуть к полумраку. И в этот момент в двери заскочили Хыся и Ларек. Не знаю, заходили ли они когда-нибудь в эту «спальню» или просто смогли лучше и быстрее сориентироваться, но буквально через минуту оба оказались около меня. Ваня Хыся, как всегда, хамовато усмехался, а Ларек лыбился, предвкушая удовольствие. В большом полутемном коридоре, кроме нас, никого не было, лишь неразборчивые звуки доносились с общей кухни.

– Ну, жидок, скажи: «кукуруза», – как-то даже ласково сказал Хыся и, размахнувшись, со всей силой ударил меня по лицу. От неожиданности я отпрянул к стене, чувствуя, как моментально распухает губа, а Хыся развернулся и, не торопясь, пошел на улицу. Ларек – за ним. В дверях он оглянулся и заржал.

Минут пять, наверное, я простоял в коридоре, чувствуя, как наливается тяжестью губа, а затем почему-то прошел весь коридор насквозь, вышел другим входом и пошел домой. Вид в зеркале был у меня ужасный. И хотя я приложил к губам мокрую тряпку, к приходу родителей лучше не стало. Им я сказал, что упал с турника.

За выходной опухоль стала поменьше, но не прошла, и я пошел в школу,

предвидя вопросы одноклассников.

Что дальше?.. Можно было бы, конечно, насочинять, что я с помощью друзей отделал Хысю похлеще, чем он меня. Но это было бы неправдой. Я вообще тогда не дрался, почему-то боясь ударить человека в лицо. О том, что произошло в «спальне», я никому не сказал. Даже Володьке Пухову. Тем более Вере Мироновне, хотя она все пыталась узнать, что со мной. Как ни странно, выпады со стороны Хыси и Ларька по отношению ко мне с того дня прекратились. Я перестал бояться ходить домой один. И вообще через пару месяцев Ваня Хыся и Сережка Ларек ушли из нашей школы так же неожиданно, как и появились. Через много лет совершенно случайно я узнал, что Иван Силкин сидел в лагере и был убит при попытке к бегству. Так ли это, сказать не берусь. Но до сих пор помню полутемный коридор «спальни Первомай», ухмылку Хыси и его слова: «Скажи: «кукуруза!»

«ВЫ НЕДОСТОЙНЫ...»

(Воспоминание второе)

При желании сейчас можно было бы точно восстановить и то число, и тот день июля 1954 года, когда я, окончив школу, поехал из своего подмосковного городка в Ленинград поступать в институт. Потому что, я это помню очень твердо, именно тогда было солнечное затмение. И, лежа на верхней полке в купе поезда, я совсем некстати вспомнил «Слово о полку Игореве» и именно тот его момент, когда князь выступил в поход на половцев также перед наступлением затмения солнца. Я вспомнил, как Игорь не послушал совета, не побоялся зловещего предсказания, и чем все это кончилось для него.

Я даже помню, как усмехнулся тому, что мне в голову пришло такое историческое сравнение, потому что я-то, во-первых, не был суеверным и не верил ни в какие приметы, а во-вторых, в отличие от князя, не мог потерпеть поражение в своем походе. И уверенность в этом мне давал лежащий в чемодане свеженький аттестат зрелости с серебряной медалью, на гербовой бумаге которого после моей фамилии и перечисления моих отличных оценок было однозначно написано, что обладатель этого аттестата имеет право поступления в любой ВУЗ Советского Союза без экзаменов. Ну и, скажите, какие половцы могли мне помешать это сделать?

На медаль я «шел» довольно уверенно. У нас была хорошая школа, хорошие учителя и сильный класс. Вероятно, как я это понимаю сейчас, он был подобран специально, потому что в четырех десятых классах, окончивших школу в том году, из шести полученных медалей пять пришлись на наш 10 «А». Нет, моя хорошая учеба не была подчинена именно добыче медали. Просто мне нравилось учиться и это получалось у меня без каких-то сверхусилий. Хотя однажды мама заметила в разговоре, уж не помню в связи с чем: «Запомни, без медали ты в институт не поступишь». В первый момент я даже удивился и наивно спросил «Почему?» «Потому, – внимательно посмотрела на меня мама и, вздохнув, добавила: – Сам знаешь».

Я конечно, знал. Был уже не наивным пацаном и понимал, что пионерская песня «Нам открыты все дороги, все пути...» не совсем подходила для еврейского мальчика. Но все это казалось мне в тот момент несколько абстрактным понятием. Лично на себе я до той поры не ощущал откровенного

антисемитизма. В школе относились ко мне хорошо, с ребятами я дружил, даже с дворовыми хулиганами был в нормальных, футбольных отношениях. А маме моей, работавшей педиатром и спасшей немало детей, одна из мамаш в порыве благодарности даже как-то сказала: «Евгения Львовна, вы такая хорошая, такая хорошая. Даже на еврейку не похожи!»

Исходя, как тогда говорили, из «отличных оценок и примерного поведения» после сдачи выпускных школьных экзаменов в нашей школе № 25 на медали претендовали шесть человек. Трое – на золотые, трое – на серебряные. Для одной школы, тем более не какой-нибудь столичной, это было более чем солидно. И поэтому и мы, и учителя с естественным трепетом ждали результата. Окончательный ответ должен был прийти из Москвы, поскольку городок наш был в Московской области и соответствующие руководящие организации находились в столице. Выпускной вечер прошел в конце мая, городское школьное начальство продержало наши документы где-то до середины июня и отправило их на утверждение в Москву. И только к концу месяца, получив вызов, за результатами в столицу уехала директор нашей школы Любовь Григорьевна Цибулевская. В те годы от нас до Москвы ходили пригородные поезда, которые почему-то называли «кукушки». Ходили не часто, всего три или четыре раза в день, поэтому мы представляли, каким поездом вернется Любовь Григорьевна, и собрались на платформе, ожидая прибытия. Был уже вечер, но по случаю лета еще довольно светло. Мы, человек десять-пятнадцать потенциальных медалистов и им сочувствующих, толпились в середине платформы, ибо не знали, из какого вагона появится наш директор, а разбиваться цепочкой вдоль платформы почему-то не хотелось. Вместе мы чувствовали себя более спокойно. Конечно же, мы волновались, понимая, что сейчас вместе с директором к нам приедет судьба.

В полумраке, поскольку фонари еще не зажгли, мы впились глазами в окна вагонов подходящего к перрону состава. Но, видно, Любовь Григорьевна волновалась не меньше нашего, потому что мы увидели ее уже стоящей в тамбуре у открытых дверей и прямо оттуда же, из тамбура, она крикнула нам, махая рукой: «Все в порядке, ребята, все в порядке! Утвердили всех! Всех!» Мы закричали, завопили и бросились к остановившемуся вагону. «Всех, всех!» – повторяла Любовь Григорьевна, уже стоя в нашем окружении на платформе. И несколько тише добавила: «Одна золотая и пять серебряных!» Мои документы отправляли на золотую, но я почему-то сразу, там же на платформе, понял, что вместо «золота» получил «серебро». И хотя окончательно Любовь Григорьевна подтвердила это через несколько минут, и я, естественно, расстроился, но всего лишь на какое-то первое мгновение. Особым тщеславием я не страдал, а с прикладной точки зрения что золотая, что серебряная медали в то время имели совершенно одинаковый статус. Обладатели и «золота», и «серебра» получали право поступать в любые ВУЗы без экзаменов.

А еще через неделю, попрощавшись в Москве на перроне Ленинградского вокзала с родителями, приехавшими проводить меня в «большую жизнь», я лежал на верхней полке скорого поезда «Москва-Ленинград» и вспоминал «Повесть о полку Игореве».

Может возникнуть вопрос: почему это я, проживая в Московской области, в двух часах езды от столицы нашей родины, учиться в которой, безусловно, мечтали все школьники, поехал поступать в Ленинград. Конечно, родители мои хотели бы, чтобы я учился в Москве, у них «под бочком», позволяя себе часто

наведываться домой. Но когда речь зашла о Ленинграде, сопротивления с их стороны я не почувствовал. В решении моем присутствовали и практические, и, если можно так выразиться, духовные моменты. Я родился в Ленинграде, где жила моя семья и откуда перед войной отца перевели на работу в Москву. Так что Ленинград был моей «малой родиной» и вообще я любил этот замечательный город, в котором бывал неоднократно. В Ленинграде жили мои родственники, те из них, кто пережил блокаду и эвакуацию. Так что при необходимости мне было где остановиться и жить, если бы я не получил общежития. При этом мама надеялась, что там я как-никак буду под присмотром моих теток. Все-таки я был к тому времени 17-летним мальчишкой, жившим в тихом маленьком городке и, по большому счету, ничего не понимающим в жизни. В Москве же у меня вообще никого не было. И, кроме того, я ехал поступать в ЛЭТИ им. Ульянова-Ленина, Ленинградский электротехнический институт, который в свое время закончил мой отец. Господи, ни о какой династии тогда и мысли не возникало. Отец мой когда-то работал чернорабочим, слесарем. Но все же в том, что я выбрал ЛЭТИ, была и его подсказка.

Вопрос же получения высшего образования для ребенка из интеллигентной семьи не ставился в принципе. К окончанию школы я решил, что пойду в инженеры. В то время это была одна из престижных профессий. Математика, физика и черчение давались мне легко и с интересом. Хотя, скажем, и химия тоже, и почему я не думал о химическом ВУЗе – не знаю.

Короче, Ленинград был прекрасным городом, ЛЭТИ – престижным институтом и мой серебряный аттестат гарантировал мне осуществление мечты. А посему я даже не взял с собой ни одной школьной тетрадки, ни одного учебника, ибо твердо знал, что экзамены мне сдавать не придется. Планы у меня были таковы: неделя-полторы уйдут на подачу документов, поступление, оформление всех бумаг. До конца июля я гуляю по Ленинграду, потом возвращаюсь к родителям. Затем на пару недель отправляюсь к морю в какой-нибудь пансионат – я до того вообще не был на юге, и мама сказала, что мне надо как следует отдохнуть после выпускных экзаменов и перед учебой. А затем назад – в свой ЛЭТИ... Самым трудным из этих планов, как мне представлялось, было приобретение путевки к морю, но отцу уже что-то там обещали в заводском профкоме. Жизнь прекрасна!

Но все это будет потом, а пока «с платформы говорят – это город Ленинград».

До тети Сони, маминой старшей сестры, у которой я собирался остановиться, я добрался быстро и без приключений, поскольку знал этот путь. Она жила одна в маленькой квартирке на Большой Пушкарской и встретила меня с радостью. Мой приезд не был для нее неожиданностью, обо всем договорено заранее, но она, поцеловав меня и накормив завтраком, сразу предупредила, что завтра уезжает на две недели в дом отдыха.

– Ничего, ничего, – успокаивала меня тетя Соня, – ты парень большой, самостоятельный, с институтом проблем не будет, а если что – и кроме меня в городе родственники имеются. Так что – располагайся.

Если говорить честно, такой вариант для меня был оптимальным. Мне совершенно не хотелось быть под постоянной опекой любвеобильной тети Сони, которая контролировала бы каждый мой шаг. Что может быть лучше, чем оказаться в Ленинграде в 17 лет при полной свободе и замечательной

перспективе... Поэтому в тот день, отдохнув с дороги, я лишь сделал пару родственных визитов и прогулялся по любимому мной Большому проспекту. Назавтра с утра я отвез тетю Соню на вокзал и решил, не откладывая в долгий ящик, отправиться в ЛЭТИ. Институт находился недалеко от дома, на той же Петроградской стороне, что, к слову, тоже было немаловажно, если бы мне в студенчестве пришлось жить у тети Сони. Я вернулся домой, взял приготовленную папку и пошел «поступать на инженера».

В главном корпусе института бурлил поток абитуриентов. Хотя экзамены у них начинались с августа, но документы уже сдавали и довольно активно. В приемной комиссии, отстояв небольшую очередь к столику с надписью «Радиофакультет», который мы с отцом выбрали заранее еще дома, я протянул свои документы милостивой женщине. Она внимательно посмотрела на мой аттестат, характеристику из школы, медицинскую справку № 286 и не помню уже, что еще требовалось при поступлении. По крайней мере, все мои бумаги женщину вполне удовлетворили, она пробила их дыроколом, закрепила в новой папочке с надписью «Дело», написала на ней мою фамилию и положила в стопку с такими же папками.

– Ну вот, все в порядке, – сказала мне она и улыбнулась. – Значит, так. Медалистов у нас зачислят раньше начала приемных экзаменов. Давайте посмотрим, когда вам идти на комиссию.

Она заглянула в какой-то листок, вписала туда мою фамилию и, еще раз улыбнувшись, добавила: «Вот, приходите на собеседование 13 июля в 10 часов в кабинет директора».

Меня почему-то смутило именно это число, да и вообще я впервые услышал о каком-то еще собеседовании, тем более в кабинете директора института.

– Да не волнуйтесь вы, – успокоила она. – Это чисто формально, ну вроде мандатной комиссии. Задачи вам там решать не придется.

Медленно я вышел из института и пошел к трамвайной остановке. Какой-то червячок шевелился у меня в душе. Я не совсем понимал, что должно произойти, не знал, почему эта комиссия какая-то мандатная, но все это лишало меня уверенности и покоя. Правда, скоро я успокоился и оставшиеся до собеседования дни провел в Ленинграде просто замечательно.

Беспокойство опять вселилось в меня накануне этого самого собеседования. Я плохо спал, боясь проспать время, кое-как позавтракал и за полчаса до назначенного срока уже стоял в приемной директора ЛЭТИ профессора Богородицкого среди десятка, видимо, таких же, как я, медалистов, вызванных на комиссию.

В кабинет директора нас приглашали по очереди. Я был третьим или четвертым, точно и не считал. За большим столом в кабинете профессора сидела комиссия – человек пять-шесть солидных товарищей, а во главе стола, видимо, сам директор, седой человек в очках. Меня пригласили присесть на стул, стоящий у того же стола с противоположной к профессору стороны. Я поздоровался, сел и почувствовал, как все стали внимательно изучать меня.

– Ну что, – сказал довольно приветливо директор и открыл папку, вероятно с моим делом. – Расскажите нам про себя.

– О чем? – почему-то спросил я, чувствую внутри себя какую-то непонятную дрожь.

– Обо всем, – подсказал директор. – Как вас зовут, откуда вы приехали, как учились, кто ваши родители. Нам все интересно.

На эти вопросы я ответил довольно уверенно.

– А почему вы решили поступить именно в наш институт? Вы ведь из Подмосковья? Почему не в Москву?

Я перечислил свои доводы, не забыв даже сказать, что здесь учился мой отец. Директор и члены комиссии слушали меня внимательно, время о времени даже кивая головой. И я решил, что на этом все и закончится. Но директор неожиданно для меня спросил:

– А вот в вашем городе есть конденсаторный завод. Какие конденсаторы он выпускает? И кто директор этого завода?

Я растерялся. Что такое конденсаторы, я представлял себе из школьного курса физики. Но откуда мне было знать ассортимент продукции конденсаторного завода и тем более фамилию его директора. Я честно и сказал им об этом.

– Нехорошо, – укоризненно покачал головой профессор Богородицкий. –

Человек, решивший стать радиоинженером, должен такими вещами интересоваться. Вот ребята, поступающие к нам, работали в школе в радиокружках, изготавливали разные приборы, осциллографы. Даже привезли их к нам в институт. Вы привезли какой-нибудь свой прибор?

Этот вопрос меня просто обескуражил. И хотя я в школе не собирал никакие осциллографы, то даже если бы и собирал, вряд ли додумался бы везти их в Ленинград, в институт, на приемную комиссию.

– Нет, – сказал я, – я ничего не привез.

– Ну вот, уважаемый, – мне показалось, что профессор даже обрадовался моему ответу. – Ну вот, сами видите, – обратился он уже к членам комиссии, и те послушно закивали головами.

– Что же тогда вы хотите? – Богородицкий опять повернулся ко мне и даже развел руками. – Мы считаем, что вы недостойны учиться в нашем институте. Документы получите в приемной комиссии. Идите, до свидания.

До конца еще не осознав случившееся, но, уже поняв, что произошла катастрофа, я обвел глазами членов мандатной комиссии, увидел, что все они смотрят на меня даже с некоторой жалостью, и вышел из кабинета. Ко мне сразу кинулись ребята из медалистов с шепотом «Ну что там, что там?», но я ничего не ответил им, потому что еще сам для себя не мог толком объяснить случившееся.

Целый день я в прострации прошатался по городу. Родителям сообщать о происшедшем я не собирался, понимая, что для них это значит. К родственникам идти не хватило смелости. Уже ближе к вечеру я вернулся домой, попил пустого чаю, хотя за целый день не съел ни крошки, и стал думать, что делать дальше. Первое, до чего я додумался, сейчас вызывает у меня лишь грустную усмешку. Но тогда я был наивным, как дитя и, будучи правоверным комсомольцем, верил в справедливость. А посему этим же вечером я написал письмо Первому секретарю ЦК комсомола Александру Шелепину, в котором, как мог, описал мою ситуацию и закончил письмо конкретным вопросом: «Прошу мне объяснить, почему я, комсомолец и медалист, недостойн учиться в Ленинградском электротехническом институте имени Ульянова-Ленина?» И мне даже несколько полегчало.

Наутро я бросил письмо в почтовый ящик, купил в киоске брошюру о ленинградских ВУЗах и, сев в скверике, начал выбирать из них наиболее подходящие для меня. Институты было довольно много, моя серебряная

медаль была действительна для каждого из них, и я решил, что еще не все потеряно. Но прежде всего мне надо было взять документы из ЛЭТИ. Та же женщина за тем же столиком, что неделю назад брала мои бумаги, на этот раз улыбалась как-то виновато и сказала, чтобы я пришел за ними завтра. Я пришел, но мне их опять почему-то не отдали. И эти непонятные вещи тянулись неделю, каждый день из которой был для меня на вес золота, ибо сроки приема документов у медалистов в институты были ограничены. У меня не хватило настойчивости пойти к начальству, потребовать вернуть мои документы или вообще что-то предпринять по этому поводу. Я просто ежедневно наведывался в приемную комиссию и уходил ни с чем. Наконец числа 20-го я получил свои бумаги и в тот же день отправился с ними в другой институт.

Не помню, какой из институтов, выбранных мной из брошюры, был первым. Но он был и не последним. Я обошел их как минимум с десятков, и везде мне говорили практически одно и то же: «Прием документов у медалистов уже закончен. Приходите на следующий год». Когда же я просил взять мои документы и, забыв мое «серебряное» право, допустить меня к экзаменам на общих основаниях, мне снисходительно улыбались и возражали: «Что вы, на общих основаниях, вы же медалист». Только, помню, в одном из институтов, по моему, это был ЛИКИ, Ленинградский институт киноинженеров, отказ был с другой формулировкой. Председатель приемной комиссии, повертев мой аттестат, с укоризной сказал: «Вот, я вижу, аттестат ваш уже был подшит где-то. Значит, первоначальное желание у вас было учиться в каком-то другом институте. Почему же вы к нам теперь пришли? По нужде, что ли?»

За эти дни у меня появилось такое ощущение, что я повзрослел на несколько лет. Может, поэтому я не впал в истерику, в отчаяние и решил все-таки добиться своего.

А надо сказать, что произошло еще одно неординарное событие. Довольно неожиданно для себя я получил ответ на свое письмо в ЦК комсомола. На солидном красивом бланке, со всеми входящими-исходящими, за подписью какого-то комсомольского начальника мне сообщили, что мое письмо рассмотрено ЦК и направлено в Министерство высшего образования для решения данного вопроса. О результатах решения будет сообщено мне и в ЦК. Но пока мой вопрос решался где-то там, в Министерстве, мне надо было решать его здесь. До конца срока приема документов в ВУЗы оставались считанные дни, выхода я не видел, а посему, может быть, вдохновленный вышеназванным ответом из ЦК, я отправился в Ленинградскую комсомольскую организацию. Находилась она в знаменитом доме Кшесинской, с балкона которого в свое время выступал Ленин. Что там было, не помню. Или Горком комсомола, или Петроградский райком, но по моему комсомольскому билету меня пропустили внутрь красивого здания, и милая девушка-секретарь, узнав мои проблемы, устроила мне встречу с кем-то из местного руководства. Молодой паренек, ненамного старше меня, с комсомольским значком на строгом костюме, выслушал меня, внимательно просмотрел мои документы и еще более внимательно письмо из ЦК.

– Ну и что бы ты хотел? – доброжелательно спросил он. – Ведь на самом деле прием медалистов уже закончен.

– Да я знаю, но почему меня вообще к экзаменам не хотят допускать? Странно как-то получается: если бы у меня в аттестате были все тройки, я бы еще имел шанс сдать экзамены и поступить в институт. А если у меня все пятерки, то и

этого шанса у меня нет?

– Действительно, – почесал макушку комсомольский начальник. –

Действительно, нелогично как-то. А ты куда бы хотел?

– Да сейчас уж и не знаю, – честно сказал я, – вон их сколько обошел.

Паренек внимательно посмотрел на меня, затем опять почему-то на письмо из Москвы и сказал: «Подожди-ка в приемной, я тебя позову».

Я оставил все свои бумаги у него и вышел из кабинета. Минут через десять он приоткрыл дверь и кивком головы пригласил меня.

– Значит так, – внимательно посмотрел он на меня и почему-то прихлопнул ладонью по столу. – Мы здесь договорились. Пойдешь в ЛИТМО, отдашь наше письмо в приемную комиссию, председателю. Ему уже звонили. Будешь экзамены сдавать. Не подведешь нас?

– Не подведу, – ответил я благодарно. – А ЛИТМО – это что?

– Хороший институт, отличный. Сам его кончал. Ленинградский институт точной механики и оптики. Там трудно учиться, но ты ведь медалист, – он засмеялся. – Давай, если что, звони.

Я от души поблагодарил его, дождался письма от секретарши и помчался с ним в отличный институт – ЛИТМО.

Видно, договоренность была, потому что документы у меня приняли без проблем и дали экзаменационный лист, из которого я узнал, что первый из экзаменов – сочинение – уже послезавтра. В то время вступительных экзаменов в институт было шесть. Если не ошибаюсь, сочинение, русский с литературой устный, математика и физика, химия и немецкий. Я хорошо знал все эти предметы, но, во-первых, будучи уверен, что прохожу в институт без экзаменов, за эти дни получил сильный психологический удар по мозгам. А во-вторых, по той же причине, как я уже говорил, я не взял с собой в Ленинград ни одной тетрадки, ни одного учебника. Но альтернативы не было, и через день я уже сидел в большой аудитории и писал что-то по Шолохову.

Сроки между экзаменами были по два-три дня, включая консультации. Поэтому последний экзамен я сдал где-то числа 17-18 августа. Устал я тогда ужасно, но сдал, несмотря ни на что, очень прилично, получив три пятерки и три четверки, то есть набрал 27 баллов. Каждый раз после экзамена я отправлял родителям лаконичную телеграмму типа: «Физика – пять. Целую». Теперь оставалось ждать.

И в это время произошло еще одно судьбоносное событие. Я получил письмо из Министерства высшего образования. Опять же на красивом фирменном бланке за подписью какого-то начальника там было написано: «К сожалению, не имеется возможности принять Вас в ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт. Но если у Вас есть желание учиться в ВУЗе такого профиля, то Министерством подписан приказ о зачислении Вас без экзаменов в ЛЭТИИЖТ – Ленинградский электротехнический институт инженеров железнодорожного транспорта. При Вашем положительном решении, Вы должны явиться туда для зачисления в студенты до 21 августа сего года».

Вот это номер! Вот это дилемма! С одной стороны, у меня сданы все экзамены в ЛИТМО, действительно очень хороший институт, учиться в котором мне хотелось бы. И набранные 27 баллов тоже были вполне солидным запасом. С другой стороны, у меня в руках министерская бумага, где черным по белому говорится о моем зачислении в ЛЭТИИЖТ. Только приди – и учись. Но,

несмотря на этот приказ, что-то не лежала у меня душа к какому-то железнодорожному институту, не хотелось потом работать где-то на полустанке. И если бы не было такого жесткого срока – 21 августа, я бы, безусловно, дождался результата в ЛИТМО.

Тогда я предпринял ход конем. Назавтра мой двоюродный брат с письмом из Министерства отправился в этот самый железнодорожный институт, сказал, что я, дескать, уехал домой и спросил, действительно ли есть приказ о моем зачислении, стоит ли его, меня, то есть, вызывать в Ленинград. В ответ его на полном серьезе заверили, что приказ такой есть и я железно стану их студентом, если прибуду до 21 августа.

После чего проблема выбора усугубилась. И я собрался решить вопрос с открытым забралом. Я пришел к председателю приемной комиссии ЛИТМО, сказал ему, что набрал 27 баллов и спросил, есть ли у меня шанс с таким проходным запасом стать их студентом. На что тот, как мне показалось тогда, ответил разумно. «Мы не знаем, какой у нас будет проходной балл, – сказал мне председатель, – у нас еще не все потоки сдали экзамены. Вполне возможно, что он будет выше 27, а может, и нет. Но если уже есть приказ о зачислении вас в другой ВУЗ, то полный смысл пойти туда. Если же вам так нравится ЛИТМО, то будете хорошо учиться и переведетесь к нам на второй курс на следующий год». Его слова показались мне тогда убедительными, да и, испытав на своей шкуре все вступительные перипетии, я решил лишний раз не рисковать. Я забрал свои документы из ЛИТМО и назавтра с утра, было это 20 августа, пошел в ЛЭТИИЖТ.

Председатель их приемной комиссии, человек средних лет в защитном френче, взял мое письмо из Министерства, которое он уже вчера читал с моим братом, вытащил почему-то толстый красный карандаш и, что-то написав на письме, протянул его мне. Я не поверил своим глазам. Наискосок письма в левом верхнем его углу шли крупные красные слова: «Отказать. Прием медалистов закончен».

– Как же так? – только и смог выдавить я из себя. – Вы же только вчера сказали моему брату, что приказ есть и можно вызывать меня в Ленинград.

– Не знаю, не знаю, – отмахнулся от меня человек во френче. – Может, чего и сказал. Но то было вчера, а то сегодня. Там в Министерстве пишут, сами не знают чего. Езжайте к ним, разбирайтесь.

Это был нокдаун. Но нокаут я получил, когда помчался в ЛИТМО.

– Извините, – развел руками знакомый председатель, вчера так убедительно советовавший мне идти к железнодорожникам. – Что я могу сделать? Вы же забрали свои документы. Вас уже и в списках нет. На следующий год приходите. Будем рады.

Придя в себя и не видя уже абсолютно никаких перспектив в Ленинграде, я назавтра уехал в Москву. Закаленный боями, я не поехал домой к родителям, а прямо с вокзала отправился в Министерство высшего образования. Там, оглядевшись, через справочное бюро я нашел человека, подписавшего мне злополучное письмо и, как ни странно, смог попасть к нему на прием. Можно понять, какая напряженка творится в Министерстве высшего образования в конце августа месяца, когда заканчиваются приемы в ВУЗы по всей стране. Однако уставший человек в большом кабинете, сидевший в кресле за массивным столом, принял меня доброжелательно. Может быть, не так часто прорываются к нему вчерашние школьники, может, возмутила хамская

резолуция на его собственном письме, но разговор у нас получился спокойный и хороший. Он еще раз перечитал свое же письмо с красными словами наискосок, посмотрел мой аттестат и сказал: «Да, сегодня уже 22-е – он зачем-то оглянулся на висящий сбоку большой календарь. – В институтах сейчас сумасшедший дом... Что же нам делать-то с тобой?»

– Не знаю, – ответил я. – Устал я от всего от этого, а учиться хочу.

– Хочешь, значит, будешь. Я смотрю, город ваш как раз на полдороге между Москвой и Тулой. Поедешь в Тулу? Там отличный институт. Тульский механический. Сам понимаешь, Тула город оружейный и институт такой же. У нас таких в Союзе только два. Там и Ленинградский механический. Ну что, поедешь?

– Поеду, – сказал я. – Спасибо вам.

– За что спасибо-то? Ты уж извини, что с этими так получилось, – он взял то самое письмо. – С ними я еще разберусь. А письмо это возьми себе на память. Подожди в приемной немного. Сейчас тебе другое письмо напишут и в Тулу сообщат. Ну, давай, желаю успехов. Учись хорошо.

Он поднялся из-за стола, пожал мне руку, и я как на крыльях вылетел в приемную.

А еще через два дня, побывав дома, я отправился в Тулу.

От нашего городка до Тулы ходили разболтанные пригородные поезда, со старыми вагонами, полутемными, освещаемыми керосиновыми лампами, и с железной печкой посередине, которую проводница топила углем. Даже не верилось, что в наше время еще существуют такие. Три часа, кряхтя всеми суставами, поезд тащился до Тулы, и все эти три часа я пытался сам для себя понять, правильно ли я сделал, согласившись поехать сюда. Этот город я вообще себе не представлял и знал лишь, что там есть оружие, самовары и тульские пряники. Ни одного знакомого в городе у меня не было. Что представляет собой Тульский механический институт, чему он учит и вообще где он там находится, не знал абсолютно. И времени узнать об этом не было. На календаре – 25 августа, а в новом письме, что я вез с собой, предписывалось явиться в ТМИ до 26-го.

Пока я добрался до Тулы, пока узнал, как доехать до института, который, оказывается, находился на самом краю города, пока тащился туда на дребезжащем трамвае вдоль бесконечно длинного проспекта Коммунаров, время подошло к полудню. Тульские виды, разглядываемые мною из трамвайного вагона, удручали. Булыжные мостовые, пыльные улицы и дома в основном какие-то купеческие, деревянные.

Но сам институт неожиданно оказался большим четырехэтажным зданием с колоннами и широкой лестницей перед ними. Около института теснилось большое стадо легковых машин: видимо, родители абитуриентов не оставались в стороне от процесса. Внутри здания было полно народа

Молодые ребята и девчонки и взрослые люди запрудили там холлы, коридоры и лестницы. Пожалуй, в ленинградских ВУЗах, которые я прошел в своей эпоху, такого не было. В приемную директора института Сергея Сергеевича Петрухина вообще трудно было втиснуться. Кто там и как входил в кабинет и выходил из него, по какому принципу – понять было невозможно. Но могу сказать только, что я в тот день к Петрухину так и не смог пробиться. А поскольку ночевать в Туле мне было негде, не на вокзале же, я уехал в свой город к родителям, и на завтра уже поехал в Тулу часов в 6 утра, чтобы попасть

в институт пораньше.

Прошедший день не был уж совсем для меня бесплодным. Толкаясь между людьми, я выяснил, какие там факультеты, какие специальности. Узнал, что институт на самом деле очень престижный и ряд профессоров приезжают преподавать из Москвы. В основном из Бауманки. Проведал, что с общежитиями у них проблема и первокурсники почти все живут на квартирах. И много других полезных вещей. По крайней мере, когда на следующий день я попал в кабинет к директору, протянул ему письмо из Министерства, и он подтвердил, что действительно приказ о моем зачислении у них есть, на его вопрос, какой факультет меня интересует, я без раздумья сказал – машиностроительный. Сергей Сергеевич посмотрел на меня очень внимательно, вероятно потому, что этот факультет был наиболее закрытым, и устало покачал головой.

– Там мест у нас нет, – сказал он привычные мне слова, – пойдете на механико-технологический.

И, не дожидаясь моего согласия, он сказал в селектор: «Надежда Пална, пригласите Боброва».

Через минуту в дверь директорского кабинета заглянул человек, показавшийся мне похожим на пожилую лисицу. Он вопросительно посмотрел на Петрухина. – Николай Фомич, – сказал тот и кивнул на меня, – возьми его там к себе куда-нибудь.

Я попрощался с директором, вслед за Бобровым перешел коридор и вошел в его кабинет, на дверях которого успел заметить табличку «Декан факультета».

– Садитесь, – пригласил меня декан, сел сам и, выложив на стол четыре листочка бумаги со списками, стал разглядывать их, разговаривая сам с собой.

– Так, куда же мне вас, куда же мне вас?.. Везде полный комплект, везде полный комплект... Ну ладно, приказ есть приказ, давайте попробуем сюда.

Он взял один из листочков, на котором сверху было написано «Группа 542», почему-то повернул его и сбоку приписал мою фамилию. Затем Николай Фомич вытащил из стола стандартный бланк с уже проставленной печатью, написал там два слова и протянул мне.

В моих руках оказалась справка, удостоверяющая, что я являюсь студентом ТМИ, группа 542.

– Будьте здоровы, – поднялся декан. – Первого сентября к 9 часам. Общежития у нас нет.

Я вышел в коридор, не выпуская из рук документ, подтверждающий, что после всех моих мук я стал-таки студентом. И студентом неплохого института. Но почему-то, как ни странно, я поймал себя на мысли, что остался совершенно спокойным к этому событию, чуть ли не равнодушным. Может быть, просто уже перегорел.

Я уехал на вокзал, дождался поезда и всю дорогу до дома простоял у открытого окна, за которым мелькали уже начинавшие желтеть деревья. Я стоял и думал о том, что через два дня у меня начнется совсем другая жизнь. Что ждет меня в этом чужом городе, где нет ни одного знакомого человека? Как я буду там учиться и вообще, где я там буду жить, если в общежитии мне отказали? Я почему-то вспомнил, какие у меня были радужные планы после выпускных школьных экзаменов, после получения серебряной медали. Я мечтал поступить в ленинградский ВУЗ, жить в моем любимом городе, рядом с родственниками. Я собирался перед учебой поехать отдохнуть на море, побыть

с родителями и своими друзьями. Я думал, что пять студенческих лет использую на то, чтобы насладиться ленинградской аурой, культурой и красотой.

Меня ждала Тула с пряниками и самоварами. И еще не знаю с чем.

Когда я приехал домой и вошел в квартиру, за столом в комнате сидели мама и наша соседка тетя Нина. А на столе лежал большой неразрезанный арбуз. Мне показалось, что разговор у них шел обо мне, потому что, едва я появился в дверях, они одновременно спросили: «Ну, как?!»

– Да все нормально, – ответил я им и положил около арбуза мою заветную справку.

Тетя Нина радостно засмеялась. А мама заплакала. Может быть, от счастья.

«ЗВЕЗДОЧКА»

(Воспоминание третье)

Когда сейчас я пытаюсь вспомнить, как проходило мое свободное время в период учебы в институте, то, к удивлению своему, вспомнить не могу. Не учился же я, в конце концов, с утра до вечера...

Конечно, речь идет не о первых днях и даже неделях моего пребывания в городе Туле. После больших приключений я был зачислен студентом в Тульский механический институт, причем в последних числах августа, когда до начала учебы оставалась буквально пара дней, и передо мной встала большая проблема. Она заключалась в том, что общежития мне не дали, а в Туле у меня не было ни одного знакомого человека.

В институт я приехал из небольшого подмосковного города, в котором окончил школу, и где жили мои родители. Отец тогда работал на заводе, а мама была врачом-педиатром и практически одна обслуживала весь наш район. Может быть, поэтому ее многие хорошо знали, относились с уважением, и именно это помогло ей за один день найти людей, у которых дальние родственники и жили как раз в этой самой Туле. Поскольку у тех телефона не было, маме дали к тулякам-родственникам рекомендательное письмо с просьбой приютить новоиспеченного студента, то есть меня, на первое время. С этим письмом 31-го августа 1954 года мы вместе с мамой и поехали в Тулу.

Семья Злотниковых, к которым мы ехали, жила в Туле не в центре, но и не на окраине. Они имели свой, очень даже приличный дом, выходящий на улицу тремя или четырьмя окнами и обнесенный сплошным высоким забором с воротами и калиткой. Имелся вход и непосредственно с улицы. Несколько деревянных ступенек, как бы углубляясь в дом, взбегали к солидной двери. Снаружи над ступеньками расположился большой козырек с узорными металлическими кружевами.

Встретили нас хоть и удивленно, но приветливо. Пригласили на кухню за стол, предложили чай и пока мы с мамой, уставшие с дороги, пили его, хозяева, забрав рекомендательное письмо, удалились в глубину комнат, вероятно, чтобы прочитать и обсудить неожиданно свалившийся им на голову «подарок». Видно, решение они приняли быстро и согласованно, потому что уже через пару минут Злотниковы сидели с нами за столом, и я с естественным любопытством рассматривал людей, у которых мне предстояло жить. И сам хозяин, которого звали Ефим Борисович, и его супруга – Фира

Романовна, сочувственно выслушали историю моего появления в Туле и поступления в институт. Видимо, рекомендательное письмо заслуживало внимания и на просьбу мамы приютить меня, они возражать не стали и успокоили, что с мальчиком, со мной, то есть, будет все в порядке. Отдохнув немного, мама собралась в обратный путь, а я поехал провожать ее. Всю дорогу до вокзала в тряском трамвае мы почему-то молчали и лишь разглядывали из окна непрезентабельные тульские пейзажи. Я довел маму до поезда и, стоя у вагона, она поцеловала меня и сказала на прощанье: «Ну, сынок, будь здоров, учись, как следует», а потом немного помолчала и добавила: «И помни, что ты живешь у чужих людей».

Я дождался, пока поезд отошел от платформы и на обратном пути почему-то все время вспоминал именно эти последние мамины слова. Увы, я тогда и не представлял себе, что за ними кроется. Конечно, я понимал, что у меня начинается совершенно новый этап в жизни. Я впервые должен был жить самостоятельно, без родителей, решая одновременно две большие задачи: учеба в институте и бытовые проблемы. А было мне тогда семнадцать лет. К дому Злотниковых я подошел, немножко проплутав, когда уже начало темнеть. На звонок мне открыл Борис Ефимович и сразу же пригласил на уже знакомую кухню. За столом сидела его супруга. Сели и мы.

Фира Романовна внимательно посмотрела на меня, и я сразу понял, что именно она играет первую скрипку в этом доме.

- Ну, вот и хорошо, - сказала она. – Давай сразу договоримся обо всем. У тебя какие вещи с собой есть?

Вещей у меня практически не было, поскольку, выезжая из дому, мы себе еще не представляли, где и как я буду жить. В небольшом саквояже, который я оставил в прихожей, когда уезжал провожать маму, была пара чистого белья, носки, полотенце, несколько тетрадок, кружка, ложка, вилка и зубная щетка.

- Мы ведь живем недалеко, - ответил я, - три часа на поезде. Так что в следующее воскресенье я съезжу домой и привезу, что надо.

На эти мои слова хозяева многозначительно переглянулись, но я не понял, что они имели в виду, и не придавал этому значения. А зря!

- Ну, хорошо, - поднялась Фира Романовна, - пойдём, я покажу тебе, где ты будешь спать.

Я тоже встал и пошел вслед за ней, но почему-то не в сторону комнат, а в противоположную. Там, через маленький коридорчик находилась комнатка, скорее похожая на кладовку, у стены которой стоял громадный, старинный сундук. Фира Романовна даже как-то нежно погладила его: «Это от бабушки еще моего. Сколько лет, а износу нет. Вот на нем ты и будешь спать. Матрас, подушку, белье сейчас Борис Ефимович тебе принесет».

Мы вернулись на кухню. Хозяин нас ждал там.

- Тебе завтра во сколько уходить надо? – спросил он.

- Начало у нас в 9, а сколько до института добираться отсюда я и не представляю.

- Думаю, что где-то минут за сорок ты доедешь, но на первый раз выйди пораньше, пока дорогу не узнал. Здесь от нас до трамвая минут 10-15, пока он придет, а ходят они нерегулярно, езды минут двадцать. Вот к девяти и как раз. Так что, думаю, завтра не позже восьми выходи. А встанешь пораньше. Только просьба к тебе – ты уж не шуми с утра, у Фирмы Романовны мигрень, она спит плохо, а мне на работу позже идти. Чаю погрей себе, бутерброды, на первый

раз, а потом с питанием разберешься.

Я поблагодарил Злотниковых, помог Борису Ефимовичу принести постель и, несмотря на довольно еще раннее время, было где-то чуть больше девяти вечера, стал устраиваться.

Я впервые в жизни спал на сундуке, и прежде, чем заснуть, долго лежал в темноте вспоминая прошедшие события и размышляя о будущих. В доме было тихо, окна в моей кладовке не было, и в этой темной тишине началась моя первая ночь в Туле, предшествующая пяти долгим студенческим годам.

В молодые годы я обладал какой-то интуицией и мог пробудиться безо всякого будильника практически в любое время. И в то первосентябрьское утро я проснулся полвосьмого, встал, стараясь не шуметь, застелил свой сундук, умылся, но завтракать не стал, а, прихватив с собой пару тетрадей, отправился «учиться на инженера».

Стояло теплое сентябрьское утро, на небе не было ни облачка, я нормально проспал ночь, не на вокзале и не на скамейке в парке, впереди меня ждал Тульский механический институт, и настроение мое было на редкость приподнятое. Почему-то не хотелось в этот момент думать о мелочах жизни. До института я добрался нормально и заблаговременно и в непривычной для меня студенческой сумятице довольно быстро нашел большую аудиторию, в которой новоиспеченные первокурсники собрались на ознакомление с руководством института. Потом я познакомился с ребятами из своей группы №542, потом к нам зашел декан, представил старосту группы и его зама из наших же ребят. – А комсорга, - сказал декан, - выберете себе сами, когда немного узнаете друг друга.

В этот день занятий у нас не было. Мы прошлись по институту, получили свои первые стипендии (кому, естественно, они полагались, потому что единственная тройка, полученная на экзамене, лишала тебя стипендии на ближайший семестр), пообедали в столовой, а заодно и купили, кому это было надо, абонементы на питание. Три разноцветных книжечки с отрывными талонами – на завтрак, обед и ужин, - стоили 14 рублей, что составляло как раз половину стипендии. Зато наличие их гарантировало тебе пропитание в течение месяца. Потом надо было записаться в библиотеку, переписать расписание занятий, висевшее на больших листах на первом этаже, сделать еще целую кучу необходимых для первокурсников дел. Так что в обратный путь к Злотниковым я отправился уже ближе к вечеру.

Хочу сразу же сделать замечание. В той истории, которую я намереваюсь рассказать вам, уважаемые мои читатели, я хочу ограничиться лишь одним аспектом моей тульской жизни. И, в частности, я опускаю все, что связано с учебой в институте. Это самостоятельная и настолько обширная тема, что ей можно посвятить целый роман. Может быть, когда-нибудь я напишу и его. Но сейчас речь пойдет о другом.

На этот раз дом Злотниковых я нашел быстро. На звонок мне открыл дверь Борис Ефимович и, попросив меня быть потише, - Фира Романовна себя чувствовала неважно, - провел на кухню. Пока я ел макароны и пил чай, мой хозяин терпеливо выслушал мои впечатления о первом студенческом дне и ушел в комнату. Я остался один и вдруг почувствовал, что совершенно не знаю, чем заняться. Книг у меня с собой не было, пойти куда-нибудь гулять мне и в голову не приходило, спать ложиться было рано. Из-за плотно закрытых дверей, не доносилось ни звука. Промаявшись какое-то время, я пошел

устраиваться на свой сундук. Видно, молодость и переизбыток впечатлений взяли свое и я уснул.

Назавтра утро повторилось. Правда, я поехал в институт минут на 15 раньше, чтобы успеть позавтракать там в столовой. Этот день уже был наполнен занятиями. Как и все последующие.

Пролетела первая неделя. Учились мы тогда, как и все работающие люди, по шесть дней в неделю. И каждый день практически состоял из тех же дел. Питался я теперь в институте, а к Злотниковым приходил только спать. В пятницу вечером Фира Романовна пригласила меня на разговор. И первым же вопросом выбила из колеи.

- У тебя какие планы? - спросила она, усевшись напротив меня за кухонным столом. Бориса Ефимовича с нами не было.

Я сказал, что собираюсь завтра прямо из института поехать к родителям за вещами.

- Нет, я имею в виду не завтра, а вообще. Сам понимаешь, неделю ты у нас прожил, но надо же что-то решать. Ты подыскиваешь себе какое-то жилье? Пойми, мы ведь не можем тебя оставить здесь надолго.

Если говорить честно, сам не знаю почему, но этот вопрос у меня как-то и не возникал. Почему я решил, что злотниковский сундук предоставлен мне на неограниченное время? За эту неделю я не сделал абсолютно никаких попыток решить свои жилищные проблемы. О чем честно и растерянно поведал Фире Романовне. Она лишь сочувственно покачала головой.

- Нет, надо быть серьезней, надо что-то делать с этим. Давай так, я поспрашиваю своих знакомых, что-нибудь найдем. Здесь есть люди, которые пускают жильцов. Думаю, что и тебе что-нибудь подберем. А то находиться здесь и тебе, и нам неудобно. Вот когда ты окончательно переедешь, то и за вещами можно будет съездить.

Мне оставалось только поблагодарить Фиру Романовну и ждать помощи от нее, поскольку сам я не представлял, где можно найти какой-нибудь угол.

Злотниковы сдержали слово и помогли мне и на это раз. В воскресенье по адресу, что они сообщили, я пошел посмотреть предполагаемое жилье.

Пушкинская улица была ближе к окраине Тулы и больше походила на сельскую, чем на городскую. Вдоль немощеной улицы стояли типичные деревенские деревянные домики за палисадниками, заборами, воротами. Изредка попадались колонки для воды с большими ручками-рычагами. Вдоль домов густо пробивалась трава.

Дом, который был нужен мне, выглядел не в самом лучшем виде. Калитка висела на одной петле, ворота, видимо, не открывались с прошлого века. Вход в дом был со двора. Звонка не было. Я постучал сначала рукой, потом ногой. И решив уж, что никого нет дома, собирался уйти. Но в это время дверь скрипнула и на пороге появилась маленькая, сгорбленная старушка в платке, который покрывал ее почти до пят.

- Вы Василиса Николаевна? – спросил я.

- Заходи, - ничего не спросила она и пошла в дом, я – за ней. Мы прошли через темные сени, где на лавке стояли два ведра с водой, и вошли в прихожую.

Хозяйка, не оглядываясь на меня, пошла в комнату. Я вошел туда и, первое на что обратил внимание, - низкие потолки. У Злотниковых потолки были вполне нормальными.

Василиса Николаевна села за стол, покрытый скатертью, и кивнула мне на

второй, венский, стул, который заметно качнулся подо мной.

- Студент? - спросила хозяйка. Я кивнул головой. – Ага, - удовлетворенно согласилась она. – Мне Семеновна говорила, что Романовна просила ее студента взять. Ну что ж, сам гляди. Сдаю я, это верно. Вон у меня в одной комнате Сережа живет с женой и дитем. Военный он, жить им негде. А в другую могу и тебя пустить.

Я оглядел комнату. Кроме стола, старого шкафа и железной кровати там ничего не было.

- Это здесь? – я кивнул на кровать.

- Здесья я сплю, - пояснила Василиса. – А ты, ежели сговоримся, там будешь. Она слезла со стула и толкнула другую дверь, которую я раньше и не заметил. За дверью была крохотная комнатка, правда с маленьким окном, почти над землей. Около окна стояла кухонная тумбочка, а рядом от стены до стены узкая железная кровать, заправленная бельем, с накидкой и подушкой. Больше в комнате, кроме черной тарелки старого репродуктора, ничего не было.

- Ну, гляди, все твое будет. Стул вон у меня еще возьмешь. За это будешь 10 рублей давать. Гляди, подходит?

Все это было для меня настолько непривычным, что я сразу и не смог сообразить хорошо это или плохо. Но поскольку выбора не было, я согласился, подумав, что если очень уж будет не так, еще что-нибудь подыщу, не торопясь. В этот же день я попрощался со Злотниковыми, поблагодарил их за приют и помощь, обещал навещать и перебрался на Пушкинскую.

Чтобы освоить новое местожительство много времени мне не понадобилось. Я узнал, где на участке находится туалет, в какую колонку ближе ходить за водой. Познакомился с лейтенантом Сережей, его женой Люсей и трехлетним Сашкой. Они жили за стенкой и выручали меня на первых порах. Сережа доставал где-то дрова и мы по очереди топили печь, одну на весь дом. Люся помогала в хозяйственных моментах: давала иголки-нитки, заварку или соль.

Василиса Николаевна, бывало, уезжала на недельку-другую к родственникам, так что я был вольготен на своей половине. Основное время я проводил в институте, там же и питался, там же в чертежном зале или зале читальном готовился к занятиям. А дома моим отдохновением стало радио. Даже когда Василиса была дома, с учетом, что она была глуховата, я закрывал дверь в свой закуток и слушал все передачи подряд.

Неудобством для меня стали не туалет на улице и ледяная вода в ведре. Испортило мне жизнь одно происшествие. Как я уже говорил, Пушкинская улица находилась в относительно окраинном районе. А в Туле в то время изрядно «шалили». Правда, тогда ни радио, ни газеты, криминальные новости не распространяли, но слухи среди населения ходили всевозможные. Поэтому возвращаться впотьмах к себе домой мне было неуютно. Особенно после того, как где-то в начале ноября, - уже было довольно холодно, - когда я при свете редких уличных фонарей возвращался из института, от тени дома на противоположной стороне улицы отделились две темные фигуры и пошли ко мне. Убегать было бессмысленно. Я остановился. Подошли двое парней и также, остановившись напротив, стали разглядывать меня. Свет от раскачивающегося на столбе фонаря был расплывчатым, но, видимо, они увидели то, что хотели.

- Здесь что ли живешь? – миролюбиво спросил один из них и кивнул на мой дом.

- Здесь, - ответил я.

- Ага, - удовлетворенно сказал парень и обратился к своему приятелю, - видал, Санек, пархатый.

Уверяю вас, до этого момента, я никогда не слышал этого слова, но каким-то шестым чувством сразу понял, что они имели в виду. В животе противно сжалось.

- Ладно, - опять сказал все тот же парень, - иди пока, надо будет – найдем. До моей калитки было шагов десять, и я даже в полутьме чувствовал на себе их взгляды. Я вошел в дом, не зажигая света и не раздеваясь, прошел в свою комнатку и сел на стул. Он жалобно скрипнул, но мне показалось, что это вскрикнуло что-то внутри меня. Я понял, что спокойная жизнь у меня кончилась. И я оказался прав, хотя, скажу честно, больше ни разу, пока жил на Пушкинской, (а это было почти год, лишь на втором курсе я переехал в студенческое общежитие) я не встречался с этими парнями. Возможно, что конкретно я им и не нужен был после нашей встречи и то «волшебное» слово вырвалось у них само по себе. Но все это время я не знал покоя, особенно, когда приходилось возвращаться домой впотьмах, а зимой темнело рано. Но я же не мог все время жить в постоянном страхе и лишить себя хоть каких-то жизненных удовольствий, надо же как-то было проводить свободное время. Мои однокурсники жили или в общежитии, или, как и я, на квартирах. В основном, конечно, общение происходило в институте. Иногда там устраивались вечера, главным образом под праздники. Была неплохая самодеятельность. Я стал ходить в секцию гимнастики. Но все равно надо было выходить, как тогда говорили «в город».

В середине 50-тых годов Тула была городом хоть и областным, но провинциальным. Там было много предприятий, несколько институтов и техникумов, но все равно на всем чувствовался налет патриархальности. Улицы в основном были мощенные камнем, дома в большинстве частные или коммунальные. Был в городе парк имени Льва Толстого со сломанными качелями-каруселями и танцплощадкой, но ходить туда, особенно вечером, не рекомендовалось.

Были в городе три театра. Драматический имени Горького, расположенный в каком-то дореволюционном помещении. Репертуар его состоял в основном из пьес А.Н.Островского и «положительных» советских произведений. Публика ходила в драмтеатр плохо. Были еще в Туле ТЮЗ и кукольный театр. Но оба они меня, понятно, интересовать не могли. Более-менее посещаемой была филармония, куда приезжали гастролеры различного калибра. Там я был за все годы учебы раза три. Причем один раз на «Вечере еврейской песни», куда меня пригласил мой однокурсник Володя Басин. И хотя я сказал ему, что ни слова не пойму на этом концерте, он резонно возразил: «А если бы пели по-французски, ты бы пошел?» Такой концерт сам по себе в то время являлся событием и я, конечно, пошел, не только получив удовольствие от выступления певицы, но и, в немалой степени, будучи удивленным от переполненного зала.

Еще, пожалуй, следует упомянуть о Тульском Доме офицеров. Каждое воскресенье в нем, в большом паркетном зале, проводились танцы. Но публика там была специфическая. Мужскую половину представляли в основном молодые, неженатые офицеры и курсанты довольно престижного Тульского артиллерийского училища имени Тульского пролетариата. Было на танцах много и девушек разного возраста, которые, как я понимаю, приходили туда не

только потанцевать, но, в основном, чтобы «закадрить» этих самых офицеров и курсантов, а посему на студентов, если они забредали, внимания особого не обращавших.

Но, безусловно, основным «культурным мероприятием» у туляков было кино. Несмотря на то, что Тула была довольно большим городом, в то время кинотеатров там было всего три. Первый из них, «Спартак», находился в Заречье, районе целиком принадлежащим оружейному заводу и его контингенту. Там даже улицы носили специфические названия – Дульная, Штыковая, Затворная, Ствольная... И обитатели Заречья не жаловали «чужаков». Никому из нас и в голову не могло прийти пойти в «Спартак» и если мы попадали в Заречье, то, в крайнем случае, скажем, провожая девушку. Вторым - был кинотеатр имени Бабякина. И кто такой Бабякин я не знал, и в кинотеатр этот ходил редко. Он хотя и располагался в центре города, на «проспекте Коммунаров», но был каким-то неуютным, весь заплеванная семечной шелухой и зрители любили во время сеанса громко комментировать и ржать.

Третий кинотеатр, «Центральный», также находился на проспекте, но был современным, двухзальным, с большим фойе. Это, видимо, был типовой проект, потому что много лет спустя, я видел похожие кинотеатры даже в Москве.

Сеансы в «Центральном» строились так: по четным часам – в одном зале, по нечетным – в другом, начиная с 9 утра и кончая поздно ночью. Правда, последний сеанс был не в 11 вечера, а в 10,45. Этот сеанс оккупировали в основном студенты. Он кончался около часа ночи, и идти оттуда в общежитие можно было только гурьбой.

В тот день я пошел в «Центральный» где-то часов в 6 вечера. Не помню, какой фильм шел тогда, но что-то индийское, может быть, знаменитый «Бродяга». По крайней мере, с билетами была проблема. К обеим кассам тянулись очереди. И в одной из них, человек за пять от заветного окошечка, я увидел своего однокурсника Володю Родионова. Естественно, я обрадовался такому случаю, подошел к нему и протянул деньги. Народ в очереди загалдел, и буквально через минуту около меня возникли два парня с красными повязками «дружинников» на рукавах. Под одобрительные крики присутствующих парни бесцеремонно ухватили меня за руки и потащили в дежурную комнату. Там за столом сидел милицкий сержант в шинели, перетянутой портупеей.

- Нарушал! – радостно возвестили дружинники, отцепляясь от меня.

- Ясно, - с неудовольствием протянул сержант, который, как я думаю, хотел подольше отдохнуть в теплом помещении безо всяких инцидентов. – Кто будешь? Что в карманах имеешь? Выкладывай.

Я не успел ответить, как дружинники охотно полезли в мои карманы.

И здесь я должен сделать еще одно отступление. Месяц назад нашу группу повели на экскурсию на один из машиностроительных заводов. Завод был старым, еще дореволюционным, но нам, вчерашним школьникам, все было интересно. В литейном цехе завода стоял страшный грохот, такой, что люди не слышали друг друга. Мастер, водивший нас, решил показать источник этого шума и подвел к двум большим металлическим вращающимся барабанам.

- Здесь снимают заусенцы с заготовок, - прокричал он. – В барабан вместе с ними насыпают «звездочки», которые, перемешиваясь, снимают острые углы. Мастер взял из ведра такую «звездочку» и дал нам. Она представляла собой

шар диаметром 3-4 мм, из поверхности которого торчали во все стороны заметные выпуклости, которыми, видимо, и производилась обработка. Надо сказать, что памятная встреча на улице у моего дома с двумя парнями, обещавшими не забывать про меня, произошла буквально на прошлой неделе до этого. Чувство беспомощности еще не покинуло меня и, не зная почему, я сунул одну такую «звездочку» в карман пальто.

С тех пор я практически не расставался с ней. Конечно же, я не собирался пускать эту «железяку» в ход, но какую-то уверенность она мне придавала. Находилась «звездочка» в моем кармане и в тот момент, когда «дружинники» полезли туда.

Наверное, если бы они вытащили оттуда пистолет, реакция была бы однозначной. Увидев «звездочку» сержант тоже понял, что отдохнуть ему не удастся. Он взял ее в руку, пару раз подкинул и удовлетворенно сунул в карман шинели. Затем он положил туда же мой студенческий билет, взял меня за рукав и скомандовал: «Пошли, студент, разбираться будем».

Под одобрительные взгляды и возгласы стоящих в кассовом зале товарищей, он вывел меня из здания кинотеатра, посадил в коляску мотоцикла и сел за руль. Мотор взревел, мы помчались по тряским улицам и остановились у отделения милиции. Не дожидаясь, пока я выберусь из «люльки», сержант вытащил меня за шиворот и втолкнул в дверь.

Мы очутились в комнате, разгороженной пополам деревянным барьером. С одной стороны у стены во всю длину тянулась замурзанная скамейка. За барьером за столом сидел младший лейтенант в одном мундире и почему-то в зимней шапке. Он с удовольствием прихлебывал чай из большой эмалированной кружки.

- Что там у тебя, Козлов? – спросил дежурный, не прекращая чаепития.

- Хорошее кино, - ответил тот. – Из кина его привез, глянь-ка, чем балуется.

Сержант положил на барьер мой студбилет и сверху «звездочку». Увидев ее, лейтенант даже кружку отставил. Видимо, он ни разу не был в литейном цеху, потому что с интересом стал разглядывать сей новый для него предмет.

- Молоток, Козлов, - протянул он. – Ступай, мы здесь «хипиш» наведем.

Сержант усадил меня на скамейку, подальше от двери, и с чувством выполненного долга покинул отделение. А лейтенант, не выпуская «звездочку» из рук, опять вернулся к чаю. Отхлебывая из кружки, он обратился ко мне.

- Студент, говоришь? Посмотрим еще, что ты за студент... Где учишься?

Я кивнул на студенческий билет: «Там все написано».

Это дежурному не понравилось.

- Ты, давай не кивай, а отвечай, когда спрашивают, - он взял документ в руки. – Так, значит, первый курс, механический институт, фамилия... Ишь ты!

Он с удовольствием, по складам, вслух прочитал мою фамилию, сделав ударение на последнем слог. Наверное, так она звучала более выразительно.

- Ну, студент, рассказывай, зачем с кастетом ходишь?

- С каким еще кастетом, - возразил я. – Это «звездочка», деталь из литейки, на память о заводе взял.

Дежурный от моих слов просто развеселился.

- На память, говоришь? И кому ж ты хотел ей память вышибать? Слушай, студент, ты вот школу кончил, в институт поступил, инженером хочешь быть. Хочешь ведь?

- Хочу, - согласился я

- Вот! А я семь классов кончил. И сейчас что замыслю, то с тобой и сделаю. Скажешь, нет? – Он сказал это с таким вкусом и удовольствием, как будто его семилетка не всем доступна. И я сразу поверил, что он сделает со мной все, что захочет.

- Ладно, кончай шутки шутить. Все что в карманах – на стол. Часы – на стол, пояс, шнурки от ботинок – на стол. Давай, шевелись, шевелись! Оформлять тебя будем.

Я сидел, не шелохнувшись, на скамейке. Лейтенант разозлился.

- Ты давай, из себя не строй! Все на стол, я сказал. Сейчас в камеру пойдешь, там с народом пообщаешься, шутить не будешь.

- Я не шучу, - почему-то пробормотал я и стал выкладывать на стол за барьером все, что было приказано. Штаны без ремня сразу же пришлось подхватить рукой.

- Иди, сядь, - сказал дежурный, подгребая к себе мои вещи. Сейчас машину вызову, увезут тебя.

Мне показалось, что я в каком-то страшном сне. Хотелось моментально проснуться. Но вокруг меня была явь. Светила неяркая лампочка без абажура, на столе кучкой лежали мои вещи. А я опять сидел на лавке в углу.

В это время я услышал шум подъезжающей машины, и мне захотелось завывать в голос... Стукнула дверь, и в дежурку вошел пожилой милиционер с майорскими погонами. Лейтенант вскочил и отдал честь.

- Здравствуй, Рудаков, - поздоровался майор и, увидев меня, кивнул, - это у тебя еще кто?

- Так что задержанный, товарищ майор. Студент, вроде бы, по фамилии, – дежурный схватил мой билет и прочитал опять же по слогам и не с тем ударением мою фамилию. И при этом почему-то в полголоса добавил: «Не русский, похож».

- За что его?

- Так, гляньте, что имеется, - лейтенант положил на барьер мою злополучную «звездочку». Майор взял ее, взвесил в руке и со стуком положил обратно, а затем обернулся ко мне.

- Что скажешь? Зачем студенту такие штуки?

- Так с завода это, с практики. На память, - ответил я, поднявшись со скамейки и придерживая падающие штаны.

- Хорошая практика, ничего не скажешь, - майор повернулся к лейтенанту. – Какие действия?

- Так вот оформлю протокол, товарищ майор, и отошлю в КПЗ. А потом, как положено, следствие пойдет.

- В КПЗ, говоришь, - задумчиво сказал майор и стал внимательно рассматривать мой студенческий. – До этого приводы были?

- Да нет, что вы!- вскричал я. – Я и сейчас-то нарушил, в кино приятеля билет взять попросил.

- В Туле живешь? Где обитаешь?

- Я угол снимаю, на Пушкинской, не дали мне общежитие.

- Чего так?

- Да мне в институт попасть столько сил стоило! Почти в последний день приняли.

- Да, в институт попасть сейчас нелегко, - согласился майор, - а вылететь куда легче. Вот оформит тебе Рудаков протокол и прощай институт.

Я стоял в унижительном положении, наклонив голову и поддерживая штаны. - Ладно, - майор опять повернулся к дежурному. – Давай, Рудаков, сделаем так. Обойдемся без протокола. Подержи его у себя до утра и гони к чертовой матери. А я сам в институт его сообщу, пусть они там решают, что с ним делать.

Майор козырнул и вышел на улицу. Лейтенант Рудаков, еще не садясь за стол, сказал мне: «Ну, моли Бога, парень, что товарищ майор заскочил. Он мужик добрый. Попал бы в камеру, сам из института бы ушел. Ладно, сиди пока, кимарь. А вещи твои у меня в сейфе полежат.

Еще не понимая до конца случившегося, я приткнулся на лавке и, как ни странно, уснул. Проснулся я от голоса дежурного. Видно, Рудаков ночь не спал. Под глазами его лежали черные тени.

- Иди сюда, - позвал он. – Распишись, что все получил полностью.

Он пододвинул ко мне забранные вчера мои вещи и протянул бланк.

Не читая, я расписался на нем и, прежде всего, надел пояс, а потом стал забирать остальное. Когда я кончил рассовывать свое имущество по карманам то, к удивлению своему, заметил, что на столе нет моих часов. В те годы часы были редкостью, наверное, не случайно грабители в первую очередь требовали у жертвы не деньги, а часы. Простенькая «Победа» была подарена мне родителями в 10 классе и на уроках многие оборачивались ко мне, чтобы я просигнализировал им о времени.

- А часы? – спросил я у лейтенанта.

- Может, тебе и «звездочку» твою вернуть? - отпарировал он. – Бери и будь здоров, скажи спасибо товарищу майору.

Мне ли было «качать права». Я пулей вылетел из отделения, не поехал в институт, - почему-то казалось, что бумага из милиции придет туда раньше меня, - а отправился домой. Мысли были соответствующие.

Конечно, я с благодарностью вспоминал вчерашнего майора, и мне очень хотелось верить, что он будет благородным до конца и не пришлет письма в институт.

Но письмо пришло. Меня вызвали на заседание в комитет комсомола, в котором я, будучи выбранным ребятами комсоргом группы, знал всех.

Пришлось рассказать все по-честному. Володя Родионов, призванный мною свидетелем, подтвердил, в чем заключалось нарушение мною правопорядка в кинотеатре «Центральном». Ограничились выговором без занесения в личное дело. Но самое интересное во всей этой истории было то, что в письме, присланном майором, ни словом не упоминалось про «звездочку». Ну, и я не упоминал о ней тоже.

СКИНУТЬ С ПОЕЗДА...

(Воспоминание четвертое)

Когда через пять лет после окончания института мы впервые собрались на встречу нашей студенческой группы, я написал большую анкету и раздал своим бывшим сокурсникам. Наряду с различными вопросами, с той или иной стороны освещающими прошедшие пять лет жизни каждого из нас, там был и такой: «Что вам больше всего запомнилось из студенческой поры?»

На удивление, а может быть, как раз и не на удивление, почти все наши ребята

и девчонки на это вопрос ответили однозначно – поездки в колхоз. Вам, нынешней молодежи, это может показаться странным. Действительно, неужели за пять студенческих лет, когда мы были молоды, находились в эйфории от поступления в ВУЗ, и вообще – понятие «студенческая жизнь» должно восприниматься только с восклицательным знаком, неужели кроме поездок в колхоз нам нечего было вспомнить? Да нет, было же, конечно. Но ответ на вышеупомянутый анкетный вопрос был вполне объяснимым.

Теми, кто учился в институтах во второй половине 50-х годов прошлого века, поездки на сельхозработы воспринимались как естественный и обязательный третий семестр. Потом были, само собой, поездки на целину, на строительство БАМа (кто не помнит – Байкало-Амурской Магистральной), но это уже, так сказать, выборочно и почти добровольно. В поездки же в колхозы и совхозы родной области попадали все поголовно. В колхозы ездили в обязательном порядке все группы в полном составе раз в году сроком на три-четыре недели, а бывало, что и на месяц. В основном это происходило осенью, когда начинался сбор урожая. А то и два раза в год, например, когда «дорогой Никита Сергеевич» решил завалить страну кукурузой. Тогда весной мы ездили на ее посадку, а осенью – на уборку.

Учился я в Тульском механическом институте. Сам институт, несмотря на свое провинциальное месторасположение, считался вполне престижным, поскольку готовил кадры в основном для оборонной промышленности, что и естественно, поскольку Тула, как известно, издревле являлась городом оружейников. Состав студентов у нас в группе отличался разнообразием. Там учились ребята, окончившие тульские школы, более половины группы были приезжими из городов других российских областей, двое-трое – из сельской местности и пара таких, как я, которые, исходя из определенных параграфов своего происхождения, не особенно могли рассчитывать на учебу в столичных ВУЗах. Жили мы кто где. Туляки, конечно же, дома. А приезжие, большинству которых не досталось студенческого общежития, снимали углы во всех концах города. Так что вместе мы собирались лишь на занятия и за эти часы, безусловно, не очень-то успевали «притереться» друг к другу.

А поездки в колхоз – это было совсем другое дело! Почти месяц мы жили и работали вместе. В одной избе спали, за одним столом ели, под одной березой пили. Ну и скажите, какие еще условия могли так спаивать коллектив? В прямом и переносном смысле этого слова. Вполне возможно, что именно поездки в колхоз сделали нашу группу такой дружной, что спустя и сорок лет мы поддерживаем контакты друг с другом и на Новый год шлем поздравительные открытки. А раз в пять лет собираемся в Туле у нашего ТМИ, что не так-то просто сделать, учитывая разбросанность нашу по всей России и то, что мы уже не только отцы, но и деды. И все же, предварительно списавшись, в первое воскресенье мая мы приходим в нашу любимую аудиторию и после первых возгласов узнавания, удивления, ахов и охов, обходим примечательные места институтского здания, ностальгируя на каждом этаже. Нас раз от раза становится все меньше и меньше, но мы следуем привычным маршрутом. От института через парк идем фотографироваться к памятнику Льву Толстому, потом дальше, к центру города, обязательно заходим в лучшее тульское фотоателье и делаем большой и цветной групповой снимок, а затем направляемся отмечать нашу встречу в заранее заказанный

ресторан. Правда, после «победы перестройки», ресторан стал нам не по плечу, вернее, не по карману. И мы, благо нас собиралось уже всего около десятка человек, шли на квартиру одного из наших товарищей, живущих в Туле. И опять же, – вот правда жизни! – вспоминали за столом наши колхозные поездки.

Итак, мы отправлялись в колхоз! Каждый год в первый-второй день сентября, еще не приступая к учебе, мы облачались в «колхозное» обмундирование, кто во что горазд, и собирались у институтского здания, где нас уже поджидал десяток-другой грузовиков, приехавших из различных пунктов сельской местности тульской области. В кузове грузовики были оборудованы деревянными скамейками, и каждый из них был рассчитан на одну учебную группу студентов. Обычно с каждой группой в роли руководителя отправлялся кто-то из институтских преподавателей. Но в этот год, о котором я веду рассказ, ситуация несколько изменилась.

Мы учились тогда, вернее, только еще собирались учиться, на втором курсе. И кому-то из руководства института пришла в голову идея отправлять в этот год студенческие группы в колхозы под руководством не преподавателей, а комсorghов групп. Так сказать, под идейным руководством. А на мою беду именно меня еще на первом курсе ребята выбрали своим комсorghом. Не потому, конечно, что я был наиболее активным комсомольцем. А по принципу – только не их самих. Короче, отказаться я не сумел, за что и поплатился. Мне впервые в жизни пришлось заниматься не только сбором членских взносов и формальным проведением комсомольских собраний с предоставлением отчета в Комитет ВЛКСМ. Отвечать за работу в колхозе было совсем другим делом. Тогда я еще и не представлял, что это за собой повлечет, поскольку на меня ложились и организационная работа, и бытовые проблемы, и решение конфликтных ситуаций с колхозным начальством. А было мне тогда 18 лет и не имелось абсолютно никакого опыта в таких делах.

У грузовика, выделенного нашей группе, нас ждал колхозный представитель. Это был, как он нам отрекомендовался, сам председатель колхоза «Заветы Ильича» Плавского района Тульской области Юрий Петрович. Простите, фамилию его сейчас никак вспомнить не могу, а выдумывать нет смысла. Прежде всего, Юрий Петрович поинтересовался, кто будет за старшего. А когда узнал, что это я, пожал мне руку и пригласил занять место в кабине грузовика. По-моему, я даже покраснел от такого предложения и полез с ребятами в кузов. Мне совершенно не улыбалось выглядеть в их глазах начальником. Вторую попытку завязать со мной контакт Юрий Петрович предпринял примерно через час, когда мы сделали остановку, и наш грузовик причалил рядом с придорожной «Чайной». Дождавшись, когда я вместе со всеми соскочил на землю, чтобы размять ноги, колхозный председатель пригласил меня в эту самую «Чайную», – как он выразился, слегка перекусить. Под насмешливыми взглядами своих комсомольцев я и от этого предложения отказался. Но все-таки, как ни крути, выполнять свои обязанности мне надо было, и когда еще часа через полтора мы въехали в нашу деревню, мне пришлось вместе с Юрием Петровичем зайти в дом, где помещалось правление колхоза. Несмотря на отсутствие руководящего опыта, я понял, что прежде всего мне надо решить три вопроса. Где мы будем жить, чем нас будут кормить, и что мы должны делать на ниве сельскохозяйственного производства. Под жилье нам выделили три избы. С хозяевами, конечно. Но почему-то в

каждой из них жили лишь одинокие пожилые женщины. В одном из домов разместились девочки – их было всего четверо в нашей группе. В двух других – ребята, разбившись по желанию совместного проживания. С кормежкой я договорился с председателем следующим образом: ежедневно нам отпускали со склада 2 кг мяса, в неограниченном количестве давали молоко с фермы, а также огурцы-помидоры. Кроме того, председатель выделил нам некоторую сумму денег, позволявшую закупать по своему усмотрению в сельпо хлеб, крупу, чай, макароны, подсолнечное масло. Спиртные напитки, бывшие в сельском магазинчике на первом плане, при желании мы могли приобрести из внутренних ресурсов. С фронтом работ Юрий Петрович обещал познакомить нас завтра, и остаток этого дня мы потратили на обустройство и отдых с дороги. Набили полученные на складе наматрасники и наволочки соломой, перекусили продуктами, привезенными с собой из Тулы, и сделали обзорную экскурсию по деревне, где нам предстояло жить и работать три недели, согласно указанию вышестоящих организаций. Эту ночь мы спали «без задних ног».

Назавтра с раннего утра Юрий Петрович зашел за мной и повел на колхозный ток. Название это я слышал из газет и литературы, но своими глазами такое увидел впервые в жизни. На утрамбованной земляной площадке рядом с большим амбаром лежала груда зерна. Огромная! Не знаю, урожай ли в этом году был богатым, или такое количество зерна было в порядке вещей, но она поразила меня своими размерами. Юрий Петрович подвел меня к зерну и полез на вершину горы, откуда поманил к себе. Как городской житель, я не решился было идти сапогами по пшенице, но председатель, видя мое смущение, только рассмеялся.

– Иди, иди сюда, что застрял, – махнул он мне рукой, и я полез по осыпающемуся под ногами зерну вверх.

Когда я оказался рядом с Юрием Петровичем, он присел на корточки и, засучив рукав пиджака, засунул руку по локоть в зерно.

– Пощупай, пощупай, – сказал он мне, и я, присев, тоже запустил руку вовнутрь. К моему удивлению, зерно было не то что теплым, а просто горячим.

– Понял? – спросил председатель, увидев удивление на моем лице. – Зерно горит, понял? Пропадает зерно. И хлеб пропадает, и труд наш пропадает к чертовой матери. Так что вот ваша боевая задача – зерно спасти надо. Сушить его надо. Разбросать по току, перелопатить, высушить на ветру, загрузить в мешки и в амбар перетащить. Понял?

– Ничего себе, – протянул я удивленно. – Так за сколько же такую гору перелопатить можно?

– А это от ребят твоих зависит, – сказал председатель, сбегая вниз с зерновых Гималаев. – И давай с тобой договоримся. Вы к нам на три недели присланы. А сделаем так. Как вы зерно всё в амбар затарите, так я вас и отпускаю.

Помнишь, как кто-то там говорил: «дело спасения утопающих есть дело рук самих утопающих»? Если охота вам будет домой на пару-тройку дней раньше вернуться – постараетесь.

Мне идея председателя понравилась и ребятам тоже, когда я привел их после завтрака на ток и рассказал об условии. Только вечный скептик Юрка Беляев, увидев количество зерна, присвистнул и помотал головой.

На общем собрании так и порешили. Девочки занимаются хозяйством: закупкой продуктов, приготовлением пищи и тому подобным. Им в помощь на роль

«кухонных мужиков» ежедневно по очереди выделяется пара ребят, чтобы дрова колоть, плиту топить, бидоны с водой таскать. А остальные мальчишки бросаются на зерно. В этот же день, чтобы избежать суеты, разбились на бригады, – кому зерно рассыпать, кому перелопачивать, кому мешки в амбар таскать, – и приступили.

Надзирателей за нами не было, но, имея заманчивый стимул, работали на совесть и в первый же день вымотались настолько, что после ужина сразу же завалились спать. Однако через пару дней втянулись, и уже хватало сил вечерами на том же току, подстелив свои телогрейки на зерно, располагаться с удобствами, петь песни под гитару Юрки Сердюка, танцевать под звуки привезенной с собой «Спидолы» и даже немного «откушивать» теплую водку под названием «сучок», производства тульского ликероводочного завода. К нам подтягивалась и местная молодежь. Девочки скромной кучкой садились недалеко на зерно, а пацаны, в основном допризывного возраста, но в заметном подпитии, крутились рядом, сплевывая подсолнечную шелуху и ища повод задраться со студентами.

По сравнению со всеми я находился в худшем положении. Мне надо было, с одной стороны, решать ежедневно возникающие общественные и рабочие проблемы с колхозным начальством, а с другой, я не мог позволить себе ходить по делам с карандашом и блокнотом, пока мои сокурсники таскают тяжелые мешки с зерном. Может быть, они мне ничего и не сказали бы, но я себя ощущал крайне неуютно, а посему работал на току со всеми наравне. Время шло. И о нашей жизни в колхозе можно было бы написать отдельную повесть. Поверьте, про то, что происходило с двумя десятками молодых людей при совместном житье-бытье, материала набралось бы достаточно. Но мой рассказ не об этом.

Короче. Для того чтобы пораньше уехать из колхоза, – а я уже говорил, что многие из наших жили не в Туле и с радостью поехали бы, прежде чем идти на занятия, на пару-тройку дней домой, – мы работали с полной отдачей. Дошло до того, что не прекращали работу с наступлением темноты и таскали мешки в амбар при лунном свете. И нам самим на удивление за три дня до окончания срока ток был пуст и даже подметен. Вечером этого знаменательного дня мы от души отметили финиш и стали строить себе красивые планы проведения свалившихся на нас свободных дней.

А назавтра утром я пошел в правление к председателю. Он сидел в своем кабинетике, и мне сразу же не понравилось, что при моем появлении отвел глаза.

– Юрий Петрович, – сказал я ему. – Мы свое дело сделали, можете проверить. Так что уговор дороже денег. Давайте мне справку для деканата о выполненных работах и везите нас в Тулу. Когда машину ждатель?

– Какую еще машину? – удивлено протянул председатель. – Вы у нас по разнарядке три недели полностью должны отработать. Вот и работайте. С зерном управились – молодцы. Теперь давайте оставшиеся три дня свеклой займитесь.

От такой откровенной наглости я обалдел.

– Какой еще свеклой?! Вы же сами идею эту кинули. Уберете зерно – домой отпущу. Ну, так убрали мы. Справку давайте и машину! Не пешком же нам в город идти!

– А ты чего разорался-то? – сам перешел в наступление председатель. – Не

мог я такого вам обещать. Да если я вас хоть на день раньше отпущу, мне райком голову снимет. Идите, работайте! Отработаете срок, будет тебе и машина, и справка!

Я понял, что спорить здесь бесполезно, хлопнув дверью, выскочил на крыльцо и кинулся было почти бегом в сторону нашего жилья, где меня уже ждали собравшиеся домой ребята, но затормозил, совершенно не представляя, что скажу им. Ведь это же с моей подачи они таскали тяжелые мешки в надежде уехать пораньше. И как им доказать, что председатель купил меня, как ребенка. Я оказался между молотом и наковальней. И задерживать ребят в деревне я не мог, и вернуться в институт без справки как руководитель группы не имел права. На душе было обидно и тошно... Но в первую очередь мне надо было что-то решить с ребятами. Они ведь не были виноваты в этой ситуации. Все наши, с собранными вещами, сидели у избы.

– Ну, когда машина? – первое, что спросили они у меня.

– Машины нет, сломалась она, – ответил я им, и, усталый, как после таскания мешков, сел рядом. О том, что председатель не отпускает нас и не дает мне справку для деканата, я даже и не заикнулся. Ребята загалдели.

– Вообще давайте решать, – сказал я им на этом импровизированном собрании. – Есть варианты. Или мы ждем, пока машину починят, а сколько это продлится, кто знает, может, два-три дня. Или мы сейчас поднимаемся и пешком идем на станцию. Здесь километров десять, не больше.

Ситуация, конечно же, для всех была неожиданной. Но поскольку уехать из колхоза именно сегодня настроились все, то все единогласно и согласились пойти пешком.

Мы попрощались с хозяйкой, уточнили у нее путь на станцию и дружно двинулись в поход.

Дорога шла полями, погода была хорошей, даже солнышко показалось из-за туч. А когда мы пошли через рощу, уже окрашенную в красно-золотистые осенние тона и потрясающе красивую, настроение у нас стало просто замечательным. Лишь меня не покидала мысль о предстоящем в деканате отчете за наш побег. К этому делу запросто могли пристегнуть политическую подкладку и вышибить меня не только из комсомола, но и из института.

Первый час мы прошли относительно легко, даже иногда запевая походные песни. Но потом стала подкатывать усталость. Ноги наливались тяжестью, рюкзаки и котомки все сильнее давили на плечи, и песни уже петь не хотелось. Особенно тяжело было девчонкам. И хотя мы разобрали их вещи, то одна из них, то другая стали отставать. У ребят тоже силы были не беспредельными. Пришлось замедлить темп, приспособившись к отстающим. Так что к железнодорожной станции, что находилась на краю небольшого пыльного городка, мы вышли далеко за полдень. Хорошо еще, не заблудились, но как подкошенные свалились у пристанционного чахлого сквера.

Что делать дальше, никто не представлял, но сил не было и, наверное, с полчаса мы просто приходили в себя. А потом я (как руководитель!!) потащился на разведку. Довольно быстро мне удалось найти начальника станции, пожилого дядьку в полужелезнодорожной форме. Или мой замученный вид, или грустный рассказ о наших приключениях вызвал у него сочувствие. Он поведал мне, что до Тулы 63 километра, скорые поезда у них не останавливаются, а пригородный ходит один раз в день, по утрам. Так что ближайший будет только завтра. Единственный вариант, который, подумав и почесав затылок, смог

предложить мне железнодорожный начальник, заключался в следующем. На запасном пути у станции стоял полувагон с досками, который собирались подцепить к товарному поезду, идущему к Туле через полтора часа. Начальник согласился пустить нас в этот полувагон, но предупредил, чтобы на комфорт мы не рассчитывали. О каком комфорте могла идти речь! Я согласился на этот вариант моментально. И ребята тоже.

Полувагон представлял собой что-то среднее между товарным вагоном и платформой. Другими словами, стены у него были, а крыша – нет. Доски, на наше счастье, занимали приблизительно половину вагонного объема, так что пусть и без комфорта, но более-менее нормально мы бы все смогли расположиться в нем. Пока ждали этого товарняка, мы сидели на насыпи, боясь удалиться от нашего вагона, и ели то, что Бог послал в привокзальный магазин, запивая водой из предложенного начальником станции большого эмалированного бидона. Хотя, признаться, аппетита не было.

Где-то за полчаса до отправления пришел наш спаситель и попросил занять места «согласно купленным билетам».

– Залезайте, залезайте, ребята, – сочувственно сказал он нам. – Не шумите там, а то мне еще за такую самодеятельность по шее дадут. И как в Тулу приедете, постарайтесь без шума испариться.

Мы поблагодарили его, полезли в вагон и стали устраиваться на связанных в пачки досках. Начальник прикрыл за нами дверь, но не до конца, чтобы мы сами смогли открыть ее, добравшись до станции назначения.

Изнутри мы слышали, как маленький маневровый паровозик, лязгнув, покати́л наш вагон, остановился где-то и через какое-то время пристыковал его в хвост товарного состава.

Мы тронулись и часа через полтора без особых приключений, – слава Богу, что не было дождя, – ощутили, как наш состав, закрипев тормозами, остановился на боковых путях большого железнодорожного узла. По всем признакам, это была уже Тула. Открыв дверь и оглядевшись, мы высыпали из вагона и увидели, что это действительно то, что нам надо. До здания тульского вокзала было метров пятьсот, но, немного отойдя от нашего товарняка, мы распрощались друг с другом, поскольку теперь у каждого из нас был свой путь. Лично я отправился на вокзал.

Но пока я иду до вокзального здания, следует сделать небольшое отступление. Наш подмосковный городок, в котором я оканчивал школу и где продолжали жить мои родители, находился как раз на полдороге между Тулой и Москвой. И в ту, и в другую сторону было около ста километров. Поэтому я, учась в ТМИ, если и не каждую неделю, то раз в две недели обязательно старался съездить домой. И не только потому, что по выходным в Туле особо делать нечего.

Просто хотелось навестить родителей, поесть чего-нибудь мамино́го вкусенького, да и прихватить с собой кое-что из продуктов в специально купленном для этого «докторском» саквояже, в который упаковывать банки-бутылки было гораздо удобнее, чем в чемоданчик. Я уезжал из Тулы в субботу после занятий (тогда и учились, и работали по шесть дней в неделю), а возвращался к вечеру в воскресенье. Сначала я ездил на пригородном поезде со старыми раздолбанными вагонами, который останавливался у каждого столба, а посему тянул от нашего города до Тулы почти три часа. Но через некоторое время, осмотревшись, я стал использовать для своих поездок скорые поезда. Через наш город проходила южная железная дорога, и все

поезда, шедшие из Москвы в южном направлении, обязательно делали остановку на нашей станции. Остановок этих – минут по пять – мне вполне хватало. Я подходил к первому вагону, багажному, и привычно договаривался с проводником. Не знаю точно, кем он был: сопровождающим багаж, или бригадиром поезда, но важно то, что в багажном вагоне у него имелось собственное купе, куда не могли добраться железнодорожные ревизоры. Тем более что от нашей станции до Тулы был всего лишь один перегон, и остановок в пути не делали. Этот проводник охотно подсаживал меня в свое купе, в котором, бывало, уже сидели один-два «зайца». И всего за рубль (в то время это были сносные деньги, моя стипендия составляла 28 рублей, а буханка хлеба стоила 8 копеек), в приличном купе за полтора часа вместо трех, я добирался до Тулы. Или аналогичным путем в обратном направлении. Теперь можно вернуться в тот день, о котором я и веду рассказ. Хотя мы убежали из колхоза ранним утром, но, после всех известных вам приключений, из товарного вагона в Туле я вылез часов в семь вечера. Смеркалось, как-никак конец сентября. Пригородные поезда до нашего города в тот день уже не ходили, но еще издали я увидел, что у вокзала стоит скорый поезд, направляющийся в сторону Москвы. Я припустил бегом и, выскочив на платформу, привычно помчался к первому вагону. Там прогуливался человек в форме, и именно он-то был мне и нужен. По отработанному ритуалу я обратился к проводнику с просьбой «подбросить». Он взглянул на меня удивленно и с интересом. И я понял, что удивляться было чему. Перед ним стоял молодой человек, одетый в телогрейку, сапоги и кепку, с рюкзаком за плечами. И не только одежда, но и лицо у него – у меня, то есть – было, вероятно, какого-то грязно-поношенного вида, что и не удивительно после многокилометрового марш-броска и путешествия на досках в товарном вагоне.

– Из заключения, что ли? – спросил проводник.
– Да нет, из колхоза, – ответил я. – Студент я, в колхозе работали. Мне всего один перегон.

Он недоверчиво покачал головой и кивнул головой вперед состава в сторону паровоза.

– Сам понимаешь, такого я тебя в вагон не возьму; если хочешь, садись на первую площадку в багажный. И давай быстрее, сейчас отправляемся. Я поблагодарил и, довольный, побежал вдоль платформы. К моему удивлению, в этом составе багажный вагон был не обычным, а обыкновенным товарным. Но раздумывать некогда, поезд уже трогался, и я вскочил на открытую площадку, непосредственно со стороны паровоза. Пока поезд набирал ход, я огляделся. Площадка была совершенно пуста. Только в середине ее имелось откидное сидение, как раз напротив ручного тормоза, ручку которого при необходимости полагалось крутить. Я сел на сидение и повесил свой рюкзак на тормоз, радуясь, что все так удачно сложилось и совсем уже скоро я буду дома.

В то время тепловозы и электровозы на этом участке железной дороги еще не ходили. Скорые пассажирские составы вели паровозы серии «ИС» («Иосиф Сталин») или «Су», а товарняки – «ФД» («Феликс Дзержинский»).

Какой паровоз тянул мой состав, мне видно не было, поскольку он был прицеплен сразу же к моей площадке и перед моим лицом раскачивался лишь задний торец тендера с двумя фонарями. Один из них почему-то вообще не горел, и площадка освещалась только с одной стороны. Но мне все это было

неважно. Главное, что я ехал. Причем со страшной скоростью. Видимо, это впечатление усиливалось оттого, что я сидел на открытой площадке, отчетливо слышал пыхтение паровоза, громкий стук колес, и мимо, в уже наступившей темноте, мелькали деревья и столбы. Хуже было то, что паровоз, набрав скорость, стал отчаянно дымить, и уже через пару минут я почувствовал, как сажа из паровозной трубы начала оседать на моем лице. Единственное, что я мог предпринять, это достать из рюкзака плащ, который был у меня с собой, одеть его, накинуть капюшон на голову и согнуться так, чтобы хоть как-то предохраниться от копоти.

Итак, я сидел, скрючившись на откидном сиденье, а поезд, как поется в песнях, «летел стрелой». Только проезжая какую-нибудь станцию, он заметно сбавлял ход, но не останавливался. Притормозил он и у станции Пахомово, находящейся примерно километрах в сорока от Тулы, но через пару минут опять разогнался. И за то время, когда поезд замедлил ход, ко мне на площадку вспрыгнули два человека.

От неожиданности я в первый момент даже не успел как-то отреагировать. Но поскольку сидел на своем откидном сидении в середине площадки, то в распоряжении этих людей оказалась всего лишь ее половина, и два вскочивших мужика практически чуть ли не навалились на меня. Спасло то, что, как я уже говорил, из задних фонарей паровоза светил только один. И именно тот, что оказался за моей спиной. Поэтому в его свете для внезапных пассажиров я смотрелся темным контуром. Они же, наоборот, для меня оказались относительно освещены, и я довольно четко рассмотрел их.

Это были двое парней, лет под 25-30, явно блатного сословия, что вытекало из их кепочек-малокозырок, из-под которых выглядывали челки, пиджаков с подкладными плечами и расстегнутых воротников рубашек, демонстрирующих треугольники тельняшек, а также сапог, приспущенных гармошкой. Когда один из них, ближний ко мне, заговорил, в мутном свете паровозного фонаря матово блеснула золотая «фикса».

– Друг, – прокричал он, пытаюсь пересилить паровозный шум и стук колес, и, вплотную придвинувшись ко мне, дыхнул крепким перегаром. – Выручи, друг! Подбрось до города, а то отстали мы. Подбрось, во как надо! – парень провел ребром ладони по своей шее.

– Ты скажи ему, Дуган, скажи, что мы рассчитаемся, – из-за плеча первого вступил второй «блатной».

– Да погоди ты, Гыня, погоди, – отмахнулся от него первый, и я понял, что из этой пары он будет главнее.

– Так что, друг, довезешь? – опять обратился ко мне тот, кого называли Дуганом. И в этот момент, уж не знаю каким чувством, я сообразил, что они приняли меня за одного из охранников, которые в то время часто сопровождали поезда и размещались как раз на таких вот открытых вагонных площадках. Видимо, этому способствовало и то, что я был одет в плащ с накинутым на голову капюшоном и то, что в дрожащем полуосвещении площадки они не смогли сразу определить мой студенческий возраст. На принятие решения у меня были считанные секунды. Отказать им я не мог по той простой причине, что состав уже опять мчался с большой скоростью, и на ходу им просто некуда было деться. Кроме того, кто мешал этим двум здоровым, блатным и нетрезвым парням просто выбросить меня из поезда. Я ясно представил себе эту картину, а также понял, что об этом никто не узнает и искать меня на насыпи не будет.

Значит, во-первых, надо было остаться в глазах «блатных» именно охранником, а, во-вторых, приять правила их игры.

И я решился.

– Ладно, мужики, – сказал я, по возможности стараясь придать своему голосу хоть какую-то уверенность. – Ладно, довезу. Только одно условие. Сами понимаете, нам запрещено кого-то подсаживать, с этим строго. И если с паровоза заметят вас на площадке, греха не оберемся. И я в первую очередь. Так что хотите ехать – давайте садитесь на пол, чтобы не маячить здесь.

Видно, им на самом деле срочно надо было в город, потому что оба послушно сели внизу. Я боялся пустить кого-нибудь из них к себе за спину, поэтому им пришлось разместиться на том ограниченном пространстве, что было передо мной. Один из парней, Гыня, почти улегся на полу площадки, а второй, Дуган, сел чуть ли не на него и оказался опять же вплотную ко мне.

Кое-как разместились. А поезд все так же с бешеной скоростью мчался сквозь лес и темноту. Но теперь я уже не мог позволить себе сидеть согнувшись и укрывать лицо капюшоном от паровозной копоти, и она, я это чувствовал физически, плотно осаждалась на мне. Ехать, по моим расчетам, предстояло около часа. И что могло случиться за это время, трудно было предсказать. Я мечтал лишь о том, чтобы мои попутчики сидели спокойно и не «выступали».

Но, увы, так не получилось. Разговор опять завел Дуган.

– Слышь, друг, ты до Москвы едешь? – спросил он.

– Да нет, вот остановимся, сойду, там смена у меня, другой человек придет. Так что вам решать, как потом добираться.

– Не, нам тоже дальше не надо. Мы сами из этого города и будем. Нас к утру там кореша ждут, а пригородный только в десять пойдет. Скорые, сам знаешь, в Пахомове не останавливаются. Вот подфартило, что ваш тормознул. Ты сам-то как работаешь?

– Да по сменам, – пришлось мне сочинять на ходу, – смену отработаю, три отдыхаю.

– Хорошо имеешь?

– Нормально. Только ответственность большая, за все отвечать надо.

– Ну, друг, если за нас, то ты не волнуйся. Мы все тип-топ сделаем, нам главное сейчас в город добраться.

– Дуган, ты скажи, что заплатим, – подал голос снизу Гыня, – пусть он не бздит.

– Да заплатим, заплатим, – успокоил его и меня Дуган. – Я ж сказал, приедем, рассчитаемся.

О, Господи, опять промелькнула у меня в голове мысль, нужна мне ваша плата. С поезда бы не сбросили.

А Дуган продолжал:

– Ты в городе живешь? Или в Туле?

– В городе, ну да.

– А где, конкретно?

Здесь я выдумать не успел и сказал ему правду:

– На Ногинке живу, у вокзала. Знаешь?

– Ну! – даже как-то обрадовался Дуган. – Так мы же сами с Ворошиловской.

Считай, соседи будем. У нас и на Ногинке кореша есть. Васю Дятла из «Большой спальни» знаешь?

– Васю? Да нет...

– Зря! Законный пацан. Мы с ним три года чалились. И щас не разлей вода. Вот

ты с Ногинки, а мы с Ворошиловской, там нас, сука, каждый знает. Ты, если какие заморочки иметь будешь, приди на Ворошиловскую. Спроси у наших пацанов Дугана, или даже вон его, Гыню. И никаких проблем. Если там у тебя с кем стычка будет, скажи нам, любого подрежем. Ты – мужик правильный. Вон, взял нас, не труханул. Значит, кореша мы теперь с тобой. А мы корешей не бросаем.

– Ладно, – согласился я, – если что, найду.

– Законно, – удовлетворенно откликнулся Дуган и замолчал. Мне даже показалось, что он немножко заснул. И я обрадовался этому обстоятельству в надежде на то, что до конца поездки ничего страшного все же не произойдет. Кто знает, что в любую минуту стукнет им в пьяную голову. Любое мое слово могло послужить для этого поводом. Нервы были на пределе. Да и как иначе, если ты сидишь на открытой площадке несущегося поезда, вокруг в темноте мелькает черный лес, а рядом, почти у тебя на коленях, двое нетрезвых блатных мужиков.

Но, к сожалению, молчание моих попутчиков продолжалось недолго. Минут через пять Дуган заговорил снова.

– Так с Ногинки, говоришь? Да слабаки у вас там на Ногинке. Они под Ворошиловскими нашими всегда прогибались.

И какой черт тут дернул меня за язык.

– Да не скажи, на Ногинке крутые мужики живут, – сам не зная для чего возразил я Дугану и этим вдруг страшно разозлил его. Настолько, что он даже приподнялся и совсем вплотную придвинулся ко мне. Я увидел, как недобро сузились его глаза.

– Ты чо, мужик? – процедил сквозь зубы Дуган, но я услышал его даже в шуме паровозного стука. – Да мы вашу Ногинку, сука, всегда трепали и трепать будем. Понял, нет?

Вот тогда мне стало просто нехорошо. Каким-то шестым чувством я усек, что наступил на большую мозоль, и перспектива вылететь под откос стала совсем реальной. Надо было срочно спасать положение.

– Ну, уж так и все там слабаки, что ли? Ты же сам сказал, что на Ногинке кореш твой живет, Вася Дятел. Так знаю я его, он из «Большой спальни».

Здесь я, видно, среагировал правильно, потому что Дуган, на мое счастье, прямо расцвел и отодвинулся на прежнее место. Я перевел дух.

– Так это же кореш мой – радостно сообщил Дуган уже известный мне факт. – А если ты и Дятла знаешь, то мы теперь все вместе корешиться будем. Ты теперь за нас держись. Понял, нет?

– Дуган, ты скажи ему, что мы расплатимся, – опять завел знакомую тему Гыня.

– Ты скажи ему...

– Да засни ты! – психанул Дуган. – Чо ты выступаешь-то? Он мужик нормальный, все понял? Понял, нет? – он опять повернулся ко мне.

– Понял, – не мог не согласиться я.

– Ну, так щас, сам сказал, доедем, ты меняешься. Вот вместе прямо и пойдем. Мы тебя, сука буду, одного не оставим. Прямо с вокзала к нам на Ворошиловскую и отметим все. Там у нас классная малина! Все тип-топ, хата, девочки, закусон!

Такой вариант меня никак не устраивал. Ни малина меня не прельщала, ни новые кореша. И плюс к этому неминуемое разоблачение мнимого охранника с непредсказуемыми последствиями. Я лихорадочно искал выход из ситуации,

тем более что все ближе и ближе из темноты приближались огни нашего города. Ехать до остановки оставалось минут десять.

– Ну, лады, – обратился я к Дугану. – Я понял. Только теперь, значит, вот какое дело. Сейчас на вокзале меня менять придут, если увидят, что подвез кого, с работы выгонят к чертовой матери. Давайте, пацаны, вот как сделаем. Мы когда у станции тормозить начнем, вы на ходу спрыгивайте, чтоб не засекали ни вас, ни меня. А то хана будет. Я теперь вас знаю, знаю, где вас искать, и если что, так сразу же к вам, на Ворошиловскую.

На мое удивление и к моей радости незваные попутчики приняли предложение безропотно, и когда наш состав затормозил на привокзальных стрелках, Дуган с Гыней благополучно соскочили с площадки. Я не успел перевести дух, как поезд остановился у вокзальной платформы. Сняв с тормозной ручки свой рюкзак, закопченный до черного цвета, я откинул сиденье и, качаясь от пережитого, слез со ступенек на перрон. Прежде чем отправиться домой, надо было подойти к проводнику, который посадил меня в Туле, чтобы хоть сказать ему спасибо. Но, увидав меня, он громко рассмеялся. Я удивленно уставился на него.

– Ты себя-то видел? – спросил он, продолжая смеяться. – Ну, чисто трубочист!
– Ему, видно, понравилось такое словосочетание, и он еще пару раз повторил:
– Ну, чисто трубочист, чисто трубочист. Ладно, беги домой, в зеркало полюбуйся.

К нашему дому я подошел, наверное, часов в десять вчера. Позвонил. Открыла мне мама, и столько удивления было на ее лице! Во-первых, потому, что я заявился посреди недели поздно ночью без предупреждения. А во-вторых, конечно же, от моего вида. «Господи, – всплеснула она руками, – откуда тебя такого черти принесли?» Я посмотрел на свое отражение в зеркале и понял, почему так смеялся проводник и удивилась мама.

Эти три дня я отмывался, отъедался и отлеживался в «родительском доме». Маме и отцу я ничего не рассказал о своих дорожных приключениях, чтобы не пугать их. Я был рад, что они окончились благополучно и меня не выбросили на ходу под откос.

Но через три дня мне надо было ехать в Тулу, идти в институт и предоставлять своему декану Николаю Фомичу Боброву отчет о поездке в колхоз. Я не знал, может быть, он уже был в курсе нашего побега, получив сообщение или от председателя колхоза, или из райкома партии. Но в любом случае необходимой «колхозной» справки у меня, как у руководителя группы, не было. И при этом я еще с первого курса не знал, почему Николай Фомич относится ко мне, скажем так, не очень дружелюбно. Хотя нет. Почему не знал? Знал, конечно. Ведь декан факультета в курсе анкетных данных своих студентов. И, естественно, обратил внимание на мой «пятый пункт», поскольку, как говорится в том стихотворении, я честно «писал в графе «национальность» – «да». Конечно, Николай Фомич Бобров коренным образом отличался от Дугана с Гыней, но я ясно представлял себе, как он меня «скинет с поезда».

Я вернулся в Тулу. Началась учеба на втором курсе, и у меня хватило ума не идти самому в деканат выяснять «колхозную проблему». Я решил для себя просто подождать вызова Боброва или приглашения в институтский комитет комсомола для отчета о работе в колхозе.

Но прошла неделя, другая, а меня не вызывали ни туда, ни сюда. Конечно же,

все это время нервы мои были на пределе, и я неоднократно представлял себе картину моего вышибания из рядов ВЛКСМ и из института. В лучшем случае без «волчьего билета».

Однако все было тихо. Может быть, на Юрия Петровича, председателя «нашего» колхоза, не наехал райком партии, поскольку сам он не стал докладывать туда о нашем побеге. Тем более что свою работу мы полностью выполнили, а самого председателя по головке не погладили бы. Скорее всего, он просто замаял это дело в своих интересах.

С другой стороны, как я сейчас себе представляю, ни декану, ни комсомолу наши справки были ни на фиг и не нужны. К тому же, «черное пятно» побега целой группы студентов с «фронта борьбы за урожай» - не важно, по какой причине, важен сам факт, – Тульский механический институт в вышестоящих инстанциях тоже не украшало. Другими словами, все были заинтересованы сделать вид, что ничего такого и не произошло. К тому же начало учебного семестра, да еще с месячным «колхозным» опозданием, сразу же навалилось на деканат кучей проблем, и Николаю Фомичу Боброву было просто не до меня.

Так что, можно было сказать, что все закончилось вполне благополучно. Если, конечно, не считать миллионов моих погибших нервных клеток. Господи, да кто их считает-то?!

«ПРАВЫМ ПАЛЬЦЕМ ЛЕВОЙ РУКИ...»

(Воспоминание пятое)

То, что «красного» диплома мне не видать, как своих ушей, выяснилось еще почти за год до окончания института. По положению диплом «с отличием» выдавался тем выпускникам ВУЗов, у которых в приложении к этому самому диплому имелось не менее 75% отличных оценок из общего числа оцениваемых дисциплин. Вторым необходимым условием было отсутствие в дипломе хотя бы одной оценки «удовлетворительно». И если с первым условием у меня не было проблем, и уже к концу четвертого курса я набирал «пятерок» больше необходимого количества, то со вторым получился «прокол».

Как это ни покажется странным и обидным, но «трояк» в диплом я получил по кафедре «Военное дело». Странным – потому что это была далеко не самая сложная дисциплина в учебном процессе. А обидным – потому что на всем протяжении учебы у меня по «военному делу» были сплошные отличные отметки. Даже четверки за все эти годы не было ни разу.

Но давайте по порядку. Я учился в Тульском механическом институте, который правильнее было бы назвать военно-механическим. По крайней мере, наш «собрат» в Ленинграде назывался именно так. Ни для кого не секрет, что Тула – город с военной промышленностью, тульское оружие имеет вековые традиции, а посему и институт – ТМИ, созданный в этом городе, был сориентирован по этому профилю. Из четырех факультетов два были «закрытыми» и носили какие-то нейтральные названия – машиностроительный и механико-машиностроительный. Ну, это, наверное, для того, чтобы шпионы не догадались. Помните, как в Союзе в то время назывались самые «крутые» министерства? Министерство общего машиностроения, Министерство среднего

машиностроения... Поди, мол, догадайся, чем там «общим» и «средним» они занимаются.

У нас на машфаке и мех-машфаке секретность также соблюдалась в полном объеме. Студенты этих факультетов занимались в отдельном здании, с усиленным пропускным режимом. И даже тетрадки с лекциями и задачами им не разрешалось выносить за проходную. Вероятно, те студенты давали подписку о неразглашении. По крайней мере, я не знал, что они там изучают, да, честно говоря, и не особенно интересовался.

Наш факультет назывался механико-технологический, был более «штатский», готовил инженеров-технологов и конструкторов, но «военная» сторона учебы у нас тоже «имела место быть». Руководил военной кафедрой генерал, а среди преподавателей было немало полковников и подполковников. Занятия по военному делу проходили у нас каждую неделю, экзамены по этому предмету мы сдавали каждый семестр все первые четыре курса. После чего уезжали на месяц в военные лагеря и, вернувшись оттуда, сдавали государственный экзамен. Оценка, полученная на «госе», и шла в диплом. А мы получали офицерские звания. Впоследствии и преддипломную практику я проходил на Тульском оружейном заводе, и диплом защищал по их тематике.

Учился я на военной кафедре с удовольствием, Впрочем, как и все мои однокурсники. Удивительного в этом ничего не было: кому из вчерашних школьников не интересно повозиться с оружием, научиться разбирать различные конструкции пистолетов, пулеметов, карабинов и даже артиллерийских систем. Интересно изучать тактику боя, структуры нашей и зарубежных армий, типы их вооружения. Даже на строевые занятия, не говоря уж про стрельбу в тире, мы ходили с удовольствием. И всегда на этой кафедре я имел «пятерки». И на экзаменах, и по «ходьбе», и по стрельбе. Летнюю месячную военную практику в Дорогобужских лагерях, в артиллерийском гвардейском полку, я тоже прошел без напряжения. А посему, когда настал срок сдавать государственный экзамен по военному делу, я шел на него вполне уверенным в себе. И, оказывается, совсем зря.

Государственный экзамен по военному делу состоял как бы из трех экзаменов. Один – по стрелковому оружию, второй – по артиллерии и третий – по тактике. Каждый из этих экзаменов проходил в своей соответствующей аудитории, стены которых были увешаны плакатами и схемами, а на столах и стеллажах лежали целые и разобранные военные экспонаты. Даже, помню, в артиллерийском большом кабинете стояли самая настоящая 75-мм пушка и гаубица.

Группа наша была разбита на три отделения, и мы сдавали экзамены параллельно в трех аудиториях, переходя из одной в другую. В каждой аудитории сидела солидная приемная комиссия, председателем которой являлся не наш преподаватель, а «сторонний» полковник или генерал. Наверное, для солидности или для объективности, – все-таки нас готовились выпускать в офицерском звании. Преподаватели же с нашей кафедры также входили в состав этих комиссий и волновались, по-моему, не меньше нашего. Таким образом, на каждом из этих «составных» экзаменов студент получал оценку, а окончательная оценка за госэкзамен, идущая в диплом, складывалась как средняя из этих трех.

Итак, как я уже сказал, я пошел на экзамен по военному делу в хорошем настроении, чувствуя уверенность в своих знаниях. И поначалу все так и было.

На комиссиях по стрелковому оружию и тактике я ответил нормально, получил свои заслуженные «пятерки» и отправился на последний «заход» в аудиторию, где сдавали артиллерийские системы.

Во главе стола сидел пожилой генерал-майор в форме, а рядом с ним – полковник Кондратюк, преподававший у нас «артиллерию», и еще один незнакомый мне майор. Представившись по форме, я взял билет, сел за стол и понял, что доставшиеся мне вопросы труда не представляют. Два из них я просто уже и не помню сейчас, а вот третий, наверное, не забуду никогда. Хотя сам по себе вопрос этот тоже сложным не был и звучал так: «Классификация износа артиллерийского орудия». На все вопросы билета я был готов отвечать почти без подготовки, а посему, посидев для приличия минут пять, вышел к столу экзаменаторов. Отвечал я бойко под утвердительные кивки генерала и одобрительные взгляды нашего полковника. Но когда ответил на последний вопрос, перечислив пункты, по которым орудия подвергались проверке на износ, генерал спросил: «А еще? Какой момент контроля вы не назвали?» Я попытался было вспомнить, но, по-моему, я сказал все. О чем и доложил присутствующим экзаменаторам.

– Нет, – повторил генерал, – вы не рассказали про износ стволов.

Вот здесь я и дал маху. Обернувшись к полковнику Кондратюку, я сказал: «А про износ стволов вы нам не говорили». Генерал удивленно тоже посмотрел на полковника, а тот или из-за моих слов, или из-за генеральского взгляда на глазах покрылся красными пятнами.

– Не выдумывайте, – севшим голосом откликнулся Кондратюк. – Что значит, не говорил! На занятия ходить надо.

Как раз занятия-то по военному делу я не пропустил ни разу. А посему прекрасно помнил, что сам полковник, бывало, не совсем адекватно вел себя на них. И были случаи, когда вообще отпускал нас с занятий, сославшись или на головную боль, или на занятость. Что, кстати, нас вполне устраивало. Кондратюк любил на занятиях читать нам нравоучения. Причем, в довольно своеобразной форме. «Ну что ты все детали перемешал до кучи, – втолковывал он студенту. – Знаешь, что бывает, когда все перемешивается? Привожу пример. Есть две пословицы. Первая – «Своя рубашка ближе к телу». Вторая – «На бедного Ивана все шишки валяются». Теперь смотри, перемешиваем и что получаем? А вот – «У бедного Ивана под рубашкой своя шишка ближе к телу»! Понял?» И Кондратюк заливался смехом. Несколько выражений Кондратюка у нас стали просто афоризмами. Например, показывая, как собирать какой-то узел, он учил: «Правым пальцем левой руки вы должны придерживать пружину». Или, если мы чем-то его не устраивали, в сердцах возмущался: «Да вам говорить, что в бездённую бочку!»

Но, наверное, упоминать «прокол» Кондратюка мне, все же, на экзамене не следовало. Скорее всего, я сказал так автоматически, не собираясь подкладывать полковнику бомбу. А поскольку ответить на генеральский вопрос я не мог, то покинул аудиторию под испепеляющим взглядом Кондратюка. Уже за дверь я несколько пришел в себя и стал трезво рассуждать, что если я не до конца ответил на один вопрос из билета, то, по крайней мере, на «тройку» рассчитывать могу. А если у меня будет «тройка» по артиллерии и «пятерки» по стрелковому и тактике, то в среднем «четверка» мне гарантирована и, войдя в диплом, она не испортит мне перспективу получения «красных корочек». Сделав такой прикид, я стал спокойно дожидаться конца экзаменов, когда всю

нашу группу построили в аудитории и генерал, начальник нашей кафедры, стал зачитывать результаты. Когда очередь дошла до меня, я не поверил своим ушам. Генерал объявил, что за артиллерию я получаю «двойку», а посему должен назавтра прийти пересдавать экзамен с параллельной группой.

Скажем прямо, такого резюме я не ожидал. Но, как говорится, с генералом не поспоришь и прежде, чем идти завтра на повторный «гос», я взял у ребят из параллельной группы тетрадку по военному делу и действительно обнаружил там запись об износе стволов артиллерийских орудий. Почему этого не было у меня, сказать не берусь. Или у них преподавал не полковник Кондратюк, или в день прохождения этой темы он довел у них занятия до конца.

Назавтра я опять сдавал экзамен в артиллерийском классе той же комиссии. И под злым взглядом полковника уже без запинки ответил и на вчерашний билет и на новый. Теперь-то уж я, как полагал, мог рассчитывать на положительную оценку. Но действительность оказалась непредсказуемой. По артиллерии мне поставили «тройку». Что было само по себе не совсем понятно. Но я уже вовсе не понял, почему эта тройка вкупе с двумя моими предыдущими пятерками в итоге, опять же, обернулась общей «тройкой» за весь госэкзамен по военному делу, пошла в диплом и начисто перечеркнула мне возможность получения диплома с отличием.

От души возмущенный таким раскладом, я дождался окончания экзамена и пошел на военную кафедру к генералу. Завкафедрой сначала и не «врубился», зачем я пришел.

– Ну, и чем вы недовольны, товарищ студент? – спросил он устало у меня. – Что вы хотите?

– Товарищ генерал, – обратился я к нему, – мне совершенно непонятно, почему по госэкзамену у меня выходит «тройка». Но я не прошу поставить мне более высокую оценку. Я прошу только разрешить мне заново сдать пусть даже весь госэкзамен с другой группой.

Генерал минут пять внимательно разглядывал меня с ног о головы, для чего-то переспросил мою фамилию, а потом сказал:

– Пересдать экзамен я вам могу разрешить. Но хочу предупредить, что у нас существует порядок: как бы успешно студент ни пересдал экзамен, если у него пересдача, то выше «тройки» он получить не может. Будете пересдавать? Я понимаю вас, что эта «тройка» испортит вам всю картину в дипломе. Но ведь это же только отметка за экзамен. Отметку в диплом вам выставляют в деканате. Насколько я понял, у вас за все эти годы на всех экзаменах по нашей кафедре не было «троек» и «четверок», одни лишь «пятерки». А в правилах занесения оценок в диплом говорится, что если по какому-либо предмету экзамен сдается несколько семестров, то в диплом идет последняя оценка. Но там же есть и приписка: если последняя оценка по предмету не является характерной для всего периода обучения студента, то в диплом заносится оценка по решению деканата. Так что мы вам поставили «тройку» не в диплом. Идите к своему Боброву и поговорите с ним.

Я повернулся через левое плечо, вышел из кабинета и направился к нашему декану Николаю Фомичу Боброву, особенно не питая надежд на положительный результат. Николай Фомич за годы моей учебы относился ко мне несколько специфически. Он, например, на четвертом курсе выселил меня из общежития, сказав, что родители в состоянии снимать мне жилье. Он старался найти предлог, чтобы не дать мне повышенную стипендию. Он

распределял меня на практику на самые неинтересные заводы. И особенно это ярко выразилось при распределении на работу после окончания института. Но об этом разговор впереди.

Помню, как года через три после получения диплома, когда я уже учился в аспирантуре одного из московских ВУЗов, я приехал в Тулу и пошел в свой институт. На центральной лестнице навстречу мне спускался мой бывший декан Николай Фомич Бобров. Он увидел меня, и лицо его расплылось в хитрой улыбке.

– Здравствуйте, здравствуйте, – своим ласковым голосом почти пропел Николай Фомич. И, наверное, хорошо помня историю с тем распределением, спросил:

– Ну, и где же вы теперь?

– В Москве, – ответил я ему как можно спокойней, – в аспирантуре.

Мне показалось, что мой ответ был для него ушатом холодной воды.

– В Москве? – удивленно протянул он – В аспирантуре? Как же вы попали туда? Это же так трудно, особенно вам, – вырвалось у него.

Я засмеялся:

– Вам спасибо, Николай Фомич. Что мне те трудности? Вы же помните, как я закалился здесь под вашим чутким руководством.

И я пошел дальше, а Бобров почему-то остался стоять на лестничных ступеньках и смотреть мне вслед.

Но все это было потом, а пока что на повестке дня у меня стояло «военное дело». Не знаю, откуда, но Николай Фомич был уже в курсе моей ситуации, а посему встретил меня своей лисьей улыбкой.

– Да, да, сочувствую, – сказал он. – Но помочь ничем не могу. Отметка выставлена на кафедре. То, что она не характерна, согласен, но опять же этот вопрос должен решить товарищ генерал. Если он знает, что у вас за четыре года ни на одном экзамене по их кафедре не было ничего, кроме «пятерок», то пусть хоть «четверку» вам выведет. Сходите, сходите к нему, а потом ко мне. Честно говоря, иного ответа я от Боброва и не ожидал и пошел к нему для очистки совести. К генералу, конечно же, я опять не пошел и, попереживав немного, решил для себя, что по большому счету «красный диплом» ничем особенно в жизни помочь не сможет. Разве что принесет удовлетворение и потешит самолюбие. Хотя, как говорили, у тех, кто получал диплом с отличием, было больше шансов на хорошее распределение. Но и это было под вопросом, поскольку, как известно, распределение в институтах происходит еще до защиты дипломов. Так что на свой очередной «прокол» я скоро махнул рукой. Мне было не привыкать.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

(Воспоминание шестое)

Для человека, оканчивающего институт, распределение на работу было событием судьбоносным. Это сейчас ВУЗы, вручив дипломы, отпускают своих питомцев на волю волн, предоставляя им возможность самостоятельно устраиваться в жизни.

В наше же время, в конце 50-х годов прошлого столетия, выпускники были связаны по рукам и ногам. На специальной комиссии по распределению

каждому из нас выделялось строго определенное место работы, исходя из заявок различных ведомств и министерств. Более того, студенты давали подписку, что поедут работать именно туда, и вынуждены были ехать и работать там как минимум три года. Без направления из института устроиться на работу было невозможно, ни один отдел кадров не стал бы с тобой даже и разговаривать. Без него ни одно отделение милиции не оформило бы тебе прописку. Конечно, как в каждом правиле, встречались и исключения, когда «молодой специалист», как тогда называли людей со свежее испеченным высшим образованием, получал так называемый «свободный диплом», но это было большой редкостью и об этом можно было только мечтать. Более того, существовал тогда даже какой-то период, когда дипломы выпускникам вообще не давали на руки сразу после окончания института, а вручали их лишь через год работы по месту распределения при наличии оттуда положительной характеристики, чем, естественно, закабалили человека еще в большей степени.

Насколько я помню, само распределение происходило месяца за полтора-два до защиты диплома. День заседания комиссии, на которую приезжали представители заинтересованных организаций, был нам известен заранее, и также заранее по рукам ходили списки предприятий, куда судьба и комиссия могли забросить нас. И чего там только ни было в этих списках! Начиная от известных НИИ и КБ и кончая какой-нибудь мухосранской макаронной фабрикой. Да и география нашего будущего места жительства и работы была широка – от Калининграда до Перми и от Тулы до города Людиново Калужской области. Причем, что для «молодых специалистов» было немаловажно, на той же комиссии по распределению обсуждались и размер предлагаемой зарплаты, и вопрос предоставления будущим инженерам жилья. А это могли быть или комната, или место в общежитии, или «частный сектор». Ясно, что как только появились эти списки, все остальное для нас ушло на задний план. Мы обсуждали их между собой, прикидывали варианты, исходя из многих жизненных факторов, таких, например, как возможность попасть в одно место вместе со своими друзьями. Конечно же, хотелось и в хорошем городе жить, и на хорошем предприятии работать, и хорошие деньги получать.

Заходя в кабинет директора, где заседала комиссия по распределению, ты имел право попросить направить тебя на одно из мест вышеупомянутого списка. Удовлетворить ли твою просьбу или предложить тебе что-то другое, решала комиссия. Естественно, чем раньше других ты войдешь на распределение, тем больший выбор будет перед тобой. А последним из вошедших уже выбора практически не оставалось и приходилось брать, что есть, из неразобранного. Порядок вызова студентов на комиссию исходил из их успеваемости. Первыми шли отличники, затем ребята с хорошими отметками за все годы учебы, затем – похуже и так далее. Это создавало видимость какой-то справедливости, и человек мог жаловаться только на самого себя. Как говорил в таких случаях наш декан Николай Фомич Бобров, – учиться, дорогой, надо было.

Но в нашем Тульском механическом институте помимо общепринятого механизма распределения молодых специалистов существовала и своя специфика. Поскольку институт готовил специалистов по оборонному профилю, задолго до общего распределения к нам приезжали представители закрытых предприятий, так называемых «почтовых ящиков», и в обстановке секретности

индивидуально отбирали себе подходящих, по их мнению, будущих инженеров. Так что время от времени некоторых из нас вызывали в кабинет декана для закрытых переговоров, откуда ребята выходили с довольным видом. Их можно было понять. На «почтовых ящиках» и работа была поинтересней, и зарплата повыше. Вероятно, счастливцы давали подписку о неразглашении, потому что на наши вопросы конкретно не отвечали, а лишь загадочно улыбались. Но даже если бы они и назвали номер «ящика» и место, явно какое-то зашифрованное, нам бы это ничего не сказало.

То, что со своим пятым пунктом не попаду в число избранных, я представлял себе четко, а посему отнесся к этому уже с привычным «пониманием». Но на хорошее распределение вообще-то рассчитывал, хотя бы потому, что учился все годы очень прилично и входил в первую десятку, а то и в пятерку успевающих на нашем потоке. А это, как я уже говорил, расширяло передо мной выбор места работы из вышеупомянутого списка.

Но, кроме того, был еще один важный момент, на который я очень уповал при распределении. В конце 50-х годов Никита Сергеевич Хрущев отменил в Союзе отраслевые министерства и вместо них ввел систему Совнархозов – Советов народного хозяйства, которые охватывали страну по территориальному признаку. Причем в Москве таких Совнархозов было сразу два – один Московский городской, а другой Московский областной. И это было понятно, исходя из того, что Московская область сама по себе, без столицы, была крупной административной и промышленной единицей. Один из городов Московской области, куда попала наша семья после возвращения из эвакуации в Сибирь, в котором я кончил школу, откуда поехал поступать в институт и где до сих пор жили мои родители, также относился теперь к Московскому областному Совнархозу. Мой отец работал там на радиозаводе, на котором начал работать еще до войны и который до эвакуации находился в Москве. На заводе этом нужны были инженеры, а посему руководство завода, естественно, по просьбе отца, заранее отправило в Совнархоз заявку на меня и еще двух человек – Валю Комарова и Колю Семенова, живших в нашем городе и учившихся в нашем институте на одном потоке со мной. Из Совнархоза пришла положительная бумага, сообщающая, что места конкретно для нас будут внесены в список распределения института. Это было выгодно всем: нам, потому что мы возвращались домой, к родителям, старым друзьям, на хороший завод и недалеко от Москвы. И заводу, поскольку у него отпадала необходимость предоставлять «молодым специалистам» жилье.

Так что и я, и Валя с Николаем ждали распределения относительно спокойно. И действительно, в пришедшем на распределение списке мы увидели три места на радиозавод.

И день настал! Мы столпились в большом холле около директорского кабинета и видели, как туда один за другим стали входить солидные люди, как мы уже знали, – представители различных Совнархозов, на предприятия которых предстояло отобрать выпускников. Один из них, довольно молодой мужчина, прежде чем войти в кабинет, подошел к гудящей толпе студентов и назвал фамилии Семенова, Комарова и мою. И когда мы откликнулись и подошли к нему, он сказал: «Привет, ребята. Я представитель Московского областного Совнархоза. Вы в курсе, что на вас есть заявки?» Мы с радостью подтвердили, а он добавил: «Ну и замечательно. Значит, подпишите распределение и будете работать». Совнархозовский представитель пошел в кабинет, а мы стали

отвечать на удивленные вопросы наших сокурсников.

В связи с этим я чувствовал себя совершенно спокойно и почти не реагировал, когда секретарь директора стала вызывать ребят по списку в директорский кабинет. Хотя, как я уже говорил, по своей успеваемости я должен был бы войти в первую пятерку, то, что меня не вызывали, несколько не смущало, поскольку я был уверен, что все заранее предрешено.

Вот уже и Валентин с Николаем побывали на распределении и сказали мне, что спокойно подписали предложение на работу на наш радиозавод. Вот уже перед кабинетом директора из «неохваченных» остался я один, но у меня волнения не было. Наконец в коридор вышла Надежда Павловна, секретарь директора, и, бросив взгляд на нас, сказала: «Ну, всё, все прошли».

– А я? – удивился я. – Меня не вызывали.

– Ну да? – в свою очередь удивилась Надежда Павловна. – Надо же, забыли, значит. Ну, давай, заходи по-быстрому.

Несколько растерянный, я вошел в кабинет. Уставшие представители уже собирали портфели, двигали стульями и явно заканчивали работу.

Увидев меня, наш директор Сергей Сергеевич Петрухин сделал большие глаза, и, бросив взгляд на лежащие перед ним бумаги, сказал:

– Во как! Еще одного забыли. Минуточку, товарищи.

Все на секунду замолчали и замерли, как в «Ревизоре». А Сергей Сергеевич еще раз взгляделся в листок на столе и обратился ко мне.

– Ну, с вами-то проблем не будет. На радиозавод поедете?

– Поедет, поедет, – подал реплику представитель Совнархоза, который разговаривал с нами перед распределением в коридоре.

– Поеду, – подтвердил я, и, подойдя по просьбе директора к столу, расписался на бланке, где черным по белому было написано, что я распределен инженером на радиозавод.

– Ну вот, и все в ажуре, – удовлетворенно улыбнулся директор, и я, так и не успев до конца осмыслить произошедшее, вышел в коридор, где меня дожидались Коля и Валька.

– Чего там? – хором спросили они.

– Да ничего, – пожал я плечами. – Подписал распределение, вместе и поедем.

После всей этой процедуры, окончившейся для меня вполне счастливо, на душе почему-то остался некий осадок. Да ладно, утешал я сам себя. В чем проблема-то? Главное, все получилось. И я решил, что вопрос распределения для меня закрыт. Но, уже который раз в жизни, я оказался наивен, как дитя. На следующей неделе меня пригласил к себе в кабинет наш декан Николай Фомич Бобров и, когда я сел у его стола, положил передо мной какую-то бумагу.

– Что это? – спросил я декана, еще не вчитываясь в нее.

– А вот, подпишите.

– Что? – опять спросил я.

– Распределение на работу, – улыбнулся своей лисьей улыбкой Бобров. – На Рязанский станкостроительный завод.

– Куда?! – удивился я. – Какой еще Рязанский станкозавод? Так я же уже подписал на радиозавод, на комиссии.

– Ну и что? – скорее утвердил, чем спросил декан. – А теперь это подпишите. У нас план по Рязани не выполнен.

Ситуация была настолько неожиданной, что в первую минуту я просто не знал,

что на это возразить.

– Нет, – наконец пришел я в себя и отодвинул бумагу. – Почему я это должен подписывать? Я уже получил распределение, подписал его. И на комиссии были представители и Московского, и Рязанского Совнархозов. Я, между прочим, самым последним на комиссии был. Почему тогда этой проблемы не возникало?

– Ну, дорогой, это уж наша забота. Подпишите, подпишите...

– Да не буду я ничего подписывать, – завелся я. – Чего это вдруг...

Бобров оставался спокойным и опять улыбнулся.

– Ну, смотрите, смотрите, я вас предупредил. Вы же диплом еще не защищали и, знаете, вообще можете его не защитить. Так что идите, спокойно подумайте и приходите ко мне.

Я вышел из кабинета декана как контуженный. Такого варианта я никак не ожидал. Я впервые слышал, что после официального распределения на комиссии и моей подписки могут все переиграть. И, честное слово, я был твердо уверен, что план по Рязани был здесь совсем не причем. Бобров «доставал» меня все эти годы, лишал повышенной стипендии, выселял из общежития, посылал на практику совсем не туда, куда я просил, да и еще можно было бы, при желании, вспомнить много таких моментов. Но распределение... Это уже был удар ниже пояса.

Конечно же, в Рязань ехать я не надумал, подписывать новое распределение к Боброву не пошел, но его обещание не дать мне защитить диплом могло стать реальной действительностью и, сами понимаете, камнем легло на душу.

К тому времени работа над дипломом у меня уже подходила к концу. Тема, предложенная мне, была интересной, делал я ее на Тульском оружейном заводе, где и проходил преддипломную практику. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что мне удалось предложить новую технологию производства сложных деталей. Причем если раньше их в основном делали ручным способом, то теперь появилась возможность обрабатывать на станках. Моя технология оказалась настолько удачной, что ее внедрили уже во время моей практики и получили значительный экономический эффект. Поэтому я был глубоко уверен, что защита диплома должна пройти хорошо. Если бы, конечно, не предупреждение декана.

В общем, на защиту я шел с внутренним содроганием. Но все обошлось. Я отлично защитился, диплом мой произвел положительное впечатление на экзаменационную комиссию, тем более что присутствовал представитель оружейного завода, хвалил меня и приглашал на работу. Но распределение, как вы знаете, у меня уже было.

И неделю спустя я пошел за ним в институтский отдел кадров. Уже начались каникулы, народу везде поубавилось и в «кадрах» сидела лишь одна молоденькая сотрудница. Она спросила мою фамилию, быстро нашла в папке уже заготовленное направление и протянула его мне. На форменном бланке было впечатано, что я направляюсь на работу инженером на Рязанский станкозавод.

Несколько раз перечитав документ, я смог лишь спросить у девушки: «Почему станкозавод? Почему Рязань? Я ведь подписывал распределение на радиозавод в Подмоскowie».

Девушка сочувственно посмотрела на меня и как-то виновато сказала: «Извините, я ведь не распределяю. Мне приказали так, я так и написала.

Сейчас уже нет никого, начальник в отпуске. Сходите к вашему декану, спросите у него».

– Спасибо, – только и смог я сказать девушке, выскочил из дверей и помчался к Боброву. Как ни странно, он оказался на месте и, увидев меня с бумажкой в руке, сразу понял, о чем речь.

– Ну, все в порядке, – встретил он меня своей обычной лисьей улыбкой. – Диплом вы защитили отлично. Поздравляю.

– При чем здесь диплом, – сорвался я. – Откуда опять взялась эта Рязань? Я же у вас тогда ничего не подписывал! У меня распределение на радиозавод!

– Да что вы так разволновались-то? – опять улыбнулся декан. – Прекрасный завод, хороший большой русский город Рязань. Общежитие вам дают. Езжайте, работайте. Месяц вам отпуск полагается. Отдохните, успокойтесь. Езжайте, езжайте, хорошее у вас распределение, не хуже, чем у других.

И столько насмешки я почувствовал в его голосе, что, не попрощавшись, бросился вон, хлопнув дверь. Слава Богу, наконец-то я не завишу от нашего бывшего декана. Но последний «привет» он мне все-таки организовал.

Через день я вернулся в свой город и «порадовал» родителей Рязанским станкозаводом, чем вызвал, в первую очередь у отца, искреннее изумление.

Мама, более трезво смотрящая на жизнь, удивилась меньше и, вздохнув, сказала мне: «Ладно, нам не привыкать, надо пробиваться».

Забыв про положенный мне месяц отдыха, на завтра же я пошел на наш радиозавод, в отдел кадров. Мой отец, который работал на заводе со дня его основания, пользовался там заслуженным уважением, с его фотографии открывалась заводская «Книга почета» и, естественно, его там знали все.

Поэтому начальник отдела кадров, низенький и толстенький Иван Иванович Рябов, встретил меня приветливой улыбкой.

– Ага, – весело сказал он, – вот вас-то мы и ждали. Давай свое направление. Я протянул ему злополучный бланк. Иван Иванович, не глядя, опустил его на стол, пригласил меня сесть и положил передо мной анкету.

– Давай заполняй пока, только внимательно, там на каждый вопрос надо четко отвечать. – И, видя, что я не пишу, удивился:

– Непонятно что? Читай, не торопись.

– Да нет, Иван Иванович, – грустно сказал я. – Направление посмотрите...

Он, наверное, не понял моей просьбы, но взял со стола мой листок и стал его читать. Видимо, он дошел до «станкозавода», потому что улыбка моментально исчезла с его лица. Он еще раз прочитал направление и вопросительно посмотрел на меня.

– Не понял. При чем здесь Рязань-то? Мы же послали на тебя заявку. И отец говорил мне, что все в порядке, ты ее подписал.

– Да подписал я ее, конечно. Прямо на комиссии по распределению. И представитель Совнархоза Московского там был. А в направлении мне вон что написали.

– Опять не понял, – еще больше удивился Рябов. – Как же они написали тебе Рязань, когда ты подписал нас?

– Да вот так, – вздохнул я. – Что я-то сделать могу?

– А я что могу? – спросил у меня Иван Иванович и забрал анкету. – Ты же понимаешь, что я всей душой, но без направления мне тебя не взять. Да и прописку в милиции тебе без направления никто не оформит, так что надо что-то делать.

– И что делать-то надо?

– Ей-Богу, не знаю. Столько лет работаю, первый случай у меня. Думаю, надо ехать в Москву, в наш Совнархоз. Там есть специальный отдел молодых специалистов. Петухов там начальник, Степан Петрович. Он мужик-то неплохой, к тому же в курсе нашей заявки, он сам ее и подписывал. Езжай к нему, расскажи все как есть. А уж на меня не обижайся. Я твоего отца крепко уважаю, но сам понимаешь... У нас все-таки режимное предприятие. Давай, давай, езжай. А место твое я приберегу, не волнуйся. Решишь бумажные дела – и ко мне.

Иван Иванович встал из-за стола, сочувственно пожал мне руку и даже проводил до дверей кабинета.

Дома на семейном совете мы решили сделать так, как подсказал Иван Иванович, и уже назавтра я поехал в Москву, нашел там Московский областной Совнархоз и, немного поплутав по большому зданию, остановился перед дверью, на которой было написано: «Отдел молодых специалистов».

Постучав, я вошел. Поскольку стол в кабинете был один и за ним сидел человек в темном костюме, я и решил, что это сам Степан Петрович Петухов. Он оторвался от бумаг, глянул на меня, стоящего у двери, и кивком пригласил к столу.

– Что у вас? – спросил начальник молодых специалистов.

Я назвал свою фамилию и, протянув ему направление, собрался было начать рассказ, но он перебил меня:

– Я в курсе, мне вчера звонил Рябов. Но он рассказал в общих словах, а вы давайте поподробней.

Ободренный пониманием, я рассказал свою ситуацию.

– Да, – почесал затылок Степан Петрович. – Это что-то для меня новенькое. Ни разу с таким сталкиваться не приходилось. Дело-то в том, что подписанные на комиссии по распределению документы – это бумаги строгой отчетности и хранятся они в Министерстве высшего образования. Я тебе на слово верю, что ты подписал радиозавод. Но только, понимаешь, распределением ведает это министерство, ведь учебные институты в их подчинении. Мы, как говорится, имеем лишь совещательный голос. И я б тебя с удовольствием на наш радиозавод взял. Тем более что они сами просят, да и отметки твои в дипломе вон какие. Но формально дело можно решить только в Министерстве высшего образования. У них там такой же отдел есть, молодых специалистов. Сходи туда, пусть они тебе направление перепишут. А твое место у нас мы тебе сохраним. Успехов!

Закаленный в боях, начиная с моей эпопеи поступления в институт на учебу, да и самими годами получения высшего образования, я довольно спокойно покинул здание Совнархоза и отправился в Министерство высшего образования.

Действительно, отдел молодых специалистов там был и начальник его, милостивая строгая дама, принявшая меня после получасового ожидания в приемной, выслушала мой рассказ, который я уже выучил наизусть, со вниманием.

– Понимаю вас, – сказала мне строгая начальница, – очень хорошо понимаю. И верю, что вы подписали на комиссии распределение на радиозавод. Но почему тогда вам выписали направление в Рязань, понять не могу. – И она еще раз перечитала мое направление.

– Так и я не могу, – согласился я с ней. – Дайте, пожалуйста, мне новое направление на старое место.

– Да все дело-то в том, – поглядела внимательно она на меня, – что министерство-то само направления на работу не дает. Это делает институтская комиссия и подписано оно, как видите, председателем комиссии, вашим директором Петрухиным. Более того, скажу вам, даже если вы поедете в Тулу и пойдете к нему, без нового заседания комиссии по распределению он вам переписать направление не имеет права. Протокол должен быть.

– Извините, – попытался что-то сказать я. – Так, наверное, был же протокол того заседания, где я подписался под радиозаводом?

– Был, конечно, – согласилась со мной начальница, – но что там было написано-то, вы знаете? Может, там и в протоколе – Рязань? И потом протокол обратной силы не имеет.

– Ну и что же мне делать-то?

– Хм... Я думаю, поехать на станкозавод и начать работать. Три года отработаете, а там видно будет.

– Так почему же я должен ехать туда? На меня запрос есть на радиозавод, там место для меня готово. Московский областной Совнархоз тоже за меня. К тому же и проблема с жильем отпадает. Я в этом городе десять лет прожил, школу кончил, родители мои там живут...

– Я вас очень хорошо понимаю, – опять повторила дама. – Знаете, есть, пожалуй, один подходящий вариант. Езжайте в Рязань и возьмите на станкозаводе бумажку, что они от вас отказываются. Вот тогда, на основании этого отказа, мы сможем оформить вам направление на радиозавод. По-моему, это выход.

– А вы думаете, что они откажутся от меня?

– Я-то как раз думаю, что нет. Но это уж от вас будет зависеть. Сумейте их уговорить. Желаю успеха и жду.

Что мне оставалось делать? Я поблагодарил даму за очередной совет и, уставший, как будто весь день мешки таскал, к вечеру вернулся в свой город. Дав себе передышку на сутки и немного придя в себя, я отправился в древний русский город Рязань. Самого города я по существу тогда и не увидел, потому что прямо с вокзала, предварительно узнав, где находится станкозавод, отправился туда. Скрипящий и какой-то неопрятный автобус долго вез меня по неприглядным улицам и переулкам на окраину города. От остановки до проходной завода было метров сто, но, видно, от недавнего дождя, этот путь утопал в жидкой грязи. Так что, когда я подошел к заводу, и ботинки мои, и брюки имели тот еще вид. И так-то настроение у меня было тухлое, а заляпанные штаны сделали его совсем плохим, что окончательно убедило меня всеми силами отказаться от этого завода. Хотя сам завод, если говорить откровенно, мог быть совсем не таким уж плохим. Просто сами понимаете, почему именно у меня он вызывал антипатию и отторжение.

В кабинет к начальнику отдела кадров завода я вошел с твердой решимостью выбить у него отказ на меня. И, видимо, это отражалось на моем лице, потому что «кадровик», мужчина с худым лицом и маленькими усиками, сразу же глянул на меня неприязненно и вопросительно.

– Меня к вам на работу направили, – сказал я, назвав свою фамилию.

– Направление? – протянул он руку.

Что-то подсказало мне, что отдавать ему направление не надо, обратно я его

могу точно не получить.

– Направление у меня есть, – сказал я. – Только я хотел бы попросить, чтобы вы от меня отказались.

– С чего бы это? – удивился он. – Садитесь и говорите.

– Дело в том, – перешел я на просительный, и даже несколько заискивающий тон, – что я подписал распределение на радиозавод в Подмосковье. А направление мне выписали к вам.

«Кадровик» с интересом слушал меня, а потом сказал:

– Правильно сделали, нам инженеры нужны.

– На радиозаводе тоже нужны, – попытался возразить я, – они и запрос на меня прислали и в Совнархозе заявку сделали.

– Запрос, значит, – прищурился он. – Сам-то откуда будешь?

– Оттуда и буду, – обрадовался я, решив, что это сыграет в мою пользу. – Я жил там, учился, родители мои там живут.

Но мое чистосердечное признание вызвало у него обратную реакцию.

– Ага, понятно, – протянул он, и щеточка его усов как-то зло оцетинилась. – К мамочке с папочкой захотел, да к Москве поближе. Все вы такие.

Я не стал спрашивать, кого он имел в виду, говоря «вы», поскольку понимал, что для человека, работающего в такой должности, даже без документов видно, что я «являюсь инвалидом пятой группы и пишу в графе национальность – «да». Но у меня хватило ума промолчать. Я понимал, что от его решения зависела моя судьба.

– Направление давай, – раздраженно сказал он. – Направили к нам, у нас и работать будешь. В заготовительном цеху, мастером. Там мамочку с папочкой не раз вспомнишь.

После этих слов сомнения, что жизни мне здесь не будет, развеялись окончательно.

– Нет, – ответил я, – не дам. Мне еще месяц законного отпуска после института полагается.

– Господи, – в голос засмеялся «кадровик», – да куда ты денешься-то? Через месяц тебя с милицией разыщут. Ведь без прописки не проживешь. А я уж постараюсь, теперь принципиально постараюсь.

Ничего не ответив ему, я вышел из кабинета, прошел через проходную и, опять же по грязи, добрал до автобусной остановки. Подошел автобус, но я не стал садиться в него, потому что не представлял, куда мне сейчас надо ехать.

Возвращаться на вокзал и домой? А дальше что, ждать повестки из милиции?

На нашем заводе я уже был, в министерстве тоже, в Московский Совнархоз заходил... Теперь куда? И здесь мне пришла мысль, что ведь и в Рязани есть свой Совнархоз. И там, наверное, существует отдел молодых специалистов.

Так что, пока я еще в городе, надо отправляться туда. То, что здание Совнархоза находится где-то в центре Рязани, я был уверен, а посему, получив подтверждение у какого-то прохожего, дождался автобуса и примерно минут через двадцать уже стоял на главной площади города около массивного и солидного здания Рязанского Совнархоза.

Прежде, чем войти в него, я долго очищал свои заляпанные ботинки и брюки, потом нашел на доске в вестибюле номер комнаты отдела молодых специалистов и через пять минут, постучав, вошел туда.

Начальником рязанских молодых специалистов был человек комсомольского возраста, но внушительных габаритов. Он показался мне почему-то знакомым.

Принял он меня доброжелательно, усадил в кресло и, не перебивая, выслушал мою историю.

– Значит, не хочешь на станкозавод? – спросил он, когда я замолчал.

– Да не на станкозавод я не хочу, а на радиозавод хочу. Я ведь туда и распределение подписал. Ваш же представитель был у нас на распределение.

– Верно, – почему-то засмеялся он. – Так я у вас и был. Просто ты меня не запомнил. Тогда на распределении москвич за тебя конкретно уцепился. Но у нас действительно инженеров не хватает. Ну, не хочешь на станкозавод, давай я тебе наш список дам, выбери, что тебе по душе. Хочешь в НИИ, КБ. У нас в Рязани очень сильная промышленность, а людей с образованием маловато.

– Спасибо, конечно, но я к себе хочу. Дайте мне, пожалуйста, отказ.

– Ну как ты понять не можешь. Дам я тебе этот отказ, так меня потом в Министерстве образования за можай загонят. То я у них со слезами выпускников выбиваю, а то отказы им даю. Так, что ли? На следующий год они мне тебя припомнят. Ну не могу я дать тебе отказ. Не могу, да и не хочу. Знаешь что, у тебя ведь отпуск до конца месяца. Я вот дам тебе список наших вакансий, а ты подумай. Рязань хороший город, зря ты так уперся-то. Давай, до встречи.

Но я действительно уперся. Внутри меня заработал какой-то механизм сопротивления. И всю дорогу, пока я возвращался из Рязани домой, я накручивал себя, что уж в Рязань не поеду ни под каким соусом. Но одно дело так решить, а другое – осуществить практически.

Я пошел по второму кругу. Приехал в Московский Совнархоз, пришел к Петухову и рассказал ему о своих похождениях. Степан Петрович только головой качал и сказал, наконец:

– Да я его, рязанского, понимаю. Инженеры всем нужны. И нам тоже. Давай я напишу к нему официальное письмо с просьбой отпустить тебя. Может, подействует. Посылать не будем, сам к нему езжай.

Я вновь отправился в Рязанский Совнархоз. Прочитав письмо Петухова, тот начальник сначала было замахал руками, но когда я опять заново начал рассказывать свою историю, не дослушал до конца.

– Да помню я про тебя все, нечего на слезу давить. Давай я напишу письмо Петухову, чтобы он вместо тебя мне кого другого уступил. Так сказать, баш на баш. Согласится он, приезжай, посмотрим.

Как ни странно, Петухов согласился на такую комбинацию, но сказал, что это возможно будет лишь на следующий год, в этом году выпускники все уже разъехались, и написал эту свою мысль в очередном письме в Рязань. С новым письмом я поехал по привычному маршруту. Рязанский товарищ принял меня, как старого знакомого, внимательно прочитал письмо московского коллеги и развел руками.

– Ладно, – сказал он, – на следующий, так на следующий. Дам я тебе через год открепление. Ну а уж годик-то на станкозаводе отработаешь. Или что ты там себе подобрал? Хочешь, чтоб ты спокойным был, расписку тебе такую напишу?

Такой вариант меня тоже не устраивал, и я решил довести дело до конца.

Чтобы не утомлять читателя, скажу только, что почти три месяца тянулась моя эпопея. Какой там положенный отпуск! Я мотался все это время, как по бермудскому треугольнику, между нашим городом, Москвой и Рязанью, пытаюсь как-то «разрулить» ситуацию. Эти три месяца я сидел практически без работы

и, естественно, без денег, на шее у родителей. Возникла проблема с пропиской, поскольку, уезжая на учебу в институт, я выписался, а, вернувшись, не мог прописаться даже в свою старую квартиру к родителям без направления. И только то, что моя мама, врач-педиатр, в свое время вылечила дочку одного милицейского начальника, помогло мне избежать репрессий за нелегальное проживание в городе. Он же как-то смог оттянуть вопрос о моем приводе на станкозавод. Тамошний «кадровик» сдержал свое обещание и разыскал-таки меня даже без прописки.

В конце концов, видимо, я надоел всем, и три месяца спустя после моего официального распределения рязанский начальник молодых специалистов, со злым лицом, написал мне на официальном бланке отказ. Но под конец не выдержал, улыбнулся и сказал:

– А зря я все-таки тебя отпустил. Понравился ты мне. Настырный, добился таки своего. Нам такие – вот как нужны! Так что если уж там чего, приезжай, не прогоним.

И, несмотря на то, что за это время он вытряс у меня всю душу, я улыбнулся ему в ответ и с благодарностью пожал руку.

Потом с этим отказом я поехал в наш Совнархоз, потом в Министерство высшего образования, где уже знакомая мне дама, с удивлением взглянув на отказ и с уважением на меня, выдала мне новое направление на радиозавод в Подмоскowie.

Иван Иванович Рябов, начальник отдела кадров нашего завода, обрадовался ему, наверное, не меньше меня.

– Ну, ты молоток! – похвалил он. – Дожал таки. Честно скажу, не ожидал! Теперь я тебя беру на полных основаниях. Давай анкету заполняй, а я пока «Трудовую книжку» тебе подготавливаю.

Я заполнил большую, на нескольких листах, анкету и отдал ее Ивану Ивановичу. Он внимательно прочитал, сказал: «Все нормально» и протянул мне мою «Трудовую книжку». Она была какого-то тусклого грязно-серого цвета и вызывала ассоциации с чем-то очень утомительным и нудным.

«НО КАНДИДАТОМ БЫТЬ ОБЯЗАН...»

(Воспоминание седьмое)

«Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан». Этот афоризм знали, пожалуй, все аспиранты. И действительно, зачем было бы идти в аспирантуру, если не быть уверенным, что ты подготовишь диссертацию, защитишь ее и, следовательно, станешь кандидатом каких-то наук. Каких – это в каждом конкретном случае индивидуально. Я, например, собирался стать кандидатом наук технических.

Причины для получения ученой степени тоже были не одинаковы. Одни молодые люди, да и не только молодые, мечтали целиком отдать себя науке как таковой. Другие считали, вполне справедливо, что наличие ученой степени поможет занять престижную должность, будет способствовать карьере, да и положительно скажется на зарплате. Третьи видели в аспирантуре возможность вырваться из своей провинции в крупный город, как оптимальный вариант – в Москву.

Если говорить откровенно, то на первом этапе мне больше подходил именно

третий вариант, что, впрочем, не исключало и два остальных. Желание жить в Москве, я думаю, являлось аксиомой для подавляющего числа молодых людей. Я не исключаю, что были и люди, которых устраивала спокойная жизнь, скажем, в маленьком тихом городке или даже в селе, со своим хозяйством, садом под окном и рыбалкой на реке в утреннем тумане. А что, это тоже замечательно. Но все же...

Почему-то жизнь устроена так, что если одни имеют что-то как бы само собой разумеющееся, то другим это что-то приходится пробивать, тратя на это время и силы. Скажем, человек, родившийся в Москве и имеющий московскую прописку, воспринимает это спокойно и даже не думает над этим вопросом. Другому же человеку, насколько, к слову, не хуже первого, получить возможность жить в столице нашей родины казалось запредельной мечтой. В те 60-е годы прошлого века реально получить московскую прописку можно было, в основном, двумя путями. Наиболее верный из них – жениться на москвичке. Тогда, с ее согласия, у тебя появлялась постоянная столичная прописка. Только, ради Бога, не подумайте, что все молодые люди женились на московских девушках по расчету. Далеко не все, хотя были и такие. Но, согласитесь, чтобы найти московскую невесту по любви, прежде всего надо было хотя бы жить в этом городе, чтобы такая возможность появилась. Поэтому вторым вариантом получения московской прописки, правда, временной, было поступление на учебу в столицу. Или студентом, или, в уже более зрелом возрасте и с трезвым взглядом на жизнь, аспирантом. Жениться ради прописки я не собирался никогда, но перебраться в Москву из своего подмосковного города, где я работал после окончания института на радиозаводе, не отказался бы. И я решил поступить в аспирантуру. К научной работе я не был совсем уж равнодушен. Учась в институте, я был членом Научно-технического общества и даже секретарем нашей секции. На ежегодных конференциях регулярно делал доклады, что подтверждают соответствующие дипломы, полученные за них, а также публикации моих выступлений в Трудах института. Одна моя теоретическая разработка, посвященная вопросам «допусков и посадок» в машиностроении, даже была опубликована во всесоюзном журнале «Станки и инструменты». Эту самую статью я и взял в качестве реферата, который был необходим при поступлении в аспирантуру. Вступительные экзамены я сдал прилично и стал аспирантом кафедры «Технология машиностроения» МИХМа – московского института химического машиностроения. И плюс к этому я получил место в общежитии студенческого городка «Сокол» и московскую прописку на время учебы в аспирантуре. Я перебрался в Москву, и жизнь расцвела для меня прекрасными огнями.

В состоянии эйфории прошла неделя – другая, и встал вопрос о выборе темы диссертационной работы. Проработав до этого два года на радиозаводе, я соприкоснулся там с интересной и современной проблемой. Я имею виду электровакуумные стекла, которые стали применяться как «подложки» во многих электронных схемах. Не буду вдаваться в технические подробности, скажу лишь, что этот материал стал находить все более и более широкое применение как в радио- и электронной промышленности, так и в других современных отраслях, в том числе и в космических исследованиях. Резко возросла потребность в деталях из электровакуумных стекол, имеющих сверхточные размеры и высокое качество обработанной поверхности. И

достичь этого стало возможным при применении алмазного инструмента, то есть шлифовальных кругов, где в качестве абразива служила алмазная крошка. При этом надо упомянуть, что именно в это время в Союзе были созданы искусственные алмазы, что позволяло решить дефицит алмазного инструмента.

Короче говоря, я и выбрал себе тему по обработке электровакуумного стекла алмазным инструментом. Поскольку такая область только зарождалась, мне предстояло провести исследование механизма обработки алмазом стекла, вычислить оптимальные характеристики алмазного инструмента и параметры процесса обработки. Тема была интересной, актуальной, и на кафедре сразу же утвердили ее. Но практическое выполнение темы оказалось нелегким. Я оказался как бы на стыке двух областей. С одной стороны, мне надо было хорошо знать стекло, а с другой – вопросы механической обработки. Ни один ВУЗ страны в то время не готовил специалистов такого профиля. Из машиностроительных институтов выходили инженеры по обработке металла, а в химико-технологических готовили специалистов по структуре и получению стекла. Вопросом же механической обработки стекла не занимался никто. Я по образованию был инженером-механиком, и стекло знал постольку поскольку. А посему, чтобы не отнимать у вас много времени, скажу лишь, что, проучившись в аспирантуре МИХМа два года и проделав определенную часть работы, я перешел в вечернюю аспирантуру ГИСа – государственного института стекла, где вплотную стал заниматься именно стекольной частью моей диссертации. При этом я стал работать в НИИЭС – институте электровакуумного стекла, где настолько заинтересовались моей темой, что включили ее в план работы нашей лаборатории. А это дало мне возможность проводить широкие исследования и практические их применения.

Прошли еще три года. За это время диссертация моя не только была закончена, но и полученные мною разработки нашли конкретное внедрение на ряде заводов страны. По моим данным стали обрабатывать целый ряд серьезных изделий, в частности – статоры для электростатических генераторов и кинескопы для цветных телевизоров. Настало время защищать диссертацию. Вот этот судьбоносный вопрос и станет основной темой моего рассказа. Повторяясь, скажу, что одна и та же проблема для одних людей решалась легко, а для других гораздо сложнее. Я, увы, относился к последним. Какой обычный порядок защиты диссертации у аспирантов? Он состоит как бы из двух этапов: предварительная защита на кафедре, где тебе доброжелательно скажут о необходимости что-то доработать, и затем окончательная защита на Ученом совете института.

Мне же для защиты надо было пройти четыре этапа. Все дело в том, что незадолго до этого ВАК – Высшая аттестационная комиссия – приняла решение резко сократить список институтов, ученым и научно-техническим советам которых разрешалось принимать диссертации к защите. К сожалению, в этот список не вошли оба моих института – и ГИС, и НИИЭС. Советы у них остались, пройти предварительную защиту на них мне было необходимо, но к этим двум защитам добавлялись еще две в институте, имевшем право присуждать кандидатские степени. Таким институтом для меня ВАКом был выбран МХТИ имени Менделеева – московский химико-технологический институт, где мне предстояло пройти защиты на кафедре стекла и на Ученом совете. Первые две защиты прошли успешно. И в НИИЭСе, где я работал, и в ГИСе,

где был аспирантом, тему мою приняли очень положительно, результатами остались довольны и рекомендовали диссертацию к окончательной защите. Для МХТИ же я был «человеком со стороны». У них был свой план выпуска аспирантов и кандидатов наук. Свои аспиранты приходили на кафедральную защиту с диссертацией, написанной на отдельных листах, и поэтому легко могли внести замечания, прежде чем отдавать работу в переплет. Я же не мог себе такого позволить. Когда я явился в Ученый совет МХТИ в первые дни сентября 1967 года, после летних каникул, то обязан был положить на стол Ученому секретарю совета Серафиму Сергеевичу Сырову три экземпляра моей диссертации в окончательном, переплетенном виде.

Сыров просмотрел мои бумаги, написал мне расписку в их получении, заглянул в какой-то блокнот и сказал:

– Понимаете, у нас уже составлен план защит. Так что, я вот тут гляжу, мы поставим вас на кафедру не раньше декабря. Пока готовьте автореферат и списки, куда вы думаете его рассылать. Не менее двадцати мест надо.

Мне оставалось только поблагодарить и откланяться.

К трехмесячному сроку ожидания предзащиты я отнесся относительно спокойно, понимая, что в первую очередь на защиту пойдут их собственные аспиранты, а если появится какое-то «окно», то сунут и меня. Но время терять все равно нельзя. Написание реферата, его напечатание, поиск и утверждение организаций, куда его надо будет послать, ожидание отзывов оттуда – все это требовало времени. Правда, реферат у меня был готов давно. Я сел писать его сразу же после самой диссертации. С типографией тоже особых проблем не было, поскольку уже несколько лет я занимался журналистикой и имел кое-какие связи в этом мире. Так что буквально недели через две-три у меня на столе лежала солидная стопка симпатичных книжечек.

За это время удалось составить список 23 организаций, так или иначе соответствующих теме моей работы. Там были и стекольные заводы, и НИИ, и КБ, и даже производственный отдел одного министерства. Этот список в МХТИ утвердили без особых замечаний, и я отнес на почту 23 пакета.

Конечно, никто и не ждал, что придут все 23 отзыва. Да этого, к слову говоря, для защиты и не требовалось. Было вполне достаточно десятка положительных отзывов, и такой расширенный список рассылки составлялся просто для страховки. Как и ожидалось, отзывы пришли от половины адресатов. Зато все двенадцать были положительными. В них подчеркивались и актуальность темы, и качество работы, и возможность ее не только теоретического, но и практического применения.

В связи с этим я со спокойной душой набрался терпения и стал ожидать предварительную защиту на кафедре, назначенную на 10 декабря. Срок настал, и защита состоялась. Прошла она на редкость спокойно и хорошо. Товарищи с кафедры стекла отнеслись к моей работе с интересом, задавали вопросы «по делу», были удовлетворены моими ответами и рекомендовали диссертацию к защите на Ученом совете института.

На следующий же день я отправился к Сырову, чтобы выяснить у него, когда же этот день «Х» для меня должен наступить. Сыров, видно, уже имел протокол о моей предварительной защите, поэтому, привычно заглянув в свой заветный блокнот, «обрадовал» меня, что защита на Совете состоится аж в мае следующего года.

– Серафим Сергеевич, – взмолился я. – Что так долго ждать-то? Неужели за

полгода ни одного «окна» нет?

– Причем здесь «окно», – даже как-то обиделся Сыров. – Мы вас в порядковый список вносим, а не «в окно» пишаем. Очередь есть очередь. До вас вот в мае и дойдет. Давайте-ка пока подберите себе официальных оппонентов, мы их еще должны на совете утвердить. Потом отдадите им диссертацию, получим отзывы и будем ждать.

Ну что тут скажешь... Я опять поблагодарил и откланялся.

И начал я искать оппонентов. По правилам официальных оппонентов для защиты кандидатских диссертаций должно быть три. Первый, так сказать, основной, оппонент должен быть не ниже доктора наук, профессора из области, соответствующей теме моей диссертации. Второй мог быть доцентом, кандидатом наук. А третьим официальным оппонентом полагалось быть какой-либо организации.

Как я уже говорил, тема моей работы находилась как бы на стыке двух областей. С одной стороны – это было стекло, причем стекло электровакуумное. С другой же – механический процесс обработки этого стекла алмазным инструментом. Говорил я уже и то, что специалистов, работающих на стыке этих вопросов, было очень мало. Так что, казалось бы, простой, хотя, конечно, и очень важный вопрос выбора оппонентов оказался не таким уж и легким.

После прикидки различных вариантов я остановился на следующем. Основным официальным оппонентом я выбрал себе очень солидного ученого, членкора, доктора наук Максима Васильевича Быховских. Он был директором одного из «закрытых» НИИ, работающих как раз в «стеклянном» направлении. Не буду рассказывать, как мне удалось выйти на него, но Максим Васильевич дал свое согласие.

Со вторым оппонентом было проще, им согласился стать доцент кафедры стекла МХТИ, Николай Николаевич Сильвестрович, который был уже в курсе моей работы после защиты ее на кафедре.

Выбор третьего оппонента был для меня самым нетрудным, поскольку во все время работы над диссертацией я был вплотную связан с ГИСМом – Государственным институтом стекольного машиностроения, хорошо знал его директора, главного инженера и получил от них согласие легко.

Предложенные кандидатуры официальных оппонентов Ученый совет МХТИ утвердил сразу же, поскольку, как я думаю, компетентность их и солидность возражения не вызывали. Я отнес каждому из оппонентов экземпляр диссертации и стал ждать от них официального заключения и срока защиты. Не надо забывать, что все это время я продолжал работать в НИИЭСе, дома подрастал годовалый сын, так что праздного времени у меня не наблюдалось и, может быть, поэтому срок защиты подошел как-то незаметно.

Итак, приближался тот самый день «Х». У меня было все полностью готово. Отзывы оппонентов были положительными и лежали у Сырова. Объявление в одной из московских газет о защите диссертации, что требовалось в то время неукоснительно, поместили за десять дней до защиты. Доклад, который я собирался произнести, написан, выучен почти что наизусть и точно укладывался в отведенные десять минут. Около двух десятков наглядных плакатов, с графиками, формулами и т.д., классно нарисованные моим другом-художником, ждали своего часа. Ресторан «Прага» был заблаговременно заказан в расчете на традиционный послезащитный банкет. Я стоял на низком

старте.

И день настал! Мы заранее приехали в институт, привезли все, что надо. Развесили плакаты, проверили наличие нескольких стеклянных экспонатов, что я намеревался продемонстрировать в процессе защиты, а также указки. Все было на месте, включая носовой платок в кармане брюк нового костюма, который я надел по этому торжественному случаю.

Постепенно большая аудитория МХТИ заполнялась солидными членами Ученого совета, просто слушателями. Народу пришло довольно-таки много. Не было только Максима Васильевича Быховских. А до назначенного часа оставалось всего минут 10-15. Подошедший ко мне Сыров недоуменно поинтересовался, почему же нет моего оппонента. Я не знал, что ему ответить, и побежал звонить. К моему удивлению, членкор оказался в своем кабинете и взял трубку.

– Максим Васильевич, – сказал я ему дрожащим голосом. – Мы же все ждем вас. Через десять минут начало защиты.

– Дорогой мой, – доброжелательно ответил он, – ну что я могу поделать. Внизу машина стоит, к министру меня вызывают. Там же есть мое заключение. Оно положительное. Очень работа твоя хорошая. Пусть без меня прочитают. Ты уж извини.

Если бы я за полчаса до того не выпил пару успокоительных таблеток, то не знаю, что бы со мной произошло. А теперь у меня хватило сил дойти до аудитории, найти Сырова и рассказать ему о моем телефонном разговоре. Я до сих пор помню выражение его лица.

– Да-а, – протянул он, – ситуация... По правилам, если оппонент не приезжает на защиту по уважительной причине, но имеется его положительное заключение, то можно выбрать дополнительного оппонента вместо отсутствующего. Но, сами понимаете, кто из докторов наук согласится за десять минут до защиты взять на себя такое дело. Пойду, доложу председателю Совета.

Я видел, как он подошел к столу, за которым уже сидели все члены Ученого совета, и стал пояснять положение. Я замер, решалась моя судьба.

Совещались они минут десять. Наконец, председатель Совета встал, постучал по графину с водой и, дождавшись тишины, сказал:

– В связи с отсутствием официального оппонента защита данной диссертации состояться не может. Прошу соискателя собрать свои материалы и решить с Ученым секретарем Совета вопрос о возможности повторной защиты.

Заседание считаю закрытым.

Весь зал, как по команде, оглянулся на меня. А я стоял, почему-то с указкой в руках, и находился в каком-то ступоре. Конечно, друзья окружили меня, стали утешать, говорить всякие слова в отношении и Быховских, и Совета. Но что мне было с тех слов. Единственно, где ко мне отнеслись с пониманием, это в ресторане «Прага». Директор ресторана, сочувственно выслушав мою историю, дал команду вернуть мне задаток и, улыбнувшись, сказал:

– Не переживайте. Я уверен, вы еще у нас погуляете.

Весь вечер дома стояла тишина, как при покойнике. Даже телефон не звонил, видно, слухи распространяются быстро. А на следующий же день я отправился в МХТИ к Сырову чтобы узнать у него про мою дальнейшую судьбу.

Серафим Сергеевич встретил меня без особой радости. И на мой безмолвный вопрос о сроках новой защиты сказал, почему-то не глядя мне в лицо:

– А вы знаете, что вам необходимо сдать еще один кандидатский экзамен?

– Какой экзамен? – еще не понимая до конца положение, спросил я.

– По физ-химии силикатов.

Я растерялся.

– Откуда еще вдруг экзамен, Серафим Сергеевич? Ничего не понимаю. Вчера же защита была. Если бы у меня не хватало кандидатского, как вы меня до защиты-то допустили? Что, эта физ-химия возникла потому, что Быховских не приехал?

Я понял, что Сыров не может мне объяснить ситуацию. Да и кто на его месте смог бы? После защиты диссертации, пусть даже и отложенной по известной причине, вдруг возник еще какой-то кандидатский экзамен.

– Я не знаю, – ответил мне Сыров. – Павлов Михаил Федотович распорядился, чтобы вы сдали физ-химию.

Михаил Федотович Павлов был никем иным, как заместителем директора МХТИ по научной работе. И, к слову говоря, как член Ученого совета, вчера присутствовал на моей пресловутой «защите».

Мало того, что я вообще не понял, откуда вдруг возник новый кандидатский, так к тому же и наука физ-химия силикатов была для меня, что темный лес. Я просто никогда не сталкивался с ней. Ни когда учился в институте, ни когда учился в аспирантуре. Физ-химия силикатов ни с какого бока не касалась темы моей диссертации. И что же мне было делать теперь? Я и задал этот вопрос Сырову.

– Ну, я не знаю, – развел тот руками. – Сами понимаете, спорить с Павловым я не пойду. Если вы не согласны, езжайте в ВАК, пусть они разъяснят.

ВАК – Высшая аттестационная комиссия, гудел, как улей. Найти концы по моему вопросу оказалось там не очень легко. Наконец я попал в юридический отдел ВАКа. Симпатичная женщина-юрист выслушала меня, не перебивая, достала с полки какой-то «талмуд», нашла нужную страницу и, прежде чем прочесть мне ее, спросила:

– Вы где собирались защищаться?

– В химико-технологическом имени Менделеева.

– На кандидата химических наук?

– Да нет, технических.

– А по образованию вы кто?

– Инженер-механик.

– Замечательно, – она удовлетворенно кивнула головой и прочитала из книги: «Инженеры-механики, защищающие диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, должны сдавать один кандидатский экзамен по теме диссертации». Вы какой сдавали?

– По теме и сдавал. «Технология стекла». На отлично и сдал.

– Ну и замечательно, – опять повторила юрист. – Я тогда не понимаю, зачем вам еще какой-то экзамен нужен?

– Так это и я не понимаю! – чуть не вскочил я со стула. – Ничего мне не нужно! Да и им-то не нужно было, ведь допустили же меня до защиты!

– Ну, вот и объясните вашему ученому секретарю то, что я вам прочитала из «Положения о получении ученых степеней и званий». А если у него будут вопросы, пусть позвонит мне. Вот телефон.

Я от души поблагодарил юриста и на следующий же день пересказывал Сырову наш с ней разговор.

– Я ничего не знаю, – даже как-то радостно ответил мне он. – И звонить никуда не буду. Вам надо, вы и звоните. Павлов сказал сдавать, значит, следует сдавать. А если вы не хотите, то езжайте опять в ВАК и привезите оттуда письменное разъяснение.

Уже знакомая женщина-юрист посмотрела на меня с удивлением и даже с досадой

– Я вам вчера плохо объяснила? – уже не очень ласково спросила она у меня.

– Да нет же, – прижал я руки к груди, – вы хорошо объяснили, но они ни меня слушать не хотят, ни вам позвонить. Вы не могли бы мне дать все это в письменном виде?

– Пожалуйста. По закону вы имеете право написать заявление, и мы ответим вам в письменной форме.

– И когда же я получу этот ответ?

– Я думаю, месяца через два. Вы же не один у нас.

– Через два? – взмолился я. – Сейчас май. МХТИ – учебный институт, там начинаются каникулы на все лето. А что будет осенью, никто не знает.

Поймите, вы же знаете мою историю. Это же не моя вина, а моя беда, что на защиту не приехал оппонент. Приехал бы он, и все прошло бы безо всякой физхимии.

И, видно, столько отчаяния было в моем голосе и такая нелепость в моей истории, что женщина смягчилась.

– Ладно, – вздохнув, сказала она, – если вы сможете сейчас написать заявление, где изложите ситуацию, пробить его через канцелярию, – пусть девочки вам поставят входящий номер, – я постараюсь сразу же сделать вам ответ.

Не стоит рассказывать, как мне все это удалось. Но через пару часов я отнес в юридический отдел мое заявление с входящим номером и датой, а еще через полчаса «моя» юрист протянула мне письмо на официальном бланке ВАКа, на имя директора МХТИ. Письмо начиналось словами «ВАК разъясняет»..., а затем в нем слово в слово был напечатан абзац из «Положения», прочитанный мне в свое время. Письмо было завизировано юридическим отделом.

– Ну вот, – с улыбкой сказала мне она, как человек, сделавший доброе дело. – Идите скорей к зампредела ВАКа Колпакову, пусть он подпишет.

Не выпуская из рук письма, к Колпакову я летел как на крыльях. И попал к нему в кабинет буквально за четверть часа до конца рабочего дня. Поздоровавшись, я протянул ему завизированное письмо. Колпаков взял его, прочитал и, ни слова не говоря, порвал, скомкал и бросил в корзину.

Я онемел! А Колпаков взглянул на меня разъяренными глазами и сказал, переменяя фразы словами, которые мне не хотелось бы здесь повторять:

– Делать нам, по-вашему, здесь больше нечего, как персонально каждому Ученому секретарю на каждого персонального соискателя персональные письма писать с разъяснениями наших «Положений». Это законом для вашего Сырова должно быть. А если он этого не знает, нечего ему в Ученом совете работать. Можете ему это от моего имени передать. Идите.

Я вышел из ВАКа и от бессилия опустился на скамейку ближайшего сквера. Весь груз прошедших дней и событий сразу навалился на меня. Но надо было что-то делать. И я вернулся в ВАК, опять написал заявление, буквально повторяя первое, и отдал его в канцелярию. Ну пусть через два месяца, подумал я, но должны же они мне прислать на него официальный письменный

ответ.

Прошел май, потом июнь, июль, и где-то в середине августа я действительно получил по почте письмо из ВАКа. Письмо было опять же адресовано директору МХТИ, но копия его – мне

Вероятно, и это письмо писала та же женщина-юрист, потому что оно было слово в слово идентично первому, но, кроме того, там был еще один абзац. В нем говорилось, что в связи с вышеуказанным я не должен сдавать кандидатский экзамен по физ-химии силикатов, потому что у меня уже сдан экзамен по технологии стекла.

Вот так-то! Уж теперь, при таком конкретном разъяснении ВАКа, а не просто со ссылкой на какой-то там параграф, я считал, что этот вопрос будет закрыт. И опять – Господи, в какой уж раз! – я был наивен, как дитя.

Я еле дождался начала учебного года и в первых числах сентября прибежал к Сырову. Отдохнувший за лето и загоревший Серафим Сергеевич встретил меня не с распростертыми объятиями, но вполне нормально. Я показал ему заветное письмо. Он прочитал его, вернул мне и сказал:

– Я в курсе. У нас тоже такое есть.

– Так, значит, мне не надо сдавать физ-химию?

– Думаю, не надо.

– А когда тогда защита?

– Куда вы так торопитесь, – развел Сыров руками. – Мы же только-только работать начали. Еще ни одного заседания Ученого совета не провели. Еще никакие планы-списки не составляли. Позвоните мне через недельку.

Ну, через недельку, так через недельку. Я позвонил.

– Знаете, – «обрадовал» меня Сыров. – На сентябрь ничего не выйдет. Давайте на октябрь. Позвоните еще разок.

– Знаете, на октябрьские защиты уже все занято, – услышал я в следующий раз. – Пожалуй, в ноябре найдем «окошечко». Давайте еще через недельку свяжемся.

Я послушно перезвонил.

– Вы поймите, у нас свои аспиранты должны пройти в ноябре. Но, думаю, на декабрь мы что-нибудь придумаем обязательно. Звоните.

Я опять позвонил.

– Ну, вот видите, – радостно воскликнул в трубку неутомимый Серафим Сергеевич. – Я же вам обещал. Вот, пожалуйста, 2 декабря. Не забудьте только, что объявление в газету надо заранее послать. Напечатано оно должно быть за десять дней, но принимают они его не менее чем за тридцать. Вы напомните мне, поскольку объявление принимают только от института. Я от души поблагодарил Ученого секретаря. И стал ждать. А что мне еще оставалось. Со времени предварительной защиты на кафедре стекла прошел уже целый год.

В последних числах октября, где-то числа 20-го – 22-го, – это важно для продолжения истории, – я позвонил Сырову.

– Серафим Сергеевич, – сказал я, – вы просили напомнить, чтобы отослать объявление в газету.

– Хм, – услышал я в ответ. – А вы помните, что должны еще сдать кандидатский по физ-химии силикатов?

Я как стоял, так и сел...

– Какой экзамен? – только и смог выговорить я. – Вы же еще когда подтвердили

мне, что у вас есть письмо из ВАКа, что мне не нужен никакой экзамен!
– Письмо существует, – согласился Сыров. – Но Михаил Федотович настаивает на сдаче экзамена. Время у вас еще есть.

У меня хватило сил только на то, чтобы положить трубку на рычаг. В голове зазвенело, а потом образовалась какая-то пустота. Понемногу придя в себя, я вспомнил, какие приключения мне пришлось пережить до сегодняшнего дня. Когда еще в мае возник вопрос об экзамене по физ-химии силикатов, а с ВАКом у меня случился «облом», я решил провентилировать этот вопрос.

Оказывается, любой кандидатский экзамен можно сдавать не обязательно в институте, где будешь защищаться. Да это и так было ясно, ведь аспиранты других институтов приходят на защиту с уже сданными экзаменами. А посему я решил для себя, что если от физ-химии этой мне не убежать, то сдам ее в ГИСе, где учился в аспирантуре и где меня хорошо знают.

Однако я успокоился зря. У меня был довольно близкий знакомый, работавший на одной из кафедр в Менделеевке и бывший в курсе местных дел. Он и сказали мне, что я плохо знаю Павлова и если даже и приду к нему со сданным в ГИСе экзаменом, то он все равно заставит пересдавать его у себя. И вообще, сказал он мне, ты что, младенец? Не понимаешь элементарных вещей? Ну не дадут тебе защититься там. Почему, сам догадайся. И завалить тебя на экзамене – это ли не самый хороший предлог? Тем более что и физ-химия силикатов для тебя наука темная. Так что, друг любезный, забирай-ка ты свои документы и ищи себе другое место защиты.

Спасибо ему, конечно, за совет, но это легко говорить. Если я возьму документы из МХТИ, то все практически надо начинать сначала. Причем каждый этап будет в сослагательном наклонении. Допустим, я найду институт, где меня примут к защите. А это далеко не просто, учитывая профиль моей работы. В Менделеевку меня направил ВАК, и отказаться они не могли. А здесь... Но допустим... А это значит, что мне снова-здорово надо проходить защиту на новой кафедре, заново писать реферат и рассылать его в два десятка адресов для получения отзывов. Заново искать оппонентов и получать заключения от них. Опять стоять в очереди на защиту, учитывая при этом, что я «человек со стороны». И, когда придет время защиты, мне просто скажут: «Уважаемый товарищ, да со времени окончания вашей работы уже не один год прошел, у вас там, наверное, половина данных устарело. Давайте-ка по новой начинайте». И все это, как говорится, еще при хорошем раскладе.

А с другой стороны, если остаться в Менделеевке, то это значит – заранее обречь себя на гильотину.

Но потом пришло письмо из ВАКа, экзамен вроде бы отпал сам собой, так что на нем меня гарантированно зарубить не смогли бы, а защита, ... что защита. Она происходит публично, «шары кидают» втемную, работа у меня хорошая, отзывы тоже, есть практическое внедрение на производстве, да и против авторитета Быховских вряд ли кто захочет пойти.

Но когда опять, буквально за неделю до направления объявления в газету, снова вылез этот кандидатский, мне стало не по себе.

Теперь меня уже многие уговаривали забрать документы, и я даже стал склоняться к этому. Но перед тем, как поступить таким образом, я решил сходить к Павлову и поговорить с ним начистоту. Что в конце концов он со мной сделает? Тем более, если я уже решил уходить.

Зам. директора по научной работе МХТИ профессор Павлов принял меня в

своим кабинете.

Видно, что-то подсказало мне выбрать правильный тон нашего разговора и прийти к Павлову с «повинной головой», которую меч не сечет.

– Михаил Федотович, – начал я, сев перед массивным столом профессора. – Объясните мне, пожалуйста, что происходит. Я ничего не понимаю. Я хорошо прошел кафедру. У меня должна была состояться защита еще в мае. И это же моя беда, а не вина, что не приехал Быховских. Но это еще полбеды. Откуда-то после этой несостоявшейся защиты возник вопрос о новом кандидатском экзамене по физ-химии силикатов. Именно после дня защиты возник.

Павлов смотрел на меня исподлобья и молчал. Это молчание чем-то напугало меня

– Мне Сыров сказал, чтобы я принес разъяснение из ВАКа. Они написали письмо, и Серафим Сергеевич подтвердил, что экзамен мне не нужен, что новая защита назначена на 2 декабря. А теперь вот опять...

Павлов молчал, и я замолчал тоже. Прошло еще минут, может быть, пять или десять. Но мне показалось, что целый час. Я подумал, что Павлов принципиально не может или не хочет изменить своего решения относительно экзамена. Наконец он произнес:

– Экзамен сдавать надо.

– Хорошо, – согласился я. – А где его мне сдавать?

– У нас, только у нас. На кафедре физ-химии силикатов.

– Но, – взмолился я, – у меня ведь защита 2 декабря. Объявление в газету за 30 дней сдавать нужно. Если ко 2 декабря я не успею, то когда же мне придется защищаться? Когда до меня снова очередь дойдет?

Павлов опять помолчал и сказал:

– Если вы сдадите экзамен, – он сделал явный упор на слове «если», – если вы сдадите экзамен по физ-химии, то я обещаю вам, что 2 декабря за вами сохранится.

Говорить уже больше было не о чем. Я попрощался, вышел в приемную и поехал домой. Еще в метро я стал рассуждать сам с собой. А чем черт не шутит, думал я, может, попробовать сдать эту физ-химию. Не китайский же язык, в конце концов. И еще студентами, я помню, готовили же мы за одну ночь любой экзамен. А зарубят, возьму документы, все равно забирать...

Приняв такое решение, я даже немного успокоился. И на завтра, поехав в библиотеку Менделеевки, взял там учебник по физ-химии силикатов, пролистал его и убедился, что наука не из простых. После чего я отправился на кафедру физ-химии силикатов. Руководил кафедрой ученый с мировым именем, академик Смирновский, человек в сильно преклонном возрасте, но очень еще деловой и жизнелюбивый. Конечно, он сам не занимался административными проблемами на кафедре. Это входило в обязанности доцента Погодина, к которому я и обратился со своими проблемами.

Погодин, сам, наверное, не так давно бывший аспирантом, отнесся ко мне с пониманием, когда я, как на духу, рассказал ему ситуацию.

– Вадим Борисович, – сказал я ему и протянул учебник. – Вы отметьте мне, пожалуйста, что здесь выучить надо. Или дайте какой-нибудь план работ.

Погодин засмеялся:

– Что надо? Да все надо и еще много раз постольку. Но, как я понял, ты с физ-химией никогда не пересекался и к теме твоей она не при чем. Ну, выучи хоть эту книжку. Все-таки кандидатский будешь сдавать. И не кому-нибудь, а

Смирновскому.

– Самому? – удивился я.

– Да он дядька хороший, разумный. Сдавать комиссии надо. Смирновский, я, а председатель комиссии – Павлов. Он как зам по науке во всех комиссиях председателем, по положению. Правда, бывает, что он и не приходит на экзамен, но подписывать протокол обязан.

Когда я услышал про Павлова, мне стало нехорошо. А Погодин спросил:

– Тебе когда надо сдавать-то?

– Давайте считать. 2 декабря – защита. За 30 дней надо объявление в газету нести. Так что получается не позже, чем 2 ноября.

– Во как! А сегодня у нас... двадцать пятое. За неделю осилишь? Если что, приходи ко мне на консультацию. Ну вот, давай на 2 ноября и остановимся. С Богом!

Разговор с Погодиным вселил в меня какие-то надежды. Пожалуй, лишь присутствие на экзамене Павлова мне совсем не улыбалось. Но делать было нечего. Я взял на работе неделю отгулов, и каждое утро, позавтракав, забирал учебник и шел в читальный зал районной библиотеки. Там хоть тихо, а дома, как я уже упоминал, был годовалый сын, да и жили мы тогда в коммуналке.

За эту неделю я ни разу не выбрался к Погодину на консультацию. Во-первых, жалко было времени на поездку туда и обратно. А во-вторых, и это главное, я, худо-бедно, с карандашом в руках разобрался, как мне казалось, в этой науке.

Когда 2 ноября я шел в Менделеевку, главная мысль была: придет на экзамен Павлов или нет. На кафедре меня встретил Погодин. Мы сели за стол, он взял несколько листов бумаги со штампом наверху и довольно быстро набросал мне десятка полтора вопросов. Потом мы пошли с ним в кабинет Смирновского.

Академик что-то писал и посмотрел на нас вопросительно.

– Вениамин Константинович, – положил пред ним бумаги Погодин. – Вот аспирант пришел экзамен сдавать. Я написал ему здесь вопросы. Посмотрите, пожалуйста.

Академик вскинул на меня совсем еще молодые глаза:

– Аспирант, говорите, это хорошо. Были когда-то и мы аспирантами. Ну-ка, ну-ка, что там у вас.

Он, не торопясь, прочитал Погодинские вопросы, исправил что-то в двух-трех местах и протянул листки мне.

– Хорошие вопросы, очень интересные, идите, часок подготовьтесь, а потом приходите. И вы с ним – кивнул он доценту.

Мы вышли в «предбанник», где, кроме секретарши кафедры, никого не было. Я сел за стол в углу и стал читать задание.

Не буду долго утомлять вас, уважаемые читатели. Скажу лишь, что вопросы не поставили меня в тупик, и я написал на других листах бумаги со штампом наверху ответы на них. А потом с Погодиным мы опять пошли в кабинет академика. Он отложил свои дела в сторону и с интересом приготовился слушать меня....

Если говорить откровенно, что стоило даже не всемирно известному академику, а просто доценту «посадить» меня по полной программе. Но, видно, желания такого у них не было. Хотя не скажу, что экзамен проходил чисто формально. Совсем нет. Я отвечал на заданные вопросы и на дополнительные и, по-моему, вполне сносно. Наверное, это было более похоже на студенческий экзамен, чем на сдачу кандидатского. Однако когда вопросы кончились, Смирновский

сказал мне:

– Ну, молодой человек, на «удовлетворительно» вы ответили «железно». Помню, как молодо и вкусно прозвучало в устах старого академика это слово.

– Железно, железно, – повторил Смирновский и потер сухонькие ручки. – А теперь давайте-ка на четверочку...

– Нет, – чуть не закричал я, – нет, Вениамин Константинович, ни в коем случае, мне вполне хватит и «тройки».

– Почему это? – удивился он. – Четверочка-то поприятней будет. Ну нет, так нет.

Смирновский взял мои листки, расписался на каждом из них и, отдавая мне, спросил:

– И защита когда?

– 2 декабря, – радостно ответил я ему. – Спасибо вам большое.

– Пожалуйста, – засмеялся академик и как-то грустно добавил: – аспирантом быть хорошо...

Мы вышли на кафедру.

– Ну, молоток, – пожал мне руку Погодин. – Правильно сообразил от четверки отказаться. Тебе бы Павлов за четверку всю душу вынул. А то неделю назад говорил, что вообще о такой науке не слышал, а теперь академиком на четверки сдаешь. Ладно, бери листы, беги к Павлову за подписью.

Когда я, постучав, вошел в кабинет Павлова, он вопросительно поднял на меня глаза.

– Вот, Михаил Федотович, – сдерживая радость, сказал я. – Сдал я физ-химию.

– Сдали? – удивился он и даже повернулся ко мне, протягивая руку за моими листками. – Смирновскому?

– Смирновскому. Он там подписал.

Павлов кивнул мне на стул и стал читать мое творение. Читал он очень долго, по крайней мере, для меня время остановилось. Не знаю уж, что сыграло роль, мои ответы или подпись академика Смирновского, но Павлов взял ручку, подписал листки и, ни слова не говоря, отдал их мне.

Я сказал: «спасибо, до свидания» и помчался к Сырову, чтобы обрадовать его сданным экзаменом и попросить послать объявление в газету на защиту 2-го декабря.

– Серафим Сергеевич, – с порога закричал я. – Я сдал!

– Сдал?! – настолько удивился Сыров, что даже не смог скрыть своего удивления. – И Павлов подписал?

– И Павлов подписал, – засмеялся я. – Значит, 2-го защита?

Сыров опустил глаза.

– Понимаете, на это число уже все занято, мы уже и в газету объявление послали.

– Как занято?! Ведь Павлов обещал мне, что если я сдам, то этот день останется за мной.

– Так это, если сдадите. Кто же знал, что сдадите-то. А нам ждать было некогда, вот мы другого человека назначили.

У меня подкосились ноги и я, не выпуская из рук драгоценные листки, упал на стул.

– А я когда же? Ведь теперь уже все есть...

– Теперь уже только на следующий год. Что же вы хотите. А на новый год мы еще расписание защит не составляли. Так что давайте ваши бумажки и звоните

мне поближе к Новому году. Что-нибудь придумаем.

Надо ли говорить, что радость от сдачи пугавшего меня в течение полугода экзамена отступила на задний план. Опять все было покрыто мраком.

В конце ноября и в начале декабря я несколько раз звонил Сырову, но положительного ответа так и не получил. И вот, наконец, я позвонил на кафедру почти перед самым Новым годом, числа 25-26 декабря. Трубку сняла какая-то девушка и вдруг, узнав мою фамилию, закричала:

– Как хорошо, что вы позвонили! Меня зовут Нина Судина. Нас с вами назначили на защиту на 13 января.

– Как на 13-е, – опешил я. – А сегодня какое? Надо же за 30 дней объявление в газету везти.

– Да не знаю я ничего, – заплакала девушка. – Что теперь делать-то? Надо было что-то срочно предпринимать.

– Ладно, Нина, не плачьте и дождитесь меня. Я сейчас приеду.

Я выскочил на улицу, схватил такси, доехал до Менделеевки и бегом кинулся на кафедру. Но на лестнице внезапно почти налетел на Сырова.

– Ну вот, – радостно заулыбался он мне. – Видите, мы поставили вас на первую же в новом году защиту. Чтобы вы не говорили потом, что к вам плохо относятся.

– Так до защиты всего две недели, Серафим Сергеевич, – возопил я. – А в газету когда же?

– А это ваши проблемы, – опять иезуитски заулыбался Сыров. – Идите, идите. Там Судина вас дожидается. Тоже в расстройстве вся.

На кафедре действительно сидела симпатичная девушка со слезами на глазах. Сыров улыбался.

И здесь на меня какое-то зло напало.

– Ну и прекрасно, – сказал я Сырову. – Давайте бумаги в газету. Вы сказали, что это наши проблемы, мы их и будем решать. А вы, Нина, собирайтесь, сейчас поедем.

Где-то через полчаса, получив необходимые бумаги, мы с Ниной опять же на такси помчались в «Вечернюю Москву».

Вполне возможно, что Сыров был не в курсе, что я уже года три внештатно работал в «Вечерке». Нине я тоже ничего не стал объяснять, а, попросив ее обождать меня внизу, пошел в кабинет Семена Давыдовича Индурского, главного редактора газеты.

– Здравствуйтесь, Семен Давыдович, – с порога начал я. – Помогите, пожалуйста. Напечатайте объявление о защите за десять дней до 13 января. Ведь это можно сделать, еще две недели.

– Это что, ты защищаешься или за кого просишь? – удивился редактор. – Во, не знал. Молодец. Напечатаем, конечно, какие проблемы. Давай свои бумажки сюда.

Я спустился вниз, обрадовал Нину Судину, и она убежала по своим делам. А я медленно пошел на Чистые пруды, где располагалась редакция «Вечерней Москвы». Но не прошел и полсотни метров, как меня ударило словно обухом. Господи, пронеслось в голове, все это настолько скоропалительно произошло, что я даже не узнал, а что там с моими оппонентами-то? Может, они в заграничной командировке на пару лет, может, в отпуске, или, не приведи Господь, их вообще уже нет в живых.

Там же на улице я кинулся в телефонную будку и позвонил в первую очередь

Быховских. Слава Богу, он был на месте. Секретарша соединила меня с ним. – Максим Васильевич, – я старался говорить как можно более спокойно и убедительно. – Меня назначили опять на защиту 13 января. Вы будете в Москве? Приезжайте, пожалуйста. Поймите, третий раз мне уж пересдавать не дадут.

– Дорогой мой, – ответил Быховских в присущей ему манере. – Ну откуда я могу знать, что будет со мной 13 января? Позвони мне накануне, и мы договоримся. Мне оставалось только поблагодарить его и повесить трубку.

Прошел Новый год. Не скажу, чтобы он был для меня таким веселым, как это всегда бывает. Надвигающееся число защиты, а это, между прочим, было 13-е и к тому же понедельник, не предвещало ничего хорошего. С начала января в институте начиналась зимняя экзаменационная сессия, и большинство членов Ученого совета, которым я приносил свой реферат, не были уверены, что именно в этот день у них не будет экзаменов и зачетов и они смогут прийти на мою защиту. Другими словами, плюс ко всем «удовольствиям», на Совете не набирался кворум. По закону заседание Ученого совета считалось правомочным, если на нем присутствовало не менее двух третей его членов. В нашем Совете было восемнадцать человек, значит, моя защита опять сорвется, если придут меньше двенадцати.

Накануне защиты, 12 января уже 1969 года, я позвонил Быховских. Трубку сняла секретарь. Я попросил самого.

– А он болен.

Услышав это, я стал совсем на пределе.

– Он в больнице?

– Нет, дома.

Дрожащей рукой я набрал домашний телефон Максима Васильевича и, когда он откликнулся, заговорил сразу севшим голосом.

– Максим Васильевич, завтра защита. Я вас очень прошу, вам-то и нужно лишь прочесть свое прошлогоднее заключение. Давайте мы за вами на машине приедем, а потом домой отвезем. Ведь третий раз, если сорвется, мне защищаться не дадут.

Быховских молча выслушал меня и ответил явно простуженным голосом.

– Дорогой мой, ну что, у меня своей машины нет? Давай договоримся так, если смогу, я приеду.

Назавтра на защиту я шел в полуконтуженном состоянии. Во-первых, наберется ли кворум, во-вторых, сможет ли приехать Быховских. У меня было такое ощущение, что тему моей диссертации я уже просто забыл, не говоря о докладе, который год назад я выучил почти наизусть, а сейчас боялся, что не смогу и вспомнить.

В той же аудитории, что и год назад, собрались практически те же люди. Слава Богу, из членов Ученого совета пришло четырнадцать человек, а это значит, кворум набрался, и можно было начинать. Но Быховских не было. Телефон его не отвечал.

Первой защищала свою диссертацию Нина Судина, и все время, пока она говорила, я оглядывался на дверь. Наконец, – о счастье! – в аудиторию вошел членкор Максим Васильевич Быховских. Он отыскал меня глазами, я при этом почти встал в полный рост, и занял место за первым столом.

Как и в первый раз, я наелся перед защитой успокоительных таблеток и чувствовал себя вполне прилично. Видно, приход Быховских придал мне силы,

я вспомнил свой доклад, хорошо отчитал его, ответил на различные вопросы и с удовольствием заслушал положительные отзывы моих официальных оппонентов. Осталось дело за голосованием. Голосовали тайно. И во время подсчета голосов в зале стояла напряженная тишина. Она взорвалась, когда объявили результаты. В тринадцати бюллетенях было «за», и один бюллетень был признан недействительным.

Когда утвердили итоги голосования, ко мне кинулись друзья с объятиями и поцелуями. А потом объявили:

– Ну, теперь давай, приглашай всех в «Прагу».

– В какую еще «Прагу»? – После того раза я заклеялся заранее заказывать ресторан. – Какая еще «Прага?».

Вокруг меня смеялись:

– Давай приглашай, не раздумывай. Мы все заказали уже. Сегодня вечером отмечать будем.

Вечером мы действительно отмечали. И хотя кандидатом наук я себя считать еще не мог, поскольку для этого было необходимо утверждение ВАКа, но это уже от меня не зависело, и тяжесть всего происшедшего на этом «диссертационном» пути постепенно отпускала меня. А может быть, этому способствовала уютная обстановка классного ресторана, родные лица вокруг и возможность не отказывать себе в горячительных напитках.

Через несколько часов мы вышли на улицу. Стояла холодная зимняя ночь, шел снег, и крупные пушинки его на фоне освещенного ресторана казались сказочными. Мы выходили из «Праги» небольшими группками, и я ждал, пока выйдут все. Недалеко от меня о чем-то беседовали трое-четверо парней. Один из них подошел к девушке из нашей компании и начал что-то говорить ей. Почему-то мне это не очень понравилось. Я подошел к ним и стал выяснять, чего он хочет от моей подруги.

– Да я спросить хотел, – ответил парень.

– Ты давай меня спроси, – возразил ему я.

Неизвестно, что в моем предложении его задело, но, вместо того, чтобы спросить, он с размаху ударил меня в глаз. Хмель вылетел из моей головы, и я кинулся на него. Подоспело подкрепление с обеих сторон. наших было гораздо больше, а посему стычка продолжалась недолго, противник оставил поле боя. Мы, разгоряченные этим непредусмотренным событием, тоже постепенно разошлись.

Только наутро я увидел, что мой глаз здорово заплыл, и как я ни камуфлировал его, но на работу идти было надо.

У самого входа в институт я встретил начальника соседнего отдела. Он знал, конечно, о вчерашней защите и, увидев у меня фингал под глазом, подмигнул.

– Ну, ты молодец, – сказал он и засмеялся. – Сразу видно, что здорово защищался.

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

(Воспоминание восьмое)

Кто сам не трудился над получением кандидатской степени, тот не сможет представить объема проделанных работ. Конечно, специфика каждой научной области имеет большое значение. Скажем, как я понимаю, математику в

основном необходимы лишь хороший кабинет, стол с зеленой лампой да возможность читать зарубежные журналы по своему направлению. Филолог – проводит дни в библиотеках, перелопачивая груды соответствующей литературы. Биологу нужны какие-нибудь подопытные свинки или мухи-дрозофилы. Ну, а если ты задумал стать кандидатом технических наук, то приготовься к тому, что тебе придется заниматься не только теоретическими изысканиями.

Я думаю, достаточно одного перечисления проблем, которые достались на мою долю, чтобы хотя бы приблизительно представить себе это дело. И мне еще крупно повезло. Сейчас поймете, почему. Прежде всего, тема моей диссертации – а я уже ее называл: «Исследование процесса шлифования электровакуумных стекол алмазным инструментом» - на тот период была очень актуальной. С одной стороны, изделия из электровакуумного стекла с каждым годом находили все более широкое применение, - как по количеству, так и по ассортименту, - во многих отраслях, включая радиоэлектронику, полупроводниковую технику или космические исследования. Промышленности требовалось все большее и большее количество стеклянных изделий, к которым предъявлялись высокие требования и по качеству обработки, и по точности. С другой стороны, выполнение всех этих требований давала возможность создания обрабатывающего инструмента из синтетического алмаза, который только-только начал появляться в нашей стране.

Но, «ныряя» в эту проблему, я должен был наряду с теоретическими вопросами – как-то, скажем, исследование физического механизма шлифования стекла алмазом, - провести и большую практическую работу. Мне предстояло разработать оптимальные режимы технологии обработки и дать рекомендации по созданию инструмента с наилучшими характеристиками. Кроме того, результаты этой работы должны были быть практически внедрены на предприятиях страны. И только в этом случае я мог спокойно предстать со своей диссертацией перед учеными мужами аттестационной комиссии. Во-вторых, мне крупно повезло, что я смог делать свою работу в профильном институте – НИИ электровакуумного стекла. Хотя бы уже потому, что тему моей диссертации поставили в план работы нашей лаборатории механической обработки. Но то, что тему утвердили в план, удивления у меня не вызывало: уж очень она актуальной была. Гораздо больше удивлял сам факт принятия меня на работу в данный институт.

О! Это была очередная эпопея в моей жизни и, может быть, я когда-нибудь расскажу и о ней. Сейчас же только упомяну, что начальник лаборатории Александр Юрьевич Бродский, которому, насколько я понимал, такой специалист, как я, был в лаборатории просто необходим, никак не решался даже поговорить с директором института о моем приеме. Александр Юрьевич, земля ему пухом, был хорошим человеком и известным специалистом в своей области, но, видно, время и жизнь научили его реально смотреть на вещи и даже в некотором смысле напугали. Помню, уже потом он говорил мне: «Вот есть хороший парень, взял бы его, так опять скажут – ага! Бродский евреев берет». В случае же со мной он посоветовал: «Давайте несколько месяцев потерпим, директор уйдет в отпуск, тогда и попробуем». У меня не было вариантов. В это время я уже ушел из дневной аспирантуры МИХМа, поступил в вечернюю аспирантуру Государственного института стекла, но мне нужно было идти работать. И не только абы куда-нибудь, а именно туда, где я смог бы

продолжать делать диссертацию. С другой стороны, надо было и деньги какие-никакие зарабатывать. Я пробовал было поискать себе что-нибудь удобоваримое, но везде было глухо. Оставалось ждать отпуска директора. Расчеты Бродского оказались правильными, и главный инженер НИИ, замещавший шефа, заявление мое подписал. Правда, с деньгами было негусто. Мне дали должность инженера, с окладом 110 рублей. Потом, после двух-трех лет работы я получил старшего инженера и имел уже 125. При этом следует заметить, что я руководил группой по обработке кинескопов цветных телевизоров, которые только-только начали производить на наших заводах. В подчинении у меня было 3-4 человека, да и тема серьезная. Но когда я заикался было о повышении зарплаты, Бродский неизменно говорил: «Да бросьте вы! Ну, выбью я вам еще десятку-другую. Спасет это вас? Давайте, давайте, защищайтесь скорее, вот тогда и будете настоящие деньги иметь». Честно говоря, мне и десятка-другая не помешала бы, но резон в словах начальника все же был, и я с удвоенным рвением занимался диссертационной работой.

Но защищаться скорее, как советовал Александр Юрьевич, ставший, кстати, моим научным руководителем, было не так-то просто. Прежде всего, для проведения экспериментальных работ мне необходима была установка. Ее я успешно сделал из аккуратного небольшого шведского шлифовального станка, который удалось раздобыть на одном из родственных «почтовых ящиков». Я сам мотался за станком к коллегам. Причем не один раз, пока полный комплект оборудования не установили в нашей лаборатории. Конечно, станок пришлось модернизировать, для чего я придумал и изготовил в наших же мастерских целый ряд узлов и приспособлений. Таких, например, как совершенно новый тензометрический центр с датчиками для измерения сил резания.

Много сил ушло на добычу шлифовальных алмазных кругов с необходимыми характеристиками. Я узнал практически все заводы Союза, где начали выпускать этот новый для промышленности инструмент, и объездил их, начиная от подмосковного Томилина и кончая Киевом и Ленинградом. Для того чтобы качество стеклянных образцов не влияло на чистоту экспериментов, по моему заказу на стекольном заводе изготовили около тысячи заготовок из стекла, их предварительно обработали и насадили на оправки, опять же сконструированные мною.

Мне пришлось самому создать еще много чего. Вряд ли это стоит перечислять не для специалистов. Но об одном моменте сказать хочется. Я разработал методики высокоскоростных кино- и фотосъемки, позволявшие видеть на экране в замедленном темпе весь механизм шлифовки стекла алмазом.

Причем если фотоустановка стояла непосредственно на моем экспериментальном стенде, то высокоскоростных кинокамер в стране было всего несколько штук. Одна из них - на кафедре технической съемки в Госинституте кинематографии. Туда я привез свой стенд и три месяца вместе со студентами бился над решением этой проблемы, пока все-таки не удалось получить результат. И методика эта, и сам фильм были уникальными.

А потом начались непосредственно эксперименты, которые мне приходилось делать самому, поскольку помощников у меня не было. Чтобы не утруждать вас, уважаемый мой читатель, могу только сказать, что таких экспериментов, каждый из которых сопровождался фиксацией необходимых показателей, было более 6000. (Специально пишу это число не словами, а цифрами – для

наглядности.) Результат каждого опыта заносился на специальный бланк, и таких бланков у меня набралось несколько толстенных альбомов. (Никогда не забуду того ужаса, когда, придя однажды утром в лабораторию, я увидел, что альбомы эти, лежавшие у меня на столе, были размыты водой из выбившего ночью крана. Сколько времени ушло потом на то, чтобы высушить эти листы и привести их в порядок!)

При этом учтите, что в то время мы не располагали компьютерами или вычислительными машинами и все обсчеты практически приходилось делать вручную.

Потом полученные данные надо было проанализировать, построить на их основании таблицы и графики, создать математические формулы, позволяющие технологам быстро высчитать оптимальную технологию.

А еще пришлось сделать десятки фотографий, приготовить листы для защиты, да и вообще, написать сам текст диссертации, который у меня занял ни много - ни мало – около двухсот страниц. И при этом, сколько времени я потратил на изучение технической литературы!.. В диссертации ссылок на нее было, если не ошибаюсь, около трехсот. Не забывайте еще, между прочим, что необходимо было заводское внедрение. И я мотался в командировки по заводам, где на практике применял мои результаты. Да лишь на одном Винницком радиозаводе я просидел около двух месяцев... И никто, между прочим, не снимал с меня другой работы в лаборатории.

Если вы подумали, что я так, со слезой в голосе, подробно рассказываю о своих трудностях, чтобы подчеркнуть, какой я молодец, то, уверяю вас, вы не правы. Наверное, у всех других диссертантов сил на свое детище ушло не меньше. С небольшим отклонением в ту или другую сторону. Может быть, только не у всех была такая проблема с защитой. Невероятно, но факт – на всю вышеперечисленную подготовку диссертации я потратил три года, а на сам процесс защиты – два. Но об этом я уже писал выше.

Компенсировалось это, пожалуй, лишь тем, что Высшая аттестационная комиссия утвердила мою работу потрясающе быстро. 13 января 1969 года состоялась моя защита, в конце месяца документы пошли в ВАК, а уже 19 марта я официально стал кандидатом технических наук. Не знаю уж, в чем там было дело. Скорее всего, диссертацию мою не посылали «черным» оппонентам. А, может, сыграло положительную роль наличие целой кучи заводских актов внедрения и солидный список научных статей, написанных мной (в соавторстве с А.Ю.Бродским) по теме диссертации.

Другими словами, получив «корочки» я, наконец, мог рассчитывать, как постоянно говорил мне мой начальник, на изменение своего служебного положения с одной стороны и на законное увеличение зарплаты – с другой.

Но ничего не менялось. Я продолжал оставаться руководителем группы, старшим инженером и с тем же окладом. Естественно, в первый же день после защиты начинать разговор на эту тему показалось мне некорректным, но, по прошествии времени, надо было что-то предпринимать.

Как на грех, в этот момент в наш институт пришел новый директор. Довольно молодой человек, Виктор Петрович Фурсов. Говорили, что у него где-то наверху «мохнатая лапа», ибо без нее вряд ли возможно занять такую должность в солидном институте. Может быть, Александр Юрьевич Бродский что-то и знал о нем. По крайней мере, когда я снова заикнулся о своих проблемах, он замахал на меня руками: «Что вы, что вы, куда вы лезете. Дайте немного оглядеться. Вы

еще не представляете, чем это может кончиться для всех нас».

Почему это могло чем-то кончиться для всех нас, я понял спустя какое-то время. Из института один за другим начали уходить сотрудники. Причем, в основном не рядовые и в подавляющем большинстве с анкетой, «бракованной» в определенном пункте. Бродский сидел ниже травы и тише воды. Меня не трогали, но что-то надо было решать. Я угрохал массу сил и времени на диссертацию, а практической отдачи не было никакой. А у меня имелась семья, рос сын, да и мне уже перевалило за тридцать. Пора было бы, как говорится, «мужчиною стать».

Прошло полгода. Получив от Бродского в очередной раз «отлуп», я решил сам сходить к Фурсову. Директор принимал только по записи. Я записался и в одну из пятниц зашел в кабинет Виктора Петровича. Конечно, до того я встречался с директором, но никогда еще не имел прямого разговора с ним. Когда секретарь записывала меня на прием и спросила цель посещения, я ответил, что «по личным вопросам», не конкретизируя темы разговора, но мне показалось, когда я сел у директорского стола, что Фурсов знает, зачем я пришел.

Здесь надо бы сделать одно небольшое отступление, чтобы обрисовать картину штатного расписания в нашем институте. Да и не только в нашем. Сотрудники институтов делились на две категории. Одни занимали инженерные должности, другие – научные. Инженеры, старшие или ведущие инженеры получали оклад согласно штатному расписанию. Причем каждый уровень имел свою «вилку». Скажем, зарплата инженера была от 100 руб. до 120. Старшего – от 125 до 140. и т.д. И непосредственно руководитель подразделения мог дать тебе любую сумму, входящую в соответствующий разброс.

У научных сотрудников, обладающих кандидатскими степенями, зарплата определялась по другому принципу. Она имела жесткую величину, которая зависела от трех факторов: категории института, занимаемой должности и научного стажа работника. Так, скажем, старший научный сотрудник в институте 2-й категории, имея стаж от 0 до 5 лет, получал 210 рублей. При стаже от 5 до 10 лет оклад автоматически повышался до 240 рублей. А после 10 - до 270. Так что для того, чтобы у тебя повысилась зарплата, было несколько выходов. Или ждать 5 лет стажа до очередного повышения, или занять более высокую должность, например, заведующего сектором или отделом, либо перейти на работу в институт первой категории.

Если же человек работает в инженерной должности, то, естественно, научный стаж у него не идет и один из источников повышения оклада не функционирует.

Имея теперь кандидатскую степень, я вполне мог претендовать на должность старшего научного сотрудника, пусть даже и с нулевым стажем. Учитывая, что наш институт был второй категории, мой оклад составил бы сразу 210 руб., что, согласитесь, по сравнению с получаемыми 125-ю было уже кое-что. С такой мыслью я и пришел в тот день к новому директору.

Наш разговор еще не успел начаться, как в кабинет вошла секретарь. Она подошла к столу Виктора Петровича и, нисколько не обращая внимания на меня, положила перед Фурсовым стопку денежных купюр довольно симпатичной толщины и листок бумаги.

- Что это? – поднял на нее глаза Виктор Петрович.

- Премия какая-то, - спокойно пояснила секретарь, – в ведомости распишитесь,

пожалуйста.

Удивления директор не выразил, а только спросил, ставя свою подпись в нужной графе:

- За что премия-то?

- Не знаю, за что. Из бухгалтерии принесли.

- Ну, ладно, какая разница, - удовлетворенно произнес Фурсов. – Премия она премия и есть.

Он небрежно бросил деньги в ящик стола и повернулся ко мне. Как ни странно, этот эпизод меня несколько воодушевил. Мне почему-то показалось, что раз директор так трезво относится к денежным вознаграждениям, то и мои проблемы он сможет правильно понять. Фурсов разглядывал меня с некоторым любопытством и молчал.

Я молчал тоже, хотя до прихода в этот кабинет несколько раз «проиграл» предстоящий разговор.

- Ну, - наконец, произнес директор, – так я слушаю вас.

Под его взглядом, увеличенным очками, я замешкался.

- Слушаю, слушаю вас, - нетерпеливо повторил хозяин кабинета и демонстративно бросил взгляд на большие часы на стене.

- Виктор Петрович, - начал я, – вот уже полгода, как мне утвердили кандидатскую.

- Я в курсе, - кивнул головой Фурсов, как бы подтверждая мое предположение, что он знает, зачем я к нему пришел. – И что?

- Я думаю, что мне можно было бы уже перейти на другую должность, - сказал я и для чего-то добавил: - Вроде бы карантин я выдержал...

Директор или не понял моего юмора или не хотел со мной шутить.

- И что бы вы хотели иметь для себя?

- Теперь, имея ученую степень, я бы хотел и на должность перейти научную.

Я опять замолчал, а он продолжал молча разглядывать меня сквозь очки с

каким-то даже интересом. Потом, побарабанив пальцами по столу, произнес:

- Хотите продолжать заниматься наукой? Это похвально. Я могу перевести вас на научную должность, дам место младшего научного сотрудника. По-моему, в вашей лаборатории есть такая ставка.

Я растерялся. Такой вариант я даже и не предполагал. Младший сотрудник с нулевым научным стажем мог рассчитывать на 130 рублей.

- Почему младшего? – только и мог сказать я. – Я сейчас старший инженер, руководитель группы. Да у меня в группе работают два младших. Что же получается, после защиты диссертации меня отбрасывают назад, на уровень моих подчиненных? И оклад мой всего на пять рублей возрастет?

- Вот! – назидательно поднял палец директор. - Так вот в чем все дело-то! Так прямо и скажите, что на науку вам наплевать. Вас только деньги интересуют!

У меня перед глазами еще не остыл недавний момент удовлетворенного получения директором премии, даже не известно за что. А он продолжал:

- Понял я вас, понял. Деньги хотите? Дам я вам денег. Старший инженер у нас может получать до 140. Вот и получите по максимуму. Довольны?

Я понемногу приходил в себя:

- Нет, Виктор Петрович, меня это не устраивает. Если я останусь на инженерной должности, научный стаж у меня не будет расти и перспектив никаких не появится. Я не понял, почему я не могу претендовать на должность старшего научного сотрудника?

Глаза директора метнули молнии:

- Давайте-ка, проставим точки над «и». Нельзя хотеть все сразу. Я вам предлагаю выбор любого варианта. Хотите заниматься наукой – пожалуйста, работайте младшим научным сотрудником. И стаж у вас пойдет. Не нужна вам наука, корыстные цели преследуете, так скажите честно и получите повышение оклада на сегодняшней должности. На вашем месте я бы постыдился меркантильные цели преследовать. Вы еще молодой человек, а уже только о кармане своем думаете. Может, вы для этого и диссертацию защищали?

И столько благородного гнева звучало в его голосе, что, не зная всего предыдущего, можно было бы поверить Фурсову в искренности.

Но я понял, что мне ничего не светит. А посему не стал высказывать директору в глаза захлестнувшие меня мысли. Я встал, попрощался как мог спокойнее и вышел из кабинета.

Уже на пути в свою лабораторию я твердо решил, что из этого института надо уходить. Вот только куда? Опыт безрезультатного устройства на работу у меня, к сожалению, уже был. К тому же став за эти годы специалистом в области стекольного машиностроения, я резко сузил для себя поле своего применения. Но, как говорят сегодняшние депутаты, альтернативы не было. И я стал подыскивать себе место.

Наверное, кто-то «наверху» был на моей стороне, потому что совершенно случайно я вычитал в «Вечерней Москве» объявление о конкурсе на замещение вакантных должностей в институте, название которого я сразу даже и не смог произнести – ЦНИИТЭИлегпищемаш. Среди большого списка вакансий я увидел должность старшего научного сотрудника в сектор стекольного машиностроения. Это была необыкновенная удача. На следующий же день я поехал по указанному адресу, который оказался небольшим старым заводом легкой промышленности. На втором этаже административного корпуса завода в полутемном коридоре и находилась искомая организация. И сам завод, и убогость помещения института резко контрастировали с большими корпусами НИИ электровакуумного стекла. И далеко не в лучшую сторону. Но я все же обратился туда и узнал, что под вывеской ЦНИИТЭИлегпищемаша находится институт информации и технико-экономических исследований, входящий в систему недавно созданного министерства по производству оборудования для многих отраслей легкой промышленности. Среди них было и стекольное машиностроение. Народ в институт только набирали, вакансий было много, а претендентов на намеченную для себя должность, я полагаю, не было вообще. Институт, несмотря на свой убогий вид, относился ко второй категории, вариантов, после разговора с Фурсовым, у меня не оставалось, и я подал документы на конкурс.

Конкурс я прошел, руководство ЦНИИТЭИлегпищемаша встретило меня благосклонно и, по-моему, даже обрадовалось, что нашло необходимого им специалиста. Имея негативный жизненный опыт, - в частности тогда, когда меня развернули из одного Ленинградского ВУЗа уже при наличии приказа Министерства о моем зачислении в студенты, - я не торопился уходить со старого места. И только имея на руках результаты конкурса и, на основании его, приказ о моем зачислении на работу, я решил написать заявление об увольнении. По собственному желанию.

Через секретаря я передал заявление Фурсову. Тот подписал его в тот же день, в чем я, кстати, и не сомневался.

А до этого, как положено, я принес заявление на визу Бродскому. Александр Юрьевич не смог скрыть своего подавленного настроения. Не глядя на меня, он только спросил: «Может, стоит вам самому к директору подойти?».

Наверное, он не знал, что я уже имел разговор с тем. По крайней мере, я не говорил ему об этом, чтобы лишний раз не расстраивать. Все же Бродский во многом мне помог за эти годы и не был виноват в том, что у него не хватило духа пойти хлопотать за меня.

- Нет, Александр Юрьевич, - сказал ему я. – Я уже ходил к директору, ничего хорошего из этого не получилось. Больше я к нему не пойду.

- Ладно, ладно, - согласился мой начальник.- Желаю вам успехов. Не пропадайте.

Он вздохнул, подписал заявление и, отдавая его мне, тихо добавил:

- Я все понимаю, все понимаю....

Мне от души было жалко Бродского, но я все понимал тоже.

«ПОСМОТРИТЕ ЗА СЕЙФОМ...»

(Воспоминание девятое)

Все это было бы смешно, когда бы ни было так грустно. Хотя нет, смешно это не было бы в любом случае. Или был бы смех такой, знаете ли, сквозь слезы. Ладно, ладно, не надо так драматизировать... Какие слезы? Что уж там за трагедия? Ну, еще один эпизод из моей жизни, причем далеко не самый худший. Просто он очень характерно подтверждает мою мысль о том, что каждую ступеньку своей судьбы, даже самую малую, мне пришлось преодолевать с тратой сил и нервов. Хотя для других людей аналогичная ситуация проходила как-то незаметно, без напряжения, как что-то само собой разумеющееся.

Я и сам не знаю, зачем мне понадобилось то ученое звание. Честное слово, я и тогда-то не мог себе это четко объяснить, а уж сейчас, по прошествии стольких лет, тем более.

Ученая степень – это понятно, это надо. Сделавшись кандидатом наук, я мог претендовать на престижную должность, высокую зарплату, стал вхож в научный мир. По крайней мере, статьи в научные журналы у меня брали с большей охотой. К тому же я заимел возможность посещать Московский Дом Ученых, где проходили очень интересные и престижные мероприятия, и куда простому смертному вход был заказан.

С ученым званием дело обстояло несколько иначе. Во-первых, сразу же стоит отметить, что эти самые ученые звания делились как бы на две группы. В одну из них входили звания, присуждаемые работникам высших учебных заведений, во вторую – лицам, работающим в НИИ, КБ, вообще в промышленности.

Для людей, ведущих преподавательскую работу, ученые звания имели большой смысл, поскольку помогали им занимать соответствующие должности на кафедре. Имеешь ты звание профессора или доцента, так и будешь участвовать в конкурсе на замещение этих же должностей. Причем ученая степень не подразумевала получения определенных ученых званий. Человек мог бы кандидатом наук, но иметь звание профессора. А мог, наоборот, при докторской степени довольствоваться дипломом доцента. Все зависело от

конкретных обстоятельств.

Для работников второй группы дело обстояло несколько иначе. Для них было предусмотрено всего лишь одно ученое звание – старший научный сотрудник, которое один к одному напоминало просто название должности в штатном расписании НИИ. Большинство людей даже не подозревали, что, работая на этой должности, они становятся «собратями» ученых мужей. Старших научных сотрудников в любом НИИ было много, а обладателей такого ученого звания – куда как меньше.

Поскольку я и работал в НИИ, то мне светил только диплом «старшего научного сотрудника». Сама процедура получения ученого звания была не намного проще, чем защита ученой степени. Присуждали его в Высшей аттестационной комиссии, документы в которую подавали от Ученого Совета института, где работал соискатель. А заседание Ученого Совета проходило со всей строгостью. Ты должен был отчитаться о проделанной за последние годы работе, предъявить опубликованные за это время материалы, рассказать о своих творческих планах. Затем, как и при защите диссертации, шли выступления официальных оппонентов. И, наконец, проводилось тайное голосование членов Ученого Совета за ходатайство в ВАК о присуждении тебе этого самого ученого звания.

В случае положительного решения ВАКа, ты становился обладателем такого же красивого, коричневого с золотом, диплома, как кандидатский. Вот, пожалуй, и все! Ничего нового в твою жизнь этот диплом не приносил. Зарплата у тебя оставалась прежняя, должность та же самая, а моральное удовлетворение... Конечно, его тоже сбрасывать со счетов нельзя. Но чем оно могло бы быть выражено? Еще одной строчкой на визитной карточке? Ведь не будешь же, право, носить этот диплом на веревочке через шею. И если, при случае где-нибудь есть смысл упомянуть, что ты – профессор или доцент, то сказать, что ты – старший научный сотрудник, просто бессмысленно. Как говорится, народ может не понять.

И все же, все же, все же... Что-то, видно, подвигло меня в то время заняться получением этого звания. Может быть, какое-то подспудное желание самоутвердиться. Или я решил, перефразируя «лучшего поэта нашей эпохи», что если такое ученое звание существует, то, значит, это кому-то нужно. Так почему не мне? И с третьей стороны, кто знает, каким боком к тебе повернется судьба. Не исключено, что мне все-таки удастся перейти на преподавательскую работу в ВУЗ, и тогда звание «старшего научного», которое приравнивалось там к «Доценту», поспособствует получению этой должности на кафедре. Я пишу «все-таки удастся», потому что такие попытки предпринимал неоднократно, еще и до получения кандидатской степени и уже будучи кандидатом наук. И так же неоднократно получал от ворот поворот. Впрочем, не стоит сейчас углубляться в эти воспоминания. Они заслуживают отдельного разговора.

По крайней мере, ничего плохого желание получить ученое звание мне не сулило, и я решил попробовать и это блюдо «на вкус». Не учел я только один момент. В нашем институте информации, где я в то время работал, людей с ученой степенью можно было пересчитать по пальцам. Среди них были директор, его заместитель по научной работе и два-три начальника отделов. В каждый отдел входило несколько секторов, руководили которыми люди «не остепененные». За исключением меня. Каждый сектор отвечал за свое

направление в нашем многоотраслевом министерстве. Недавно созданное министерство это называлось Минлегпищемаш и занималось решением вопросов создания оборудования для текстильной, легкой, пищевой, полиграфической промышленности и бытовых приборов. Входила в сферу Минлегпищемаша и отрасль стекольного машиностроения. Я уже как-то говорил, что специалистов такого профиля ВУЗы страны тогда не выпускали. И стекольным машиностроением занимались либо инженеры-механики, окончившие общемашиностроительные институты, либо химики-технологи, знающие стекло. Так что я был, пожалуй, одним из немногих, подходящих на должность начальника такого сектора. Что, скорее всего, и помогло мне поступить на работу в этот многоотраслевой институт информации. Вернусь к тому отрицательному моменту, который я не учел, решив получить ученое звание. Заведующие секторами нашего института несли одинаковую нагрузку. Каждый сектор решал практически те же вопросы, что и «соседи», только каждый в своей отрасли. И зарплаты у руководителей секторов были одинаковыми. Опять же за исключением меня. Я, как единственный завсектором, имевший кандидатскую степень, по положению получал на 20-30 рублей больше своих коллег. Что, вероятно, ущемляло их самолюбие. Правда, внешне это никак не подчеркивалось, и у меня были со всеми нормальные отношения, но внутри... Да кто может заглянуть в душу своего соседа? Теперь же, при таком раскладе, я еще и замахнулся на ученое звание, которого вообще не имел в нашем институте ни один человек. То, что получение его не давало мне ни копейки прибавки к зарплате, ни возможности получения места, скажем, начальника отдела, как-то не принималось в расчет. А вот то, что я хотел «выпендриться», получить то, чего нет у других, подспудно людей раздражало. Но это я сообразил только потом, когда «машина уже была на ходу».

Конкретно данная ситуация всплыла на том самом заседании нашего Ученого совета, которое решало мой вопрос. Я опускаю здесь тяготящие моменты сбора многочисленных необходимых бумаг и документов, получения отзывов от официальных оппонентов, составления пояснительной записки. Кто прошел все это, тот знает, а кто – нет, то и нечего им голову забивать.

Но тот день настал. Я прилично отчитался на Совете, ответил на многочисленные вопросы, с удовлетворением выслушал выступление оппонентов. Наконец, выбрали счетную комиссию и приступили к тайному голосованию. Отпечатали бюллетени, по количеству присутствующих членов Ученого совета, раздали их, и голосующие товарищи разбрелись по углам, чтобы поставить галочку в нужном месте.

Имея за плечами поучительный опыт защиты кандидатской диссертации, я дожидаясь результатов подсчета с некоторым волнением, хотя понимал, что это не тот случай. Результаты голосования неприятно поразили меня. Нет, я прошел с большим «запасом прочности», но то, что из пятнадцати голосующих трое были «против», оставило неприятный осадок. Тем более, что во время обсуждения ни один человек ничего отрицательного в мой адрес не высказал. Значит, сделал я для себя выводы, в институте у меня есть недоброжелатели. И это тем более неприятно, что выявилось это при голосовании тайном, а значит, позволяло мне подозревать каждого. А, как известно, подозрение всегда противнее знания.

Но все это было уже из области эмоций. Дело было сделано и надо было

довести его до конца. Для чего собрать все необходимые бумаги в папку и отвезти их в ВАК. Что я и сделал, спустя несколько дней. К папке полагалось приложить две пустые открытки с адресом нашего института. Зачем это – я пока не понимал, но, естественно, открытки вложил.

ВАК гудел как улей. Почему-то в коридорах там было много людей. Одни сидели на стульях у дверей кабинетов, другие, которым стульев не хватило, подпирали стены. Пробегали девушки с кипами папок, тяжелыми даже на вид. Важно шествовали чиновники или солидные посетители. Я никогда не думал, что существует такое количество претендентов на ученые степени и звания. Не без труда я нашел дверь, за которой принимали «Дела», аналогичные моему. Перед дверью выстроилась очередь. Заняв ее и отстояв положенное, я попал в комнату, где за барьером в поте лица, как на конвейере, работали две женщины. Одна из них, освободившаяся от предыдущего посетителя, устало спросила у меня: «У вас что?» и получив ответ, стала привычно и быстро перелистывать мою папку. Видимо, содержание удовлетворило ее и она, вытащив из папки одну из принесенных мной открыток, шлепнула на нее большой штамп. Затем она вписала туда несколько слов и, протянув открытку мне, сказала: «По почте посылать не будем. Отдайте своему Ученому секретарю».

Я взял открытку, поблагодарил и пошел на выход, успев заметить, как моя папка, над каждой бумажкой в которой я так трясся, легла на грудку таких же папок на пол у стенного шкафа. Такое небрежное отношение к моему труду меня поразило, но в дверь уже входил очередной претендент. В коридоре я взглянул на открытку, которую все еще держал в руках. Проставленный штамп и вписанные слова подтверждали, что такого-то числа, такого-то месяца и года документы были приняты.

- Ну и ладушки, - подумал я. – Теперь будем подождать.

Я положил открытку в карман и на завтра отдал ее Ученому Секретарю нашего института Игорю Ивановичу Смыслову. А тот положил ее в свой сейф.

- Что теперь? - спросил я его.

- Да ничего, - ответил Смыслов. – Теперь от нас ничего не зависит. Теперь будем ждать. Ты не волнуйся, это скоро не бывает.

Я вспомнил очередь у дверей того кабинета, грудку папок на полу и согласился с Игорем Ивановичем.

Прошло месяцев пять-шесть, пока раздался телефонный звонок и я, сняв трубку, услышал голос Ученого секретаря.

- Зайди ко мне, - сказал Смыслов. – Дело есть.

Хотя у меня с Ученым секретарем могли быть разные дела, я почему-то сразу решил, что речь пойдет о моем ученом звании. И пока я шел, различные мысли витали у меня в голове. В первую очередь те, что я получил из ВАКа «отлуп». Но Игорь Иванович встретил меня улыбкой. – С тебя бутылка, - оповестил он, открывая сейф так весело, как будто как раз и собирался вытащить из него ту самую бутылку. Но вместо нее он достал и положил передо мной мою же открытку. Вторую из тех, что я отнес в свое время в ВАК. Я сразу же узнал ее, поскольку адрес на ней был написан моей рукой.

- Не там глядишь, - опять заулыбался Смыслов. – Переверни.

Я послушно перевернул листок и увидел, что на нем стоит большой штамп, чем-то похожий на тот, первый. Только в этом штампе было написано, что ВАК приказом № 201 от 6 мая 1972 года утвердил меня в ученом звании «старший

научный сотрудник» в области «Оборудование силикатных производств». Вот тебе и здрастье! Что и требовалось доказать!

- Ну, спасибо, - только и смог ответить я и собрался, было, взять открытку. Но Игорь Иванович отобрал ее у меня.

- Нет, старик, нет, - сказал он. – Видишь, чей здесь адрес? Сам же писал. Ученого совета института. Вот у меня в сейфе ей и самое место. Так что можешь ехать в ВАК за «корочками», только позвони сначала, по опыту знаю. Я еще раз поблагодарил Смыслова, подтвердил, что «бутылка за мной» и, вернувшись к себе, сразу же позвонил в ВАК, телефон в который мне дал на прощание Игорь Иванович.

В ВАКе, узнав, по какому вопросу, меня «перебросили» на другой номер. На этот раз милый девичий голос прежде всего спросил, знаю ли я номер приказа и его дату. Эти данные отпечатались у меня в мозгу крепко, и я их сходу назвал своей собеседнице.

- Ну что вы, - засмеялась она. – Вас же только на прошлой неделе утвердили. Так что звание у вас уже есть, а диплом будет не скоро. Понимаете, - доброжелательно объяснила она мне, - все данные в такие документы пишет у нас только один человек, обладающий своеобразным каллиграфическим почерком. А знаете, сколько ему надо таких дипломов написать? И чтоб красиво, и чтоб без ошибок...

Я не знал, но относительно представлял, а посему только лишь поинтересовался:

- Так когда же моя очередь подойдет?

- Не знаю, - честно ответила девушка. – Позвоните в сентябре-октябре. Поблагодарив девушку и положив трубку, я спокойно приготовился ждать полгода. Тем более, если рассуждать трезво, получение «корочек» месяцем-другим раньше или позже абсолютно ни на что не влияло.

Правда, где-то в середине лета, случайно попав на улицу Жданова, где находился ВАК, я не удержался и заглянул туда. В справочном окошке мне разъяснили, что мой вопрос я могу выяснить в такой-то комнате, где сидят инспектора, отвечающие за эти дела.

На этот раз в ВАКе было куда спокойнее, чем в день сдачи мной документов. Вероятно, сказывался летний сезон. И у дверей нужной комнаты никого не было. Так что, постучав, я сразу же вошел туда. Инспектора, четыре женщины, сидящие по углам большой комнаты за столами, одновременно вскинули не меня глаза.

- Мне бы узнать насчет диплома, - обратился я ко всем сразу, не зная, с кем должен говорить конкретно.

- Звание, степень? – спросила близсидящая женщина.

- Звание.

- Какой институт? Технический, гуманитарный?

- Технический.

- Название?

Я назвал, и женщина, на секунду задумавшись, кивнула мне в сторону окна: «К Альбине Сергеевне обратитесь».

Поблагодарив, я прошел к столу Альбины Сергеевны. Посетителей у нее не было, и она пригласила меня присесть.

- Фамилия, институт? – грудным голосом спросила меня она и после моего ответа, повернувшись к шкафу, вытащила из него толстую амбарную книгу.

Пока Альбина Сергеевна внимательно листала ее, я с интересом рассматривал ее саму. И успел заметить, что она - женщина в возрасте, но хорошо сохранившаяся и явно следящая за собой. Аккуратная прическа, массивные и, видно, дорогие серьги в ушах, строгий, но не стандартный костюм. И к тому же, я сразу обратил внимание, маленькие темные усики. Нет, нет, не усы, а именно усики, придающие лицу Альбины Сергеевны определенную пикантность.

Но не успел я, как следует рассмотреть свою собеседницу, как она, видимо найдя необходимую страницу, вскинула на меня глаза и, придерживая пальцем нужную строчку, сказала мне.

- Не волнуйтесь, все у вас в порядке. Утвердили вас, - она бросила взгляд в книгу, - в мае месяце шестого числа, приказ № 201. Записать вам или запомните? У вас же в институте должна быть об этом открытка, сама посылала.

Мне стало неудобно признаться, что я уже в курсе, поэтому я поблагодарил своего инспектора и вышел на улицу. Было лето, было тепло, светило солнце и я ощущал себя очень даже счастливым.

Осенью, где-то в сентябре-октябре я пару раз звонил в ВАК, мне отвечали, что дипломы за май месяц еще не готовы и просили перезвонить попозже. Да я и не торопился...

Наконец в начале ноября на очередной мой звонок я получил положительный ответ.

- Все в порядке, - сказал мне человек из ВАКа. - Ваш диплом готов, приезжайте в любое время в комнату 321.

Сказать, что я запрыгал до потолка от радости, так нет. Ну, готов, так готов. Ну, приезжать, так приезжать. Ну, в комнату 321, так в комнату 321. Но особенно откладывать тоже не хотелось. И через пару дней, захватив из детского сада пятилетнего сына, я поехал на улицу Жданова.

Потащился я с ребенком в присутственное место по двум причинам. Во-первых, я должен был забрать его из группы и оставлять одного дома не хотел. А во-вторых, резонно рассуждал, что это долгожданное мероприятие займет у меня мало времени. Ну, скажите, сколько надо минут, чтобы зайти в комнату 321, взять готовые «корочки», расписаться, если потребуется, и уйти восвояси?

Сына я взял где-то около пяти часов, через полчаса мы были в ВАКе. Еще через пять минут подходили к заветной комнате. У дверей привычно толпился народ, а ВАК, насколько я знал, работал до 18-00.

Не попасть было обидно, и я скорее шутя, чем всерьез обратился к людям:

- Товарищи, дорогие, - сказал я, незаметно пытаюсь выдвинуть сына на первый план. – Пропустите с ребенком вне очереди.

Вообще-то появление дошкольника в таком солидном учреждении, было, может быть, впервые и, естественно, вызвало удивление. К тому же, если этим еще хотели воспользоваться, чтобы проскочить вперед. Наверное, кое-кто подумал, что я специально и притащил для этого пацана сюда. Но никто ничего вслух не сказал и нас пропустили. Видно, все-таки ВАК посещали интеллигентные люди. За столом сидела женщина, которая также с удивлением уставилась на меня с сыном. Я назвался и объяснил, что пришел за своим дипломом, поскольку мне сказали, что он уже готов.

- За май? – переспросила она. – Да. Да. Майские все уже здесь.

При этом она похлопала рукой по стоящему на столе длинному и узкому ящику, в котором друг за дружкой торчали искомые документы. Их было там, наверное,

десятков пять. Но, вполне возможно, что они стояли по алфавиту, потому что женщина довольно быстро и уверенно перебрала их пальцами, пока не дошла, вероятно, до моей буквы. Здесь ее движение замедлилось, и она стала перебирать каждый листочек. Потом недоуменно пожав плечами и взглянув на меня и на сына, она принялась по второму заходу перебирать весь ящик от А до Я. Нечего не понимая, я послушно стоял у стола, крепко держа сына за руку, поскольку он, видимо, устал и начал понемногу канючить.

Женщина еще раз прошла вдоль всех дипломов. И удивлено переспросила мою фамилию. Убедившись, что с первого раза поняла ее правильно, она с недоумением обратилась ко мне:

- А что-то я вас не найду никак. Вы уверены, что в мае утвердили?

Я в растерянности закивал головой.

- Странно, - сама себе сказала женщина. – Давайте в картотеке поглядим.

Она подошла к шкафу, вытащила оттуда картотеку и несколько раз прошуровала ее от начала до конца. Безрезультатно.

- Не может такого быть. Вы, видно, перепутали номер приказа. Сходите-ка в протокольный отдел. Попросите, пусть они вам протокол покажут. А потом придете ко мне, скажете.

Не ожидавший такого варианта, с путающимся под ногами сыном, я помчался искать протокольный отдел. Солидному мужчине, сидевшему там и также удивившемуся нашей семейной паре, я рассказал, как мог, ситуацию.

- Момент, - сказал солидный мужчина. – Извините, но протоколы мы читать не даем. Сейчас я позвоню, выясню.

Куда уж там он звонил, я не знал, но, отойдя от телефона, вытащил из шкафа толстый скоросшиватель и положил его на свободный стол.

- Идите сюда, - позвал он меня, - садитесь, ищите свой протокол по номеру и читайте.

Под осуждающим взглядом хозяина кабинета я снял с сына пальто и шапку, посадил рядом на стул, а сам открыл скоросшиватель.

Протоколы заседаний ВАК там были подшиты в порядке поступления, и я быстро нашел свой 201 номер. Он состоял из трех скрепленных листочков. В начале протокола, после преамбулы, значилось, что настоящим ВАК утверждает ученые звания нижеследующим лицам. И затем на всех трех листах шел перечень этих самых счастливых утвержденных лиц. Как минимум 50-60 человек.

Хотя в том списке фамилии тоже были расположены в алфавитном порядке, я начал читать с первой же строчки, скрупулезно называя про себя каждую из них. В списке меня не было. На душе как-то стало тоскливо. Я ясно помнил номер и дату приказа об утверждении, стоявшие на полученной открытке.

Кроме того, я уже говорил, что летом мне здесь же в ВАКе подтвердила это инспектор с усами Альбина Сергеевна. Сдерживая себя, я пошел читать по второму заходу. На стуле рядом занял наследник, но я не слышал его. И второй раз я не нашел своей фамилии в заветном перечислении. О чем с удивлением и сообщил протокольному начальнику.

- Ну, вот видите, - обрадовался тот. – У нас ошибок не бывает. Сами, наверное, что-то напутали.

Бормоча извинения, держа в одной руке руку сына, а в другой его пальто, я выкатился в коридор, где и замер, совершенно не представляя, что должен предпринять. Наконец, я решил, что самым правильным было бы сходить к

Альбине Сергеевне и попытаться разобраться вместе с ней. Как-никак она же была нашим инспектором, она же подтвердила мне данные и послала открытку в институт.

А время уже подходило к концу рабочего дня. Поэтому Альбину Сергеевну мы застали «на низком старте». Вряд ли она узнала меня, но на просьбу мою еще раз посмотреть свою амбарную книгу замахала руками.

- Да вы что, молодые люди? – она, наверное, имела в виду нас обоих. – Я тоже человек, рабочий день окончился. Давайте завтра, завтра. А еще лучше позвоните мне.

Видно, она решила, что завтра я опять приду вместе с сыном и начну давить на жалость к ребенку.

После чего Альбина Сергеевна сунула мне свою визитку с номерами телефонов и удалилась. А мы поехали домой. Мне было жалко сына, уставшего от нашего путешествия, да и себя – от очередного удара судьбы.

Весь вечер, да и ночь, я промучился в мыслях о происшедшем, перебирая те или иные варианты случившегося. Но так ни к какому выводу и не пришел. Я не мог понять, почему элементарная проблема – прийти получить готовый диплом, обернулась для меня таким фарсом.

Короче, назавтра же я позвонил Альбине Сергеевне.

- Здравствуйте, - сказал я, представившись. – Вы просили меня позвонить.

- Я? Просила? – несказанно удивилась инспекторша, и мне стало ясно, что в основном просит не она, а ее.

- Ну да. Я заходил вчера к вам перед концом работы. Вы просили сегодня позвонить.

- А в чем дело?

- Я хотел вас попросить посмотреть номер и дату приказа, утвердившего мое ученое звание. Летом я был у вас, вы мне назвали и то, и другое. Кроме того, в открытке, посланной вами в институт, написано то же самое. А диплома моего в 321 кабинете нет. И более того, в протоколе, что вы мне назвали, меня нет тоже.

Минуту Альбина Сергеевна молчала, видимо переваривая мое сообщение, а потом заговорила как-то преувеличенно доброжелательно.

- Да, да. Я понимаю вас. Это явно какое-то недоразумение. Конечно, сразу я вам не могу ответить, в чем там загвоздка, но обязательно все выясню.

Позвоните мне, пожалуйста, через пару дней.

Помню, как меня удивило резкое изменение интонации Альбины Сергеевны. Положив трубку, я попытался найти какое-то объяснение этому. Допустим, рассуждал я сам с собой, мне не удастся доказать, что инспекторша этим летом назвала мне и номер приказа, и дату его. Все это было, так сказать, в устной форме. Но, с другой стороны, в сейфе у Игоря Ивановича Смыслова хранится письменное подтверждение вышеупомянутого факта. И, скорее всего, закорючка на той открытке, заменяющая подпись, принадлежит именно Альбине Сергеевне. Ведь, с ее же слов, именно она и послала открытку в наш институт. Откуда же тогда, спрашивается, взялся этот пресловутый приказ, если меня нет даже в его протокольном списке?

Одно из двух: или Альбина Сергеевна ошиблась, и моя фамилия фигурирует в приказе под другим номером, или меня вообще не утвердили в ученое звание и тогда чем можно будет объяснить все случившееся. И в том, и в другом случае претензии напрямую можно было бы адресовать инспектору. Если я надумаю

качать права и узнавать истину, для Альбины Сергеевны это может закончиться большими неприятностями. Пожалуй, она быстро просчитала ситуацию, заговорила со мной с большой доброжелательностью и, думаю, сама постарается как-то «разрулить» данное положение.

Придя к такому «раскладу» я решил, что лучшим выходом для меня будет оставить все на откуп инспектора и просто подождать течения событий.

Подождав для приличия пару-тройку дней, я опять позвонил в ВАК. На этот раз Альбина Сергеевна сразу узнала меня и, не дав даже задать вопрос, с радостью пророкотала своим грудным голосом:

- Все в порядке, все в порядке, не волнуйтесь. Все мы выяснили. Просто произошла небольшая накладка. Ваш диплом был выписан, но случайно завалился за сейф. И мы его там обнаружили. Так что, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается.

За время ее монолога мне не удалось вставить ни слова. Хорошо еще, что у меня хватило ума не спросить, почему же, если все так хорошо, меня нет в соответствующем протокольном списке. Я понял, что сотрудники ВАКа сделали какой-то ход конем. Или внесли меня в тот приказ дополнительно, задним числом, или вписали в какой-то другой протокол. В конце концов, для меня это было неважно. Поэтому я только спросил у своей собеседницы:

- Я могу приезжать?

- Нет, нет, подождите, - засуетилась на том конце провода Альбина Сергеевна.

- Диплом мы нашли, но у человека, который их заполняет, большой объем работы. Я постараюсь его упростить, чтобы не затягивал. Но как получится....

У меня опять хватило ума не задать ей бестактный вопрос. Как же это понимать, что диплом мой они нашли, но его еще заполнить надо? Если найденный за сейфом бланк был чистым, то почему они решили, что это именно мой диплом? А если на нем уже была моя фамилия, зачем его снова заполнять? Ну, явно шли какие-то непонятки. Не желая терять в союзниках Альбину Сергеевну, я промолчал и согласился, как она сказала, «не стесняться и позванивать».

И я стал «позванивать». Сколько разговоров состоялось у меня с инспекторшей уже и не помню. Но каждый раз у нее находились «объективные» причины «развернуть» меня. То у товарища с каллиграфическим почерком никак не доходили руки именно до моего документа. То, когда это состоялось, ушел в отпуск Председатель ВАКа, и мой готовый диплом некому было подписать. То еще чего-то... Я терпеливо ждал. И дождался.

Уже после Нового года Альбина Сергеевна с явным облегчением, в котором чувствовалось, как я надоел ей, сказала мне в очередном разговоре:

- Ну вот, я вам говорила, что все устроится отлично. Можете приезжать в комнату 321 в любое время. Поздравляю.

Я от души поблагодарил своего инспектора, поскольку она, не важно по какой причине, успешно довела дело до положительного конца. И буквально через день отправился на улицу Жданова. Искать комнату 321 мне на этот раз не пришлось, дорогу туда я хорошо запомнил с того раза. И народ у дверей не толпился. Но прежде, чем войти в комнату, я почувствовал внутри себя какую-то дрожь, перемешанную с любопытством. Ей-Богу, если бы и на этот раз я ушел с пустыми руками, то, наверное, даже засмеялся бы.

Но все произошло очень даже обыденно. Все та же сотрудница быстро «пролиставала» знакомый ящик и вытащила мне белый продолговатый листок

толстой бумаги. На нем действительно красивым каллиграфическим почерком, тушью было обозначено, что я утвержден в ученом звании «старший научный сотрудник». Первым делом я бросил взгляд на номер приказа, написанный в дипломе. Он был другим, как и дата его выпуска. Видимо заметив улыбку на моем лице, сотрудница спросила:

- Вас что-то смущает? Все правильно?

- Правильно, правильно, - уже воткрытую засмеялся я. – Все правильно, спасибо вам большое.

Я попрощался, вышел в коридор и, спросив у проходивших людей, где здесь можно приобрести обложку к своему диплому, пошел туда. Красивую коричневую с золотом «корочку» мне продали моментально, даже не спрашивая наличия самого диплома. Внутри этой обложки, в самой середине был прикреплен белый витой шнурок, под который я и просунул свой свежий документ. Затем сложил обложку пополам и полюбовался на эту красоту. На завтра я принес диплом на работу и пошел с ним к Игорю Ивановичу Смыслову. Как и обещал, я прихватил с собой бутылку. Ученый секретарь, бывший в курсе моих приключений, свежеиспеченному диплому очень обрадовался. Но, по-моему, коньяку он обрадовался еще больше.

* * *

Зеленые цифры электронных настольных часов светили так ярко, что вполне заменяли ночник, а мигающая точка между ними, отсчитывающая секунды, чересчур наглядно подчеркивала убегающее время. И ночью, при затемненных окнах, комната, освещенная неживым электронным светом, казалась нереальной. Как будто бы во сне. Но я не спал. Я лежал, смотрел на мигающую секундную точку на часах и вспоминал, вспоминал, вспоминал...

КОНЕЦ